Хроники одинокой вселенной

книга первая

Даниил Кузнецов

18+

Хроники одинокой вселенной

Даниил Кузнецов

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман

«Автор»
2026

Кузнецов Д.

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман / Д. Кузнецов — «Автор», 2026 — (Хроники одинокой вселенной)

Что делать, если привычный город растаял в сером тумане, а ты оказался в странном месте без окон и дверей? Семёну придется принять новые правила игры. Загадочный наставник, три остроухих волчонка и первые уроки по управлению временем — это лишь самое начало пути.На Земле ему всегда всё давалось слишком легко, и новый мир не стал исключением. Чужая реальность и непонятные законы не пугают Семёна, а лишь бросают вызов его интеллекту. Он играючи осваивает сложнейшие навыки и почти не встречает преград. Семёну суждено обрести абсолютное могущество, но главный вопрос в другом: какой будет цена этой силы и готов ли он ее заплатить?

© Кузнецов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящается 6
Пролог 7
ТУМАН 10
книга первая 10
Глава 1 11
Глава 2 21
Глава 3 34
Глава 4 48
Глава 5 54
Глава 6 62
Глава 7 67
Глава 8 80
Глава 9 92
Гл 112
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Хроники одинокой вселенной.Том 1.Туман

Посвящается
Терри Гудкайнду

Пролог

Грандиозный зал купался в ровном свете огромных ламп. За окном мерцали звёзды, а на артефактах и голографических проекциях вдоль стен вспыхивали и гасли причудливые тени. Тишина стояла такая, что её хотелось потрогать; нарушал её лишь отдалённый гул подготовительных систем, похожий на шёпот старых машин.

По углам и вдоль стен стояли деревья в кадках, высокие, с толстыми стволами и тёмной кроной, что шевелилась под струями воздуха. В центре зала лежали три плоских камня, а между ними поднимались три невысоких ствола с бледными, чуть светящимися листьями. Кто-то из ассистентов, проходя, поправил сбитую ветку, и листья качнулись.

В центре зала, на вынесенной далеко вперёд смотровой площадке, что висела посреди стекла, как хрупкий капитанский мостик, стоял высокий мужчина в строгом синем жакете с золотой эмблемой Межгалактического института естествознания. Седые виски, пронзительно-голубые глаза, в которых стояла усталость от бесконечных споров. Он держался за поручни, переминался с пятки на носок и не отрываясь смотрел вниз.

Его внимание держала изолированная платформа с креслами участников, где суетились ассистенты. Но сильнее притягивало то, что лежало за площадкой. Абсолютное ничто. Дышащая за прозрачным монолитом пустота открытого космоса, лишённая материи, клеток и структуры, без единой магической составляющей.

— Я понимаю, что всё уже давно решено, взвешено и утверждено всеми комиссиями. Но вопрос всё равно жжёт мне горло…

Мужчина умолк, приводя мысли в порядок.

— Действительно ли это необходимо? — наконец произнёс он, обращаясь в пустоту перед собой. — Ещё недавно, когда до пуска оставались годы, во всё это верилось с трудом: подготовка не вызывала опасений, дата казалась бесконечно далёкой. Но сейчас, когда остались минуты, тело объяла глухая, тянущая тревога, от которой перехватило дыхание.

Поправляя запонки, чьи позолоченные грани ловили холодные блики звёздного света, он топтался на месте, будто искал опору. В этот момент к нему подошёл президент «Нового союза» в безупречном чёрном костюме с серебристыми вставками; его худощавая фигура казалась ещё тоньше в лучах далёких туманностей, проникавших через стекло. Рядом, чуть позади, застыл главный аналитик, невысокий мужчина с острым взглядом и морщинами у глаз. Он то и дело пробегал пальцами по браслету на запястье, проверяя последние показатели, и словно пытался уловить малейшее отклонение.

— Вы знаете, сколько жизней сменил их предводитель? Или хоть кто-то из них? — директор обвёл рукой стекло, за которым дышал бездонный вакуум. Двигался он уверенно, но поджать губы до конца у него не получалось.

— Они не говорят, — ответил президент, и голос отскочил от сводчатого потолка площадки; эхо вернулось к нему самому.

— И правильно. Они никого не посвящают в детали процесса. Им не нужны наши советы, да, чёрт побери, им не нужно даже наше согласие. Если бы мы отвергли эксперимент, они спрятались бы где-то на краю вселенной, ушли бы к мёртвым звёздам, и мы бы ничего не смогли контролировать.

— Перестаньте тешить себя иллюзиями, вы и так ничего не контролируете, — в голосе президента звучали усталость и горечь.

— Пожалуй, тут вы правы, — директор пожал плечами, и лацканы жакета шевельнулись. — Да и как контролировать то, на чьё строительство ушли сотни лет? Нас даже не было, когда всё начиналось. Для своего финального исхода они внедрили в уже сформировавшуюся вселенную целую галактику! Перекроили её целиком, подчинили физику своим нуждам. И

ведь при этом не нарушили ни одного фундаментального закона, так что ни одна живая душа не пострадала! Они заселили колоссальную звёздную систему по своему усмотрению, но при всём своём могуществе не отказались проводить этот эксперимент под нашим, так сказать, присмотром. Никаких тайн, всё открыто, а мы при этом не знаем ничего! Поразительно… Я, действующий член Высшего совета, кавалер ордена Звёздного атласа, не последний человек в обществе и далеко не самый слабый маг и учёный своего поколения, стою здесь и смотрю на это, как ребёнок на чудо.

Директор замолчал, подбирая слова. За стеклом, в глубине зала, вспыхнул янтарный свет и очертил контуры мощных механизмов.

— Но даже мой разум пасует перед масштабом задуманного. Объём проделанной ими работы трудно охватить. Голова трещит от одних только цифр.

— Глупо было бы спорить, — тихо отозвался президент.

Там, внизу, на фоне пронзительной черноты вакуума, восемь глубоких кресел казались крошечными песчинками, брошенными на алтарь вечности. К ним тянулись провода, мерцавшие ровной голубизной, похожей на вены древнего механизма. В креслах полулежали участники эксперимента, неподвижные и сосредоточенные, опутанные паутиной тончайших светящихся нитей. Ассистенты в белых халатах с эмблемами института переглядывались и в последний раз проходили по спискам оборудования; двигались они точно и выверенно, но чувствовалось, какого труда им это стоит. Закончив, они спешили покинуть шлюзовые переходы платформы.

Президент перевёл взгляд на огромный голографический хронометр обратного отсчёта. Часы тикали вместе с сердцами присутствующих. Цифры пульсировали багровым.

— Главное, чтобы на наш век хватило стабильности вселенной. А там…

Неслышной, кошачьей походкой, словно скользя по воздуху, из тени коридора выступила глава Академии прикладных наук галактики Сим — Амелия Раст. От неё пахло мёдом и сухими свитками. Несмотря на возраст, она сохранила редкую красоту и безупречную фигуру. Серебристые волосы были собраны в строгий пучок, а тёмно-синее платье с голографическими узорами подчёркивало стройную талию. Амелия замерла у перил, заложив руки за спину; её тонкие пальцы нервно теребили браслет с древними символами, выдавая беспокойство.

— Триста лет они отсчитывали время назад, шаг за шагом приближая нас к этой секунде, к этому событию, — Амелия вынула руку из-за спины и указала на хронометр; багровые цифры отразились на её лице. — Осталось четыре минуты. Менять или что-то исправлять уже поздно. Да и к чему лукавить? Мы ведь всегда поддерживали их, абсолютно все. И я в том числе.

Она прищурилась и выпрямилась. Взгляд её скользил по приборам и то и дело возвращался к силуэту в центральном кресле.

— Я в него верю, — тихо, но твёрдо произнесла она. — Он со своей маленькой помощницей способен сотворить то, что задумал. Возможно, там, на той стороне, потратив сотни, если не тысячи новых перерождений и испытаний, ему наконец удастся полностью раскрыть потенциал своего мозга. Где-то в глубинах новой реальности он отыщет недостающие три целых две десятых процента, а она вдохнёт душу во всё, что способно мыслить.

К перилам подошли ещё несколько мужчин в официальных костюмах; их тени вытянулись в свете далёких звёзд. Лица были напряжены.

— А если этот взрыв сознания нас всех убьёт? Схлопнет пространство и уничтожит привычный мир? Что тогда? — голос прозвучал глухо.

Амелия даже не повернулась, чтобы узнать, кто задал этот тревожный вопрос. Ответа на него не было ни у неё, ни у лучших умов союза. Она тихо произнесла:

— Вы когда-нибудь перерождались, сохраняя полную память о прошлых жизнях? По-настоящему?

— В трёх последних воплощениях, — после долгой паузы отозвался один из стоявших у перил. — Но моя работа требовала этого. Мои прежние наработки… И он помог мне в этом.

— Так или иначе, он помогал многим. Давайте будем честны, он всем нам помог, — отрезала Амелия. — И если его план осуществится, а я верю, что у него всё получится, мы первыми узнаем цену этой победы.

— Они станут богами? — прозвучал испуганный шёпот из темноты. — А если результат окажется не таким, как мы ожидаем? Если исход будет чудовищным?

Директор института едва заметно качнул головой и выдохнул прямо в холодное стекло панорамного окна:

— Они не любят, когда их так называют.

— Да какая разница. Просто мы до ужаса боимся признать это вслух.

— Минута осталась, — проигнорировав чужие страхи, прошептала Амелия. Пальцы её сжались на поручне. — Как они всегда любят повторять: «Мы не боги, мы просто те, кто мы есть».

«Всё верно, Амелия. Не больше и не меньше. Мы всего лишь те, кто мы есть.»

Голос возник внезапно, прямо внутри её головы, минуя слух, чистый, прохладный, такой близкий. Она узнала бы его из миллиардов других. Это голос единственного человека, которого она любила больше всего во всей этой огромной, обречённой на ожидание вселенной. Это был Он. Она знала, что не сможет пойти за ним. Её биологический срок слишком короток, столько жизней ей не прожить. Но она пообещала себе оставаться с ним рядом каждую секунду, всю свою единственную жизнь. И он знал это. Память ожила, возвращая редкие, почти невесомые прикосновения его пальцев к её волосам, те мгновения тепла, которые он урывал у своей бесконечной работы. Он безмолвно ответил ей той же щемящей нежностью. Его присутствие ощущалось так близко, словно он стоял рядом, и все страхи отступили, уступая место тишине. И теперь, стоя на пороге неизведанного, Амелия знала главное. Она будет ждать его возвращения, сколько бы времени это ни заняло.

Абсолютная тишина окутала зал, словно саван. В этой тишине можно было услышать лишь бешеное биение сердец присутствующих, их сбитое дыхание и страх в голосах. Пустота за экспериментальной площадкой словно пульсировала, будто живое существо, готовое поглотить всю материю, весь свет, всю прошлую жизнь. В самых отдалённых уголках вселенной сто семьдесят два триллиона глаз были прикованы к приборам, показывающим обратный отсчёт. Каждый нерв, каждая клетка замерли в ожидании, в страхе, в надежде. Воздух стал густым, почти осязаемым, наполненным электричеством грядущих перемен, которые могли стать последними. Амелия почувствовала, как по её спине пробежал ледяной холодок, несмотря на тёплый воздух зала.

Вся вселенная замерла. Трёхсотлетнее ожидание подошло к концу.

Три… Металлические механизмы часов издали протяжный звук, и вспыхнул первый контур Источника, окрасив зал в багровые тона.

Два… Приборы пульсировали голубым, отсчитывая последние секунды привычного мира. Ослепительно белый свет залил площадку, стирая очертания систем.

Один… Всепоглощающая вспышка на миг ослепила вселенную, а затем приборы, смотровую площадку и сами звёзды стало стремительно и беззвучно затягивать серым туманом. Прошлое растворилось без остатка, дав начало новой легенде.

ТУМАН

книга первая

Глава 1

В начале мая питерский воздух ещё держал утреннюю колкую прохладу, хотя днём солнце уже пригревало. Я проснулся раньше будильника от вязкого чувства, что что-то пошло не так. В комнате стоял непривычный полумрак, а первые косые лучи в такое время обычно вовсю заливали подоконник. На ощупь добравшись до балкона, я с тихим скрежетом распахнул стеклянную дверь. Холодная белая дымка тут же коснулась лица, пахнув невской сыростью и прелой землёй.

Вдохнув поглубже, я шагнул на бетонные плиты и положил ладони на влажные, остывшие за ночь перила. Передо мной лежал аномально густой туман, накрывший город ещё с рассвета. Чёткие линии кирпичных многоэтажек растворялись в нём, как чужие мазки на недописанной картине. Пустырь внизу скрыло молочной пеленой целиком. А дальше, совсем вдалеке, сквозь неё начинали проступать невозможные силуэты, похожие на замки из старых легенд. Высокие башни, острые шпили, причудливые арки. Я усмехнулся этой игре воображения. В магию я не верил, считал её сказкой, которой нет места в мире строгих физических законов. Да и в другие измерения не верил тоже. Без твёрдых доказательств всё это оставалось выдумкой фантастов.

Лёгкое оцепенение прошло, и я вернулся в комнату. Замок за пустырём растаял так же быстро, как появился, а поддаваться утренней хандре в собственный день рождения не хотелось. Натянув спортивную форму и кроссовки, я вставил в уши наушники, включил любимый транс, и ровный бит сразу вытеснил из головы всё лишнее. Пробежка по изученному до метра маршруту была для меня такой же привычкой, как чистка зубов.

Моя утренняя дистанция была всегда одинаковой. Круг вокруг района я знал наизусть, до каждой выбоины на асфальте. К концу моего марафона лёгкие приятно жгло от прохладного воздуха, а мышцы налились хорошей усталостью. Вернувшись домой, я привычно скинул кроссовки у порога и первым делом отправился в ванную.

Горячие тугие струи душа смыли пот и окончательно вернули в реальность. На кухне я быстро собрал привычный завтрак, обычное топливо после бега. Заварил овсянку, сыпанул туда горсть черники с орехами, закинул на сковородку пару яиц и поджарил хлеб. Пока закипал кофе, я глянул на настенные часы. Времени до выхода оставалось с запасом, поэтому я машинально щёлкнул пультом, включая телевизор для фона.

Выпуски новостей я не любил и почти не смотрел. Глупо тратить время на то, на что ты не способен повлиять. Сидишь перед экраном, смотришь на чужие решения и ничего не можешь изменить. Куда больше меня привлекали каналы с фантастикой, научпопом или мистическими передачами. Там сказки открыто выдавали за реальность, и это было по-своему честно.

Я лениво перелистывал каналы, пока не наткнулся на очередной псевдодокументальный сюжет. Бодрый ведущий с заговорщицким видом вещал про тайны подземных цивилизаций и древние тоннели атлантов под Финским заливом. Потом заговорили об инопланетном коде в ДНК и загадочных «спящих» процентах мозга. Я снисходительно усмехнулся, слушая эти околонаучные байки, но следующий сюжет почему-то зацепил. Диктор с придыханием рассказывал о вещах, которых я раньше никогда не слышал, о скрытой стране под названием Трия, затерянной вне карт и времени, и о её загадочной принцессе. Тело девушки покрывали живые узоры в виде извивающихся змей, а рядом всегда находилась защитница с пугающим даром. Если принцессе грозила опасность, та мгновенно оборачивалась огромной чёрной пантерой.

Я хмыкнул и покачал головой. Авторы РЕН-ТВ явно превзошли сами себя. Хотя лукавить не буду, сказки я любил с детства. Живёшь в мире, где каждый год выпускают очередной гаджет, и поневоле привыкаешь смотреть на новинки равнодушно. Вчера они казались чудом, а сегодня лежат в кармане и никого не удивляют. А вот то, чего в природе точно не бывает,

цепляло по-настоящему. Допив кофе, я нажал кнопку на пульте, и экран погас. Пора было собираться.

Откинув пульт на диван, я пошёл в прихожую. На сегодня оставалось одно обязательное дело. Смотаться в Москву и забрать свой пятый по счёту диплом, на этот раз по лингвистике. Школьная программа благодаря домашним занятиям с профессорами осталась позади ещё в двенадцать лет, а девять последующих лет превратились в сплошной академический марафон. Я учился очно, сдавал сессии экстерном, закрывал параллельные курсы. К двадцати одному году на полке уже пылились корочки по архитектуре, высшей математике, квантовой физике и информационным технологиям. Звучит внушительно, вот только на практике я просто коллекционировал знания по инерции. Я мог рассчитать нагрузку на фундамент небоскрёба или написать сложный код, но понятия не имел, куда приложить свои знания в реальной жизни.

Чтобы обернуться за день, я взял билет на утренний «Сапсан». Дорога пролетела незаметно под мерный перестук колёс и музыку в наушниках. В столице всё прошло как по конвейеру. Быстрый визит в деканат главного корпуса, дежурное рукопожатие, подпись в ведомости, ещё одна твёрдая папка в рюкзаке. Никакого ощущения триумфа, будто просто сходил в МФЦ за справкой. И вот я снова сижу в кресле поезда, несущегося обратно на север. В Петербург я вернулся ровно к пяти вечера. На Московском вокзале меня встретил всё тот же сыроватый воздух, а дневное тепло уже шло на спад. К тому моменту, как я добрался до своего района, вечерняя прохлада окончательно вступила в свои права, и над пустырём снова начал лениво сгущаться туман.

***

Повернув ключ в замке, я переступил порог. Тишину пустой трёхкомнатной квартиры тут же нарушил тяжёлый глухой стук когтей по паркету. Из глубины коридора вышла Линда, моя огромная чёрная собака, размерами превосходившая самого крупного дога. Несмотря на устрашающие габариты, встретила она меня мирно, лениво и размашисто виляя тяжёлым хвостом. Я потрепал её за ухом, провёл ладонью по жёсткой шерсти, и она, тихо фыркнув, побрела за мной на кухню. Рюкзак с дипломом полетел на стул, я щёлкнул кнопкой чайника. Когда вода закипела, я заварил крепкий чёрный чай, но пить сразу не стал, оставил кружку остывать на столе, а сам вышел на балкон.

Сумерки медленно опускались на город. Солнце садилось за горизонт, подсвечивая майское небо тревожными алыми тонами. Снизу тянуло сладким запахом сирени, но настроение всё равно было паршивым. Мне исполнился двадцать один год, а праздника я совсем не чувствовал. Стоял и думал о том, как быстро пролетела юность, а туман за окном становился всё плотнее.

Я положил ладони на перила. С четвёртого этажа двор выглядел как обычно, газоны с первыми цветами за невысоким кованым забором, серая дорога с машинами, припаркованными в ёлочку. Новая детская площадка внизу жила своей шумной жизнью. Оттуда доносились крики детей, металлический скрип качелей и гулкий стук по деревянным горкам. А сразу за ней тёмным пятном раскинулся огромный молчаливый пустырь.

Почему его не застраивали, в районе толком никто не знал. С трёх сторон территорию зажимали безликие новостройки, а с четвёртой стояли наши немолодые пятиэтажки. Для взрослых это место было бельмом на глазу, зато для нас, местных пацанов, там пряталось всё, что нужно для нормального детства. Заброшенные постройки с битыми окнами, покосившееся кирпичное здание, насквозь пропахшее плесенью и гнилыми досками, глубокая канава в бурьяне и небольшой дикий лесок. И, конечно, наша главная гордость, затопленный котлован, где летом мы устраивали морские сражения бумажных и деревянных кораблей.

Зимой этот котлован превращался в дикий, но любимый всеми каток, где коньки звонко скрежетали о неровный бугристый лёд. Летом же поляна рядом становилась футбольным полем с настоящими железными воротами, которые сварганили и вкопали ещё старшие ребята лет

двадцать назад. На этом куске дикой земли я в детстве мог вообразить себя кем угодно, солдатом в осаждённом форте, лётчиком на грунтовой полосе, космонавтом на чужой планете или магом среди древних руин. Там, посреди строительного мусора и зарослей крапивы, я впервые научился спокойно быть один и не тяготиться собственной компанией.

Из задумчивости меня выдернул тихий вздох Линды. Она улеглась у моих ног прямо на холодный бетон балкона. Я посмотрел вниз, на затягивающийся туманом пустырь, и невольно улыбнулся, вспомнив один день из детства, когда мы с родителями приехали на дачу к их друзьям. Взрослые тогда с головой ушли в свои научные споры, которые казались мне скучным набором громоздких терминов. Я честно пытался вникнуть, но вскоре от их разговоров в гостиной стало так скучно, что я тихо поднялся со своего места и выскользнул за дверь.

Решив осмотреть незнакомый старый дом, я неспешно побрёл по коридору и прошёл мимо столовой. Заглянув по пути на кухню, я увидел бабушку хозяев, которая стояла у плиты и помешивала густое ароматное варенье. В самом конце коридора, прямо за высокой стопкой пожелтевших от времени газет, пряталась ведущая наверх лестница. Она была совсем узкой и тёмной, а её деревянные ступени за долгие годы стёрлись посередине почти до белизны. Когда я поставил ногу на первую ступеньку, старое дерево протяжно скрипнуло. Следом за ней подала голос и вторая, поэтому дальше я поднимался осторожнее, стараясь наступать как можно ближе к самой стене. Наверху меня сразу обдало сухим и плотным жаром, который шёл от раскалённой на солнце крыши. Весь просторный чердак тонул в густом полумраке, и лишь сквозь небольшое, давно не мытое окошко внутрь пробивался тусклый пыльный свет.

Среди старых чемоданов, колченогой мебели и картонных коробок с журналами я откопал толстый потрёпанный том. На обложке полустёртыми золотыми буквами значилось «Первое правило волшебника». Имя Терри Гудкайнда мне тогда ни о чём не говорило, но само слово «волшебник» сработало безотказно. Я уселся прямо на дощатый пол у слухового окна, смахнул пыль с переплёта, открыл первую страницу и выпал из реальности. Опомнился я только в темноте, когда уже не мог разобрать букв. Прошло несколько часов, но казалось, что взрослые даже не заметили моего отсутствия.

С того дня мир Срединных земель прочно засел у меня в голове. Вернувшись в город, на пустыре за пятиэтажками я больше не играл в обычные игры. В своих мыслях я перестал быть просто Сёмкой, а стал Искателем Истины. Мои родители, свято верившие, что ребёнку для развития ума достаточно классики и энциклопедий, развлекательную литературу не признавали. Уступили они только раз и только этому автору. После моего долгого нытья и клятвенных заверений, что у Гудкайнда всё строго про честь, долг и логику, мне всё-таки начали покупать продолжения серии. На том дачном чердаке я нашёл больше, чем просто интересную книжку. У меня появилась своя территория свободы, куда не было хода взрослым с их правилами.

Лёгкий ветерок качнул занавеску открытой балконной двери, принося с улицы запах сирени и далёкий шум проспекта. Внизу на площадке всё так же было слышно детский смех.

В последние годы я объездил полмира. Самолёты уносили меня всё дальше от родного дома, а интернет не давал прервать дистанционную учёбу. В каждом новом городе я искал что-то особенное. Бродил по узким залитым солнцем улочкам Барселоны, толкался на шумных душных рынках Бангкока, терялся среди небоскрёбов Нью-Йорка. Но особенно тянуло меня в Северную Америку. Я летел туда не ради достопримечательностей. Я искал могилу Терри Гудкайнда. Его книги когда-то открыли для меня другой мир и заставили поверить в силу слова, и мне казалось важным поклониться его памяти. Но судьба распорядилась иначе. Родственники автора хранили место захоронения в тайне. И всё же я знал, что, где бы он ни лежал, его книги живут в сердцах миллионов читателей. Созданная им история когда-то увлекла мальчика на пыльном чердаке, пустила корни и стала моим внутренним стержнем. Путь Искателя Истины прошёл сквозь мою жизнь и остался со мной.

Я глубоко вдохнул вечерний воздух, и вдруг до рези в груди захотелось всё бросить и уехать к морю. Просто валяться на горячем песке, слушать прибой и ни о чём не думать. Дело было даже не в усталости от дипломов. Просто Питер, при всей моей любви к нему, иногда начинал душить. Вечная спешка, хмурые лица в метро, бесконечный поток машин на набережных. Зимой тут месишь серую солёную кашу под ногами, летом дышишь нагретой каменной пылью, а весной гадаешь, что надеть, пуховик или футболку.

Весна перевалила за середину, а впереди стояла сплошная неопределённость. Марафон с институтами закончился, но будущее терялось в таком же тумане, какой сейчас висел над пустырём. Поступать куда-то в шестой раз ради галочки было неинтересно. Прежняя понятная жизнь по расписанию закончилась, а новая не спешила начинаться. Моё одиночество на балконе сегодня ощущалось острее обычного, хотя вообще-то я жил так уже много лет. Десять лет назад родителей, крупных специалистов по физике элементарных частиц, позвали в проект ЦЕРНа, и они перебрались в Швейцарию.

А ещё через три года дед, академик, получил лабораторию в подмосковном наукограде, и бабушка, разумеется, уехала за ним. Мне тогда едва стукнуло четырнадцать. Так я и остался один в трёшке на четвёртом этаже, самостоятельный, при деньгах, но по сути предоставленный сам себе.

Правда, дед почти сразу приставил ко мне тётю Свету. Приходила она через день, ближе к полудню, со своей неизменной тяжёлой сумкой на колёсиках, и начинала ворчать ещё с порога: «Опять кроссовки посреди коридора брошены… И в кого ты такой тощий?» Ворчала она без капли злобы, исключительно для порядка, как старое радио на кухне, к которому через месяц привыкаешь, а если выключить, становится пусто и неуютно. Готовила она просто божественно. Густой борщ, который должен был настояться до вечера, домашние котлеты с хрустящей корочкой, противень пирогов с яблоками, после которых вся квартира ещё сутки пахла тёплой сдобой и корицей. Доставалось от неё и моему белому роялю: «Оглохнуть же тут с тобой можно, Сёма!» Но стоило мне закрыть крышку, как она сама же просила сыграть что-нибудь «повеселее и попроще» и стояла в дверях гостиной, вытирая руки о фартук и подпирая щёку кулаком. Мои пять дипломов, квантовая физика и феноменальная память не значили для неё ровным счётом ничего. В её глазах я оставался непутёвым пацаном, который сутулится за компьютером, мало ест и поздно ложится. С этим мировым злом тётя Света боролась как умела. Оставляла на кухонном столе глубокую тарелку, укутанную махровым полотенцем, и записку крупными печатными буквами: «Сынок, поешь, пока горячее».

Родители, конечно, тоже держали руку на пульсе, созванивались со мной по видеосвязи, сверялись с отчётами репетиторов, звали на каникулы к себе в Женеву. Поездки в Швейцарию всегда врезались в память резким контрастом. После слякотного, серого Петербурга вылизанные альпийские деревушки и чистый горный воздух казались декорациями к рекламе шоколада. Но своим местом я всё равно считал не швейцарские шале, а этот старый питерский балкон с видом на заброшку.

***

Меня зовут Семён Родионов, и в нашей семье не заниматься наукой было просто неприлично. Родители сошлись ещё на физфаке, бабушка всю жизнь просидела над микроскопами на кафедре биологии, а дед отдал полжизни Академии наук. В молодости он даже успел поработать в лаборатории у самого Петра Капицы, откуда вынес железную дисциплину и привычку всё ставить под сомнение. В общем, шансов вырасти гуманитарием-разгильдяем у меня не было. Впрочем, родители на меня никогда не давили. Отец любил повторять: «Вырастешь — хоть в дворники иди. Но сначала базу получи». В эту «базу» они вкладывали всё свободное время. Мама могла часами сидеть рядом над задачником, молча дожидаясь, пока я сам не найду ошибку в решении, а отец между делом, за чаем, на пальцах объяснял устройство атомного реактора.

К пяти годам я уже знал таблицу умножения, бегло читал взрослые книжки и щёлкал логические задачки. Школу удалось проскочить экстерном не потому, что я был каким-то невероятным гением мысли. Просто мне досталась феноменальная память. Я запоминал вообще всё, за что цеплялся взгляд или слух. Страницы текста, колонки цифр, случайные мелодии, запахи и лица людей в метро. Звучит как суперспособность, но на деле у этой штуки полно побочек. Забыть то, что хочется вычеркнуть, тоже не получается. В голове с кристальной чёткостью до сих пор крутились все мои детские косяки, обидные фразы и первые идиотские провалы с девчонками.

Позже я понял, что память работает не просто как жёсткий диск. Когда в голове одновременно лежит столько разрозненных фактов, мозг сам начинает протягивать между ними ниточки. Мне не нужно было зубрить билеты перед экзаменом. Достаточно было раз прочитать учебник или послушать лекцию, чтобы в голове сложилась схема. Я просто видел, как одно цепляется за другое, и находил короткий путь там, где остальные часами ломились через бурелом формул.

Отдельным пунктом в моей жизни шла музыка. В музыкалку по классу фортепиано меня затащила мама. Первые полгода я отчаянно саботировал сольфеджио, а потом вдруг втянулся. С моей памятью я мог до последней ноты прокрутить в голове любой услышанный трек, от Рахманинова до жёсткого электронного транса. Иногда это даже мешало. Мозг работал как невыключаемый плеер и сам подсовывал саундтреки под настроение. Выйдешь утром из палатки у озера, в ушах звенит что-то лёгкое, стоишь вечером на балконе, и фоном начинают ворочаться тяжёлые минорные аккорды.

На десять лет дед сделал мне по-настоящему царский подарок. Привёз в квартиру белый кабинетный рояль Steinway &Sons. Грузчики корячились с ним на лестнице часа три. Вручая мне маленький ключ от крышки, дед коротко бросил: «Учись, пригодится». С тех пор я освоил ещё гитару и немного помучил скрипку, хотя в последние месяцы из-за беготни с дипломами крышку рояля открывал всё реже.

За моё физическое состояние в семье отвечал отец. Он считал, что даже если ты сидишь за роялем и решаешь интегралы, дать сдачи на улице ты обязан уметь. Так меня последовательно прогнали через гимнастику, бассейн, а потом и академическую греблю. Гребля выжала из меня весь детский жирок и намертво приучила к питерской непогоде. После утренних тренировок на холодной воде с ветром я настолько перестал замечать мороз, что зимой мог спокойно выйти за хлебом в шортах и футболке. Правда, пугать старушек у подъезда не хотелось, поэтому пальто я всё-таки накидывал, скорее из вежливости, чем для тепла.

Но настоящей отдушиной стал обычный волейбол. Только там, на площадке, у меня наконец-то полностью отключалась голова. Никаких формул, нот и мёртвых языков. Только разбег, прыжок и хлёсткий удар по мячу на противоходе. На песчаном корте мир сужался до сетки, линий разметки и неба над головой.

Спал я мало, часов по пять, и просыпался всегда без будильника. Чтобы не сойти с ума от количества информации, день приходилось кроить по минутам. С утра репетиторы и лекции, днём инструмент и тренировка, вечером книги. В студенчестве я умудрялся влезать вообще во всё подряд, от каких-то дурацких капустников и драмкружка до секции бальных танцев. Мозг постоянно требовал новой жвачки, и я скармливал ему всё без разбора.

В деньгах я не нуждался, родители и дед переводили достаточно. Но клянчить у семьи на карманные расходы в восемнадцать лет было стыдно, поэтому я быстро нашёл подработку. Писал на заказ сложные курсовые и дипломы. Поначалу это даже забавляло. Пока какой-нибудь мажор с экономического полгода мучил введение, я за полторы недели с нуля разбирался в теме, собирал расчёты и выдавал кирпич на твёрдую пятёрку. Иногда, правда, хотелось выть от тупых правок научных руководителей, которые требовали переписать рабочую фор-

мулу просто потому, что она не совпадала с их методичкой восьмидесятого года, но платили за это хорошо.

Я честно пытался не превратиться в кабинетного сыча. Читал по часу в день художественную литературу, ходил на громкие кинопремьеры, заглядывал на выставки и даже рубился по сети в сложные стратегии.

С девушками проблем тоже не возникало. Высокий, не дурак, со спортом дружит, с отдельной квартирой, понятно, что внимание обращали. Вот только сценарий почти всегда выходил как под копирку. Сначала просьба помочь с чертежом, кодом или курсовой, потом совместный кофе, пара недель ни к чему не обязывающих встреч, и всё. Для них я был кем-то вроде удобного репетитора с приятным бонусом. Как только сессия закрывалась, тем для разговоров не оставалось, и очередная знакомая плавно уходила из моей жизни.

Да и с обычными приятелями выходило не лучше. При знакомстве люди сначала смотрели на меня как на фокусника в цирке. Ого, ты помнишь страницу наизусть? Ого, можешь перемножать в уме четырёхзначные числа? Они подавались вперёд, засыпали вопросами, и мне каждый раз казалось, ну вот, наконец-то нашли общий язык. А через месяц этот восторг сменялся неловкостью. Людям быстро надоедает чувствовать себя глупее собеседника, даже если ты изо всех сил стараешься не умничать. Они начинали звонить реже, а потом и вовсе пропадали.

Раньше меня спасал азарт. Стоило взяться за новую сложную тему, и всё остальное отходило на второй план. Но в последний год этот запал иссяк. Он не погас резко, просто остыл, как тот забытый чай на моём кухонном столе. Чем больше книг и курсов я в себя запихивал, тем более плоским и предсказуемым становился мир. Я начал видеть шаблоны. На третьей минуте фильма понимал, кто убийца, в начале спора знал, какими аргументами он закончится, а любая новая наука оказывалась просто комбинацией старых правил. Я упёрся в потолок. И стоя сегодня на балконе в свой двадцать первый день рождения, я крутил в голове одну и ту же невесёлую мысль. На кой чёрт я вообще нужен этому миру со всей своей памятью, если применить её некуда?

***

Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжёлых мыслей, я переключился на прошлое и вспомнил Мишку. Мы с ним сошлись ещё пацанами, едва наша семья переехала в этот дом. В отличие от остальных дворовых ребят, в нём напрочь отсутствовала зависть. Мишке было глубоко плевать, что я не хожу в обычную школу и днями пропадаю за учебниками с университетскими преподавателями. Он не видел во мне заносчивого вундеркинда, просто соседа и друга. Бывало, я часами грузил его последовательностями или теоремами. Мишка честно таращил глаза, уважительно качал головой и выдавал своё любимое: «Вот это ничего себе!» А через секунду без всякого перехода предлагал: «Слушай, погнали лучше на новых „Трансформеров“ в кино?» Понятно, что из моих лекций он не усваивал и десятой доли, но его это совершенно не напрягало.

Именно за эту простоту я за него и держался. Моя наука была ему до лампочки, зато он отлично умел выдернуть меня из формул обратно в нормальное детство.

Особенно врезался в память день, когда мне стукнуло двенадцать. С утра стояла редкая для мая теплынь, ветер пах цветущими яблонями и гнал по небу жидкие облака. Родители с каким-то заговорщицким видом вынесли в гостиную огромную коробку в блестящей обёртке. Я содрал бумагу, откинул картонную крышку и буквально онемел. В пенопластовых пазах лежал матово-чёрный квадрокоптер с четырьмя мощными винтами. Настоящий космолёт.

— Офигеть! — выдохнул Мишка у меня над ухом. — Мы ж с ним сейчас такое устроим!

Усидеть в четырёх стенах было нереально. Схватив пульт и прицепив к нему смартфон, мы в две секунды слетели по лестнице и рванули на пустырь. Выбрали площадку ровнее

посреди битого кирпича, поставили дрон на землю и запустили движки. Лопасти взвыли с низким, плотным гулом. Аппарат качнулся, оторвался от пыли и свечой ушёл в небо. На дисплее телефона тут же развернулась картинка, от которой перехватило дух. Наш собственный двор, только с птичьей высоты.

— Глянь, Сёма, это ж крыша твоей пятиэтажки! — тыкал грязным пальцем в стекло Мишка. — А вон бабки у подъезда на лавке, мелкие, чисто муравьи!

Следующий час мы носились по бурьяну как ненормальные. По очереди перехватывали пульт, закладывали виражи вокруг гнилых кирпичных стен, орали и визжали на весь пустырь. Казалось, этот день вообще никогда не кончится. Но техника решила иначе. Батарея сдохла в самый разгар веселья. На корпусе тревожно замигали красные диоды, винты сбавили обороты, и дрон клюнул вниз. Мы с воплями ломанулись наперерез, но аппарат по пологой дуге обогнул кусты и, будто издеваясь, со свистом влетел ровно в узкое подвальное окно старой заброшки.

— Ну вот, — глухо протянул Мишка, притормаживая у чёрного проёма. — Это ж надо так вляпаться! Мало ему места вокруг было? Нет, блин, ровно в эту дыру прицелился. Снайпер хренов!

Он сокрушённо поскрёб затылок и покосился на меня. В момент падения рулил именно он, так что и лезть в сырую темень предстояло ему. Мы подошли к проёму вплотную и заглянули внутрь. Снизу тянуло подвальной гнилью и холодом. И вдруг из этой темноты донёсся тонкий, прерывистый писк. Мы переглянулись. Кураж как рукой сняло.

— Эй, кто там?! — крикнул Мишка в гулкую пустоту.

Никто не ответил, только скулёж стал чуть отчётливее. Мишка решительно сплюнул в траву, ухватился за край бетонной рамы и ужом скользнул вниз.

— Держи давай! — раздалось из подвала через минуту.

Из мрака вынырнула ладонь и сунула мне квадрокоптер. Моторы были ещё горячими, глянцевый пластик покрылся серым налётом паутины и пыли, а правый передний винт намертво заклинило. Рука Мишки тут же пропала. Под ногами у него захрустело битое стекло, он двинулся куда-то вглубь, ориентируясь на писк. Я остался торчать снаружи на солнцепёке, напряжённо вслушиваясь в возню внизу.

— Сёма, принимай. Только осторожно! — негромко позвал друг.

Я перегнулся через край и подставил ладони. Мне в руки ткнулось что-то тёплое, пушистое и мелко дрожащее. Совсем крошечный щенок. Чёрный как уголь, с нелепо торчащими ушами и разъезжающимися слабыми лапками. Он поднял морду, уставился на меня мутными блестящими бусинами глаз и так жалобно тявкнул, что я тут же сунул его за пазуху, согревая под ветровкой.

— У меня сегодня день рождения, так что это мой подарок! — с ходу отрезал я, прижимая находку локтем.

— Ни фига подобного! — возмутился Мишка, с кряхтением подтягиваясь на руках и вываливаясь на траву. — Кто его нашёл? И вообще, кто за ним в эту грязищу лазил?!

— Если б не мой дрон, мы бы к этому подвалу и близко не подошли! — отступать я не собирался.

— А если б я так круто не рулил, он бы туда в жизни не залетел!

Мы сцепились не на шутку, перебивая друг друга, но запал быстро сошёл на нет. Чёрный комок у меня под курткой тем временем грелся, мерно сопел мне в грудь и плевать хотел на наши имущественные споры.

— Ладно, — сбавил тон я. — Давай он будет общим. Просто жить пока станет у тебя, мои всё равно не разрешат.

— По рукам! — моментально согласился Мишка, даже не пытаясь скрыть облегчение. — Но гулять помогаешь, железно!

— Базара нет.

Вся злость тут же выветрилась. Тогда нам казалось, что это мы спасли слепого кутёнка из каменного мешка, хотя годы спустя я всё чаще думал, что это она вытащила нас обоих.

Жить найдёныш переехал к Мишке. Его предки от такой инициативы в восторг не пришли, но выкинуть живую душу обратно на холод совесть не позволила. Первые месяцы щенок выглядел уморительно. Грудь колесом, как маленький бочонок, лапы толстые, походка косолапая, а уши стояли строгим локатором. Зато шерсть восхищала всех, густая, смоляная, без единого светлого волоска. На улице прохожие постоянно сворачивали шеи и расплывались в улыбках. Мы с Мишкой всерьёз подозревали, что откопали в заброшке какого-то мистического зверя, но районный ветеринар быстро спустил нас на землю. Бегло ощупал живот, заглянул в пасть и скучным голосом вынес вердикт. Обычная беспородная сука, просто кость широкая. Впрочем, нам на родословную было плевать.

Окрестили её Линдой. Росла она как на дрожжах и уже к году переросла соседского немецкого дога в холке. Заводчики в парке цокали языками, а пара человек при деньгах даже хотели купить будущих щенков, но мы всех заворачивали. Да и не вышло бы ничего из этой затеи. Любые попытки свести Линду с породистыми кобелями заканчивались впустую. На людей она первой никогда не бросалась, вела себя сдержанно, но стоило какому-нибудь любителю животных без спроса потянуть к ней руки, как из мощной груди вырывался такой низкий, вибрирующий рык, что охота гладить «собачку» отпадала мгновенно.

И всё-таки что-то в ней было неправильное с точки зрения биологии. Её шкура вообще не пачкалась. Даже после осенней грязи и питерских ливней шерсть оставалась сухой, чистой и совершенно не воняла псиной. Копаться в причинах этой мутации я не стал, мало ли какие причуды выдаёт генетика. Зато ушлый Мишка быстро смекнул, как монетизировать внешность собаки. К нам на пустырь периодически приезжали какие-то девчонки и фотографы, чтобы посниматься с «гигантской чёрной волчицей», и отстёгивали за это неплохие купюры. Друг деньги брал без зазрения совести, прокормить такую телятину стоило прилично. Я в эту коммерцию не совался, хватало своих задач.

По ветпаспорту хозяйкой числилась Мишкина семья, но по факту собака жила на две квартиры. В последний год друг дома почти не появлялся. То пропадал на сменах, то зависал у очередной девчонки. А две недели назад вообще укатил с новой пассией в Доминикану и оставил ключи, так что Линда окончательно перекочевала в мою пустую трёшку.

И буквально несколько дней назад я заметил неладное. Собака начала стремительно, прямо на глазах расплываться в боках. Вариант с беременностью отпадал сразу. Три разных врача в своё время в один голос заявили, что она бесплодна. Да и любого кобеля во дворе она бы просто перекусила пополам за попытку приблизиться. Надо было не тянуть и везти её в нормальную клинику на УЗИ, чтобы исключить опухоль или асцит, но из-за дурацкой гонки с московским дипломом я всё откладывал визит на потом.

Метрах в пятнадцати над сырым пустырём висело странное полупрозрачное марево. Оно вело себя не как обычный туман, не плыло по ветру, а медленно пульсировало на одном месте. То сжималось в плотный сгусток, то расползалось в стороны, словно чья-то невидимая грудная клетка делала вдох и выдох. Ни под какие законы термодинамики или оптики эта дрянь не подпадала.

В коридоре глухо бухнула лапой в дверь Линда. Просилась на улицу. Я отлип от перил, прошёл в прихожую и выпустил собаку на лестничную площадку, оставив дверь приоткрытой. Во дворе её знала каждая старушка, намордник не требовался, поэтому по вечерам она часто выходила размять лапы сама. «Ещё пару минут посмотрю на эту аномалию и спущусь за ней», — подумал я, возвращаясь на балкон. Списать странное свечение над пустырём на усталость глаз уже не получалось.

Снизу вдруг ударил резкий, требовательный лай. Я перегнулся через бетонный парапет. Линда выскочила из подъезда, подлетела прямо под мой балкон, задрала морду к четвёртому

этажу и снова гавкнула. Потом отпрыгнула в сторону дороги, крутанулась волчком и уставилась на меня.

Звала. Причём так нервно и настойчиво, как не делала вообще никогда.

Я схватил с вешалки ветровку, сунул ноги в кроссовки и через ступеньку слетел по лестнице. Во дворе стояла густая, хоть ложкой ешь, белая муть. Чёрный силуэт собаки маячил на границе асфальта и бурьяна. Убедившись, что я иду следом, Линда развернулась и широкими прыжками понеслась вглубь пустыря, прямиком к остову той самой кирпичной заброшки. Не сбавляя хода, она нырнула в знакомое подвальное окно. Из-под земли тут же раздался глухой собачий лай.

Я подбежал к битой стене, упал на корточки и заглянул в проём. В лицо пахнуло странным, совсем не майским теплом и сырой штукатуркой. Внутри было хоть глаз выколи. Чертыхнувшись вполголоса, я вытащил из кармана телефон, зажёг вспышку-фонарик и, уперевшись руками в крошащийся бетон, спрыгнул вниз. Подошвы громко хрустнули по битому кирпичу.

Вытянув руку со смартфоном вперёд, я сделал пару шагов и замер. С пространством творилась какая-то дичь. Узкий белый луч просто вяз в черноте, не выхватывая ни бетонных столбов, ни низкого потолка, ни ржавых труб. Подвал будто растянули во все стороны до горизонта. Мало того, куда-то напрочь выветрился запах сырости и гнили. Вокруг повисла мёртвая, ватная тишина, сквозь которую лишь где-то впереди пробивалось тихое поскуливание.

Я пошёл на этот звук, аккуратно нащупывая ногами твёрдую опору. Когда свет фонарика наконец упёрся в кусок каменной кладки впереди, у меня внутри всё оборвалось.

Прямо на голом бетоне тяжело дышала, вытянувшись на боку, Линда. А у её набухшего живота, слепо тыкаясь мокрыми носами в чёрную шерсть, копошились три крошечных щенка.

Я моргнул, пытаясь согнать наваждение. Бред какой-то. Какие ещё щенки?! Она же бесплодна с рождения. И даже если все светила ветеринарии разом ошиблись, собака физически не способна ощениться троими за те две минуты, что я бежал с четвёртого этажа!

Сделав неверный шаг вперёд, я невольно прикрыл глаза рукой. В паре метров надо мной с сухим треском полыхнуло. Прямо в пустоте зажглись два багровых огненных сгустка, похожих на факелы без древка. Остатки кирпичных стен вокруг дрогнули и поползли в стороны, растворяясь, как серый дым. Вестибулярный аппарат взбунтовался, к горлу подкатила дурнота, а пол под кроссовками качнулся.

— Прощайся со своей собакой и устраивайся поудобнее. Твоё пребывание здесь будет очень долгим, — громыхнуло прямо в голове. Голос был низким, чужим и шёл отовсюду сразу, отзываясь мелкой дрожью в зубах.

Линда грузно поднялась на лапы и подошла ко мне вплотную, ткнувшись холодным носом в мою ладонь. В её тёмных глазах, ловивших отсветы багрового огня, плескалась такая несобачья, осмысленная тоска, что по спине пробежал мороз. Она коротко скосила взгляд на пищащий внизу выводок, мол, теперь твоя очередь, затем присела на задние лапы, мощно рванула вверх, в сторону исчезнувшего подвального окна, и просто истаяла в воздухе.

Я машинально шагнул за ней в пустоту и едва не наступил на живой шевелящийся комок. Слепые кутята расползались по ледяному камню и надрывно пищали. Отключив фонарик и сунув телефон в карман, я опустился на колени, осторожно сгрёб всех троих в охапку и сунул за пазуху, под ветровку.

В ту же секунду декорации вокруг окончательно сменились. На том месте, где секунду назад зиял проём на улицу, вырос грубый каменный камин. Дрова в нём жарко гудели, бросая рыжие блики на стены из тёсаного бревна. Помещение буквально материализовалось из черноты, обретая углы, потолок и плотность. Колени предательски дрогнули, и я не глядя рухнул задом на подвернувшийся деревянный стул. Пульс колотился где-то в висках, но я заставил себя сделать длинный выдох через рот. Только истерики сейчас не хватало.

С днём рождения, Семён. Отличный сюрприз.

На массивном столе посередине комнаты тем временем прямо из воздуха соткался тяжёлый металлический поднос. Потянуло горячим печёным мясом и какими-то травами. Желудок рефлекторно сжался, но о еде не могло быть и речи. Внутри всё натянулось, как струна перед обрывом. Придерживая притихших у груди щенков левой рукой, я поднялся со стула и медленно прошёл вдоль стен, ощупывая тёплое дерево ладонью. Ни единой двери. Ни одного окна. Глухая коробка, в дальнем углу которой обнаружилась только широкая деревянная кровать под грубым покрывалом.

И вот тут меня накрыло по-настоящему. На плечи будто уронили бетонную плиту, навалилась такая дикая, противоестественная сонливость, что веки стали свинцовыми. В затылке глухо заломило.

«Ладно, надо лечь, — вязко ворочались мысли в голове, пока я на негнущихся ногах плёлся к углу. — Высплюсь, а утром разберёмся. Мало ли как сходит с ума нервная система после пяти дипломов.»

Я тяжело повалился на кровать, аккуратно выложил тёплых сопящих щенков рядом с собой на край подушки, чтобы случайно не придавить во сне, и прикрыл глаза. Сознание стремительно проваливалось в чернильную яму, хотя где-то на самом краю памяти уже отчётливо пульсировало понимание, что никакая это не галлюцинация. И в свой дождливый Питер я больше не вернусь.

Глава 2

Проснулся я не сразу, долго не решаясь открыть глаза. Тело казалось чужим и непривычно лёгким. В комнате стояла всё та же глухая тишина, в воздухе не было ни пылинки, ни малейшего сквозняка. Ровный мягкий свет шёл отовсюду сразу, без всяких ламп или окон, а на столе стояли кружка молока и тарелка с пирожками.

Я сел на кровати и поднялся. Двигаться было легко, как после недели крепкого сна, а всё вокруг выглядело до странности чистым и новым.

Щенки спали там же, где устроились с вечера. Один свернулся у меня под боком, второй занял подушку, третий растянулся поперёк одеяла. Стоило мне пошевелиться, как они начали просыпаться. Потягивались, зевали, тыкались тёплыми носами друг в друга и возились в складках простыни. За ночь они заметно вытянулись. Ещё вчера это были слепые беспомощные комочки, а сегодня они смотрели на меня совершенно осмысленно. Мутная поволока новорождённых из глаз исчезла.

Завтрак оказался вкусным, но каким-то обманчивым. Жуёшь, сдоба как сдоба, а проглотил, и во рту пусто, только слабое послевкусие на языке. Я доел, стряхнул с ладоней крошки, отставил пустую кружку и остался сидеть за столом, сам не зная, чего жду.

— Проснулся? — голос прозвучал прямо в голове, минуя уши.

Я вздрогнул от неожиданности и несколько секунд просто крутил головой, пытаясь понять, откуда идёт звук. Но направления не было. Он не шёл ни спереди, ни сзади, ни сбоку. Голос просто звучал внутри сознания, точно находился там всегда.

— Кто ты? Где я? Почему я здесь? Когда вернусь домой? — вопросы посыпались один за другим.

— Не торопись, — спокойно отозвался голос.

В ту же секунду смятая постель за моей спиной сама собой расправилась, будто невидимая горничная решила мимоходом навести порядок.

— Я Самуэль, последний Верховный маг твоего нового мира, — продолжил невидимый собеседник. — Ты мой преемник, и я буду твоим наставником.

— А моё мнение никого не интересует? — я постарался изобразить должное возмущение, хотя внутри всё ликовало. «Вот оно, то новое, о чём я мечтал!» Вслух фраза прозвучала ровно, но где-то в груди сладко ёкнуло, как на самом краю высоты перед прыжком.

— Всему своё время. Ты останешься здесь, пока я не сочту тебя готовым. Другого выхода не было.

— Пока?

— Да. Со временем ты всё поймёшь.

— А, ну конечно… — протянул я скорее по привычке во всём сомневаться, чем из желания поспорить.

— Что это за место? — спросил я прямо, без лишних предисловий.

— У него нет названия. Но если тебе станет легче, можешь придумать своё.

— Давай назовём его Чертогами, — предложил я. Слово неожиданно хорошо легло в окружающую тишину. — Чертоги Самуэля.

— Почему моё?

— Чтобы не забывать, кому они пока принадлежат, — ответил я. — Пока.

— Пусть будет так, — согласился он. — Названия держатся дольше, чем стены.

В тот же миг передо мной возникло кресло, тяжёлое, тёмного дерева, с высокой резной спинкой. Подлокотники венчали львиные головы, а ножки в точности повторяли звериные лапы с когтями. Оно не выросло из пола и не материализовалось со спецэффектами, а просто

оказалось напротив, будто стояло там с самого начала. И странное дело, меня не покидало чувство, что рука этого резчика мне знакома, хотя саму вещь я видел впервые в жизни.

В кресле уже сидел человек. Длинная седая борода спускалась на грудь, поля широкой шляпы отбрасывали густую тень на лицо. Выглядел он откровенно сказочно, почти театрально, а по комнате сразу потянуло тяжёлым запахом старых благовоний.

«Ну да, классика, — пронеслось в голове. — Если маг, то непременно в балахоне и с бородой. Дальше по законам жанра должен появиться котёл с булькающим зельем.» Я едва сдержал усмешку, разглядывая эту картину и гадая, куда же меня всё-таки занесло.

— Можешь выбрать любой антураж, — произнёс старик, даже не взглянув в мою сторону. — Хочешь офис с панорамными окнами. Хочешь свою комнату. Но возвращения туда не будет. И я бы не советовал тянуть за собой то, что давно отпущено.

Я промолчал. Просто смотрел на его седую бороду, на тень от шляпы и сухие ладони, спокойно лежащие на резных подлокотниках.

Голос у него оказался низким, чуть хрипловатым, как у человека, который давно ни с кем подолгу не разговаривал, но без всякой рисовки и желания произвести впечатление.

— Разберёшься со всем по ходу дела. Времени у нас много, но тянуть не стоит. Начинать пора.

Слушать живого собеседника, пусть и условного, было куда проще, чем переговариваться с голосом в собственной черепной коробке. Я ловил себя на том, что слежу за его мимикой и движением губ под тенью шляпы. Это возвращало происходящему хоть какую-то твёрдую почву под ногами.

— Верховные маги всегда были выходцами из моего мира, — размеренно продолжил он. — Выбор делал предыдущий. Но твой предшественник, то есть я, настоял на переменах. Именно поэтому ты здесь. Моя феноменальная память перешла к тебе, поэтому ты так выделяешься. Но дар Верховного мага не только в памяти. Главное отличие от прочих магов состоит в возможности приходить сюда и учиться. Тебе не придётся тратить время на обучение в реальной жизни. И, конечно же, владение всеми видами магии, включая Магию Жизни, способную создавать и разрушать, исцелять и порабощать.

Я слушал, а в голове со скрипом перестраивалась привычная картина мира. Старые представления о том, что возможно, а что нет, приходилось задвигать куда подальше.

«Так вот оно что», — только и мелькнуло в мыслях, пока я пытался уложить услышанное по полочкам.

— Сейчас дар у тебя, — голос старика звучал всё твёрже. — Придёт время, передашь его дальше. Но сами знания нельзя вложить в голову напрямую. Придётся проходить путь самому, шаг за шагом, через практику и испытания. В мире всегда должен быть Верховный маг. Это необходимость. Он направляет развитие мира, сглаживает конфликты, а иногда их предотвращает.

Самуэль говорил неторопливо, будто зачитывал старую книгу, которую я когда-то любил в детстве, и я поймал себя на том, что просто слушаю, не пытаясь спорить с каждым словом.

— Жизнь у нас хоть и примерно вдвое дольше обычной, но всё равно конечна. Поэтому один всегда должен подготовить другого. Обычно выбор делается при жизни, а ученик попадает сюда в момент смерти учителя, когда переходит сила.

Я опёрся локтем о подлокотник, подпёр ладонью щёку и усмехнулся.

— Потрясающе… — протянул я с отчётливым сарказмом.

Со стороны вся эта сцена напоминала дешёвую мистическую передачу с канала ТВ3, где ряженые старцы в балахонах с серьёзным видом вещают о «высших силах». Вот только чутьё безошибочно подсказывало, что декорации настоящие, и дела здесь творятся куда серьёзнее. И от этого становилось не по себе, прежде всего потому, что я уже начинал верить.

— Слышь ты, — неожиданно хмыкнул старик, и в его глазах под полями шляпы мелькнула живая, насмешливая искра. — Хватит перебивать. Посмеёмся позже, когда увидишь истинную мощь того, что тебе предстоит.

Я невольно улыбнулся. От этой простой одёргивающей фразы весь лишний пафос как ветром сдуло, и на душе сразу стало спокойнее.

— Своему миру ты помочь не сможешь, — уже жёстко произнёс он. — Ни при каких обстоятельствах. Бюрократия, политика, круговая порука, страх. Они не позволят тебе развернуться. Тебя просто сожрут, каким бы умным ты ни был. Там нужен другой подход…

Я хотел было возразить и сказать, что всегда можно найти подход и попробовать расшатать систему, но промолчал. Слишком хорошо понимал, что он прав. И вместе с этим пониманием внутри начал медленно просыпаться настоящий, трезвый интерес.

— Продолжим, как я уже сказал, вернуться в прежнюю жизнь ты уже не сможешь, — ровно продолжал наставник. — И, честно говоря, смысла в этом нет. Ты взял от своего мира всё, что мог. Пора идти дальше. Я редко вмешиваюсь напрямую… но для тебя я сделал исключение. Я немного помог. Ты ведь давно не видел родителей и сейчас не испытываешь из-за этого особого сожаления. Это не случайно. Я вложил в твою память немного магии, ровно столько, чтобы тебе было легче отпустить. Потому что всё, что может держать тебя в том мире, нужно оставить.

Внутри неприятно кольнуло. Я и сам не понял, чего сейчас больше, злости за то, что без спроса залезли в голову, странной благодарности или просто глухой пустоты.

— Ни родителей ты не увидишь. Ни друга. Их нельзя взять с собой. Посещать тоже не получится. Так устроено. Жестоко? Возможно. Но иначе никак.

— Уровень твоей магии будет расти по мере обучения, — Самуэль перешёл к делу. — Сначала освоишь простые вещи. Зажигать огонь, подогревать пищу, создавать ветер. Потом пойдут боевые и защитные заклинания. Простенькое заклинание ты повторишь сотни раз, и оно почти ничего не изменит. Оно и так помещается в тебе целиком. А сложное не помещается. Втиснешь, и оно раздвинет твой объём изнутри. Вот это и называется потенциал. Чем он шире, тем больше силы ты держишь. Подробнее объясню позже, на практике. Ты справишься. Главное преимущество Верховного мага в том, что здесь можно тренироваться годами, не тратя в реальном мире ни единой секунды.

В углу тем временем поднялась весёлая возня. Щенки устроили настоящие гонки, носились кругами и в шутку прихватывали друг друга за уши и хвосты. Они каким-то образом подросли и теперь отчётливо напоминали остроухих волчат с блестящими живыми глазами. Наблюдая за ними, я в который раз отметил странную деталь. От них совершенно ничем не пахло. Ни шерстью, ни псиной, вообще ничем. Впрочем, удивляться местным порядкам я уже перестал.

— Одно из главных отличий Верховного мага, — Самуэль поднялся с кресла и принялся неспешно прохаживаться по комнате, — это способность останавливать время. В реальном мире такой силы нет больше ни у кого. Всё довольно просто. Достаточно подумать, и заклинание сработает. Но до этого нужно пройти долгий путь. Сначала будешь заучивать заклинания, складывать пальцы в особые жесты. Потом хватит одного щелчка. И лишь со временем перейдёшь на чистое мысленное управление. Здесь ты пробудешь столько, сколько потребуется, чтобы довести этот навык до полного автоматизма. Но никогда, повторяю, никогда не забывай о театральности. Магия для окружающих должна выглядеть как высокое искусство и зрелище. Води руками по воздуху, щёлкай пальцами, даже если в этом нет ни малейшей необходимости. Пусть видят твоё величие.

Я втянул носом воздух и только сейчас заметил, что в комнате появились запахи. Повеяло старыми книжными переплётами, воском и сухим печным теплом. Странно, ещё минуту назад здесь не пахло ничем. Или я просто не обращал внимания?

— Без учителей ты не продвинешься, — продолжал наставник, меряя шагами комнату. — В реальном мире я бессилен, там моя магия запечатана, а здесь ты свободен полностью. Твой потенциал тут не ограничен, как и связь с Источником, но мастерство требует практики. Тысячи повторений. А снаружи тебя ждёт Академия магии. Место непростое. Тамошние маги коварны, ленивы и крайне амбициозны. Не спеши открывать себя. Пока не наберёшь истинную силу, держись в тени. Многие испугаются, ещё больше позавидуют, а сильнейшие попробуют устранить. После смерти Верховного мага его сознание переносится сюда, а накопленные знания уходят в библиотеку. Но в сам миг перехода другой могущественный маг способен перехватить сознание преемника. И тогда всё пойдёт по совершенно иному пути.

Самуэль остановился и посмотрел на меня:

— Именно поэтому я настоятельно советую не раскрывать себя раньше времени.

Я поднял руку, прося слова; пальцы слегка подрагивали от внутреннего напряжения.

— Как ты ушёл из жизни? — вопрос вырвался прежде, чем я успел его обдумать.

Его глаза сузились, в них мелькнуло откровенное раздражение.

— Не торопись.

— Что значит «не торопись»? — я не сдержал резкости в голосе. — Ты был Верховным магом, сильнейшим из всех, повелителем стихий. И, как я понимаю, умер ты вовсе не от старости в своей постели. Ты пал в бою или тебя предали? Я имею полное право знать, во что ввязываюсь и какую судьбу на себя принимаю!

В комнате стало совсем тихо; только щенки в углу продолжали беззаботно возиться, не замечая накалившейся обстановки.

Самуэль молчал. Медленно развернулся и отошёл к дальней стене, качнув полами тёмной мантии. Свет в помещении заметно потускнел, углы налились тенями, и я только теперь обнаружил вокруг массивные напольные подсвечники с высокими горящими свечами. Когда они появились, сказать было невозможно. То ли стояли здесь с самого начала, то ли зажглись только что по желанию старика.

— Ты слишком торопишься, — негромко произнёс он, глядя в пустоту перед собой.

Я сжал кулаки. Даже щенки в углу наконец притихли и настороженно уставились в нашу сторону.

— Но я должен знать! — голос прозвучал громче, чем я планировал. — Как я могу идти по твоему пути, не зная, что случилось с тобой?

Он повернулся ко мне.

— Ты думаешь, знание прошлого даст тебе ответы? — голос звучал мягко, но за этой мягкостью отчётливо чувствовалась сталь.

В комнате ощутимо похолодало. Пламя свечей качнулось, а где-то далеко за пределами стен глухо прокатился гром.

— Но я не могу принять это вслепую! — я поднялся с места, чувствуя, как колотится сердце. — Ты сам говоришь о заговорах и охоте за даром… Как мне подготовиться к удару, если я не знаю, с чем столкнулся ты?

— Ты узнаешь всё в своё время, — отрезал он. — А пока придётся научиться терпению. Для настоящего мага это одно из важнейших качеств. И вообще, не перебивай. Лучше объясню, где ты сейчас находишься.

Как ни в чём не бывало, Самуэль шагнул к столу и неторопливо наполнил резной кубок густым тёмно-красным вином. По комнате сразу потянуло пряным винным духом.

— Может, вина? — предложил он, глядя на игру света в чаше.

— Нет, спасибо, я воздержусь, — сухо ответил я.

— Как знаешь, твоё право, — старик спокойно сделал глоток. — Хотя иногда отказ могут воспринять как неуважение. Но со временем сам разберёшься.

Он на секунду прикрыл глаза и снова вопросительно качнул кубком в мою сторону. Я отрицательно покачал головой.

Тогда маг просто разжал пальцы, и тяжёлая чаша осталась висеть в воздухе без всякой опоры. Лёгким движением кисти Самуэль заставил её плавно парить между ладонями.

— Точно не желаешь? — уточнил он, возвращаясь к креслу. — Ну как хочешь, дело твоё.

Кубок послушно поплыл по воздуху следом за хозяином.

— В этом месте времени не существует, — заговорил Самуэль, устраиваясь поудобнее и сцепляя пальцы на груди. — Оно здесь стоит на месте. При желании я могу создать для тебя любую иллюзию движения, день, ночь, времена года, даже старение, но это будет лишь декорацией. Здесь ты можешь провести целую вечность, а в реальном мире пройдёт один миг. Старение тебе не грозит, и есть ты можешь просто по желанию. Но чувство голода я оставил намеренно, чтобы ты не забывал вкус простой пищи и её цену. Да и я сам при жизни любил хорошую кухню.

Маг перехватил парящую чашу, отпил ещё глоток и с лёгкой улыбкой откинулся на резную спинку, тихо прошуршав мантией.

— Твоя библиотека будет открываться постепенно, — продолжил он уверенным тоном. — Не спеши только, всё придёт в своё время. Ты освоишь полёт, пространственные переходы, исцеление, управление материей и изменение свойств предметов. Овладеешь стихиями, огнём, водой, воздухом, молниями. Всё это останется с тобой в реальном мире. Но главное, твоя связь с Источником. Чем шире разработаешь канал, тем больше силы сможешь черпать.

— Проще некуда, — пробормотал я с откровенной иронией.

— Не иронизируй, — беззлобно отмахнулся Самуэль. — Я наблюдал за тобой годами. Ты именно тот, кто нужен, тот, кто точно справится.

Допытываться, почему выбор пал именно на меня, я не стал. Отлично понимал, что в ответ получу очередную порцию туманных фраз. Вместо этого я перевёл взгляд на ковёр, где после недавней беготни вповалку спали щенки. Округлившиеся от сытной еды бока мерно поднимались и опускались, глаза были плотно зажмурены, а по комнате разносилось умиротворённое посапывание и тихое повизгивание сквозь сон.

— А эти малыши здесь зачем? — поинтересовался я, кивнув в сторону пушистой троицы.

— Отличный вопрос, хотя и преждевременный… — негромко ответил он. — Но раз уж ты спросил, считай их своей семьёй. Жизнь Верховного мага проходит в бесконечном одиночестве. Редко кто из нас находит время на семью и детей. Наша работа выжимает человека без остатка, не оставляя ни сил, ни желания. Придумал им имена?

— Ещё нет, даже не думал об этом.

— Самое время начать. А пока размышляешь, расскажу тебе кое-что. — Голос старика стал заметно мягче. — Я ведь видел, как ты относился к Линде. Как уступил её другу, не из слабости характера, а из простой человечности. Тот парень ведь много значил для тебя. Если бы он потерял в один момент и близкого друга, и привязавшуюся собаку, это было бы слишком тяжёлым ударом. Он хороший человек, пусть и ветреный. Поэтому собаку я оставил ему. А тебе взамен достались эти трое. Не жалуйся, они ведь очаровательны, правда?

Словно услышав его интонацию, щенки на ковре синхронно потянулись, зевнули во всю пасть, высунув розовые язычки, и коротко стукнули хвостами по полу.

— Но не обманывай себя, — тон Самуэля сразу стал серьёзным. — Это не обычные щенки. И вообще это не собаки, а волки. Пройдёт немного времени, они вырастут и станут настоящими хищниками, большими, умными и очень опасными. Когда они повзрослеют, ты сам увидишь, на что они способны.

В комнате вдруг отчётливо запахло тёплой шерстью и лесом. Волчата перестали зевать и настороженно уставились на нас своими умными, совсем не щенячьими глазами. Самуэль

чуть наклонился из кресла, протянув ладонь, и все трое тут же доверчиво ткнулись влажными носами в его руку.

— Эти волки теперь часть твоей жизни, — произнёс маг, выпрямляясь. — Они помогут тебе не чувствовать то одиночество, о котором я говорил. Но будь готов к тому, что обычными домашними питомцами они не станут. Для них ты часть стаи, старший в семье. Даже не пытайся их дрессировать.

Щенки снова зевнули и улеглись поудобнее.

— Впрочем, с кличками не торопись, — подытожил Самуэль, возвращая себе прежний деловой тон. — Времени навалом. Всё… Идём дальше.

***

— В стародавние времена жил маг, — начал Самуэль, глядя в свой кубок. — Исключительный человек, мастер-изобретатель с уникальным даром. Он умел то, чего до него не делал никто. Именно он открыл технику остановки времени, а затем, исследуя пределы собственного разума, довёл память до абсолюта. Позже взялся за передачу памяти, мечтал, чтобы к следующему магу переходило всё, что он знал и умел. Методику довёл до рабочего состояния, а вот полного переноса так и не добился. Знания переходили кусками, многое терялось по дороге, и остальное наследнику приходилось добывать самому.

Старик перевёл взгляд на меня:

— Поэтому каждый новоизбранный Верховный маг начинает с начала.

Я слушал молча. Звучало как красивая легенда, но Самуэль говорил о тех событиях так предметно, будто сам сидел с этим изобретателем за одним столом.

— Он был первым в своём роде, хотя само звание Верховного мага появилось позднее, — продолжал наставник. — Со временем передача дара стала традицией. Каждый маг, предчувствуя уход, выбирал наследника и начинал его обучение заранее. Претендент уже имел академическое образование, владел основами, а здесь лишь расширял свои возможности. Все знали, кто станет следующим. Все просто ждали момента передачи силы и появления нового Верховного мага. Существуют и внешние признаки статуса. Верховный маг носит только три цвета. Чёрный, серый и белый. Ты будешь обязан следовать этому канону в одежде. Никаких ярких оттенков, вычурных нарядов, даже в мелочах.

Я не удержался и фыркнул. Терпеть не мог подобные ограничения, особенно в таких вещах.

— Всю жизнь в трёх цветах? — я криво усмехнулся. — Нет уж, спасибо. Гардероб я себе выберу сам и соблюдать этот канон до самой смерти не стану, ни через год, ни через сто лет. Если Верховного мага узнают по оттенкам плаща, значит, узнавать его больше не по чему.

— Я наблюдал за тобой достаточно долго и предвидел такую реакцию, — в голосе старика проскользнула насмешка. — Именно поэтому я подготовил особый сюрприз. Пока ты будешь скрывать свою истинную природу, щенки останутся обычными, с неприметным окрасом. Но в тот момент, когда ты откроешь миру свою сущность, они изменятся. Их шерсть проявит эти три цвета, и всем всё станет ясно. Это своего рода магический индикатор моего авторства. Невозможно предсказать, когда ты обретёшь полную силу. Этот процесс не подчиняется расписанию. Ты уникален в своём роде. Может, всё-таки подкрепимся? Аппетит приходит во время учёбы.

Я отрицательно покачал головой, всё ещё переваривая историю с «индикатором авторства».

Тем временем двое щенков снова с азартом катались по полу, выясняя, кто из них сильнее. Третий же вольготно раскинулся на ковре, вытянув все четыре лапы, и старательно делал вид, что крепко спит. Выдавали его только мелко подрагивающие усы.

Я улыбнулся, подошёл и осторожно подхватил этого притворщика под тёплый живот, после чего вернулся с ним в кресло.

— Кстати, — заметил Самуэль, глядя на мои руки, — важно помнить, что их нельзя разделять. Когда щенки находятся далеко друг от друга, их сила ослабевает.

Оставшаяся на полу парочка тут же прекратила возню, явно обиженная тем, что их обошли вниманием. Оба подбежали к креслу и встали на задние лапы, упираясь передними мне в колени. Мне пришлось поднять и их. На коленях тут же началась упорная толкотня за лучшее место, совершенно не мешавшая первому спящему.

— И что же мне теперь делать? Просто ждать? — спросил я, придерживая волчат, чтобы не свалились на пол.

— Да, — кивнул маг. — Думаю, всё начнётся с мощного всплеска. Какое-то значительное потрясение, что-то действительно важное. Я не могу сказать точнее, это вне моего контроля.

Головой я прекрасно понимал, что передо мной сидит лишь проекция, слепок памяти давно умершего старика. Но то, как точно он подбирал интонации и считывал моё настроение, невольно заставляло относиться к нему как к живому человеку.

— Что-то ты притих, погрустнел, — заметил Самуэль. — Может, сделаем перерыв? Отдохнём немного?

В этот раз отказываться я не стал. Слишком много всего свалилось за одно утро. Голове требовалась хотя бы короткая передышка.

***

Мы пересели на высокие резные стулья за длинный стол. Блюд было столько, что глаза разбегались.

Тонкие, почти прозрачные ломтики вяленого мяса блестели рядом с запечёнными корнеплодами под хрустящей карамельной коркой. Круглые фрукты с переливчатой кожурой внутри оказались сочными и ледяными, будто с мороза. В кубках дымилось густое грибное варево, щедро заправленное чёрным перцем. Дальше тянулись пироги с начинками, которые меняли вкус от куска к куску, то мясо, то рыба, то что-то пряное и незнакомое. Полупрозрачные омары в густом соусе с дымком, десятки видов хлеба с орехами, ягодами и мёдом, целая россыпь мягких и твёрдых сыров. А на краю стола лежали лёгкие сладости, пахнущие шафраном и лавандой.

Есть особо не хотелось, но разобрало чистое любопытство. Я принялся пробовать всё подряд, просто чтобы понять, каково оно на вкус.

А вот вино оказалось с подвохом. Первые глотки пошли мягко и приятно согрели горло, но уже через пару минут в ушах появился тонкий звон. Комната вокруг поплыла. Я откинулся на высокую спинку стула и прикрыл глаза. Голова стала лёгкой, тело налилось ленивым теплом, а все тревоги и острые углы сегодняшнего разговора куда-то отступили. Стало тихо и абсолютно всё равно.

Самуэль между тем продолжал негромко говорить. Он размеренно объяснял, как устроена связь с Источником, что канал расширяется медленно, годами, и что большая сила никогда не даётся сразу. Но его слова начали расплываться. Смысл ускользал. Я слышал ровный голос, но уловить суть уже не мог, будто слушал сквозь вату. То ли вино так развезло, то ли старик что-то подмешал…

— Меня всё устраивает… — пробормотал я непослушным языком.

Маг резко взмахнул рукой, и всё оборвалось.

Меня будто окатили ледяной водой. Хмель не выветрился постепенно, как бывает обычно. Его словно выдернули из крови одним рывком. Сердце глухо бухнуло у самого горла и зачастило, в висках застучало, во рту мгновенно пересохло, а на языке остался противный железный привкус.

Голова стала пугающе ясной. Я разжал пальцы и только тут заметил, что до побелевших костяшек вцепился в резные подлокотники. Заодно моя память тут же выдала мне всё, о чём

говорил Самуэль за столом, каждое слово до последней интонации, включая те куски, которые проплыли мимо моих ушей в пьяной дрёме.

Хорош учитель, ничего не скажешь. Сначала без спроса опоили, чтобы отключить критику и вложить лекцию напрямую в голову, а потом одним щелчком привели в чувство.

Длинный стол со всей едой бесследно исчез. Мы снова сидели друг напротив друга в прежней комнате.

***

Маг откинулся в кресле и сплёл пальцы.

— Я покажу тебе три случая вмешательства в развитие последней цивилизации на вашей планете, — произнёс он так буднично, что у меня неприятно похолодело на затылке.

— А… — начал было я, но старик оборвал меня коротким взмахом ладони.

— Да помолчи ты, Сёма, — раздражённо бросил он. — Сейчас не время для пустых слов.

Я осёкся. Воздух вокруг снова стал вязким и тяжёлым, отбивая всякую охоту спорить. Оставалось только слушать и попутно отмечать про себя, как легко наставник перешёл с высокого слога на простое домашнее «Сёма».

— И чтобы ты понял по-настоящему, я покажу тебе. Ты не просто услышишь, ты увидишь тех, о ком я буду говорить.

Я глубже устроился в кресле. Вряд ли меня собирались развлекать простыми картинками.

— Первый пример. «Гордость всей вашей цивилизации», — негромко произнёс маг.

Комната вокруг дрогнула и поплыла. Свет погас, звуки оборвались, а через секунду меня ослепило яркое южное солнце.

Мы стояли посреди открытого поля. Высокая трава ходила волнами под сухим тёплым ветром, пахло нагретой дорожной пылью, чабрецом и скошенным сеном. В густой зелени без умолку трещали кузнечики и деловито гудели пчёлы.

Впереди расстилались пологие холмы, расчерченные рядами виноградников, а чуть ниже в долине жались друг к другу каменные домики под рыжей черепицей. В нескольких шагах от нас перед походным мольбертом стоял человек в тёмном дорожном плаще. Поля широкой шляпы прятали половину его лица в тени, но этот профиль я узнал мгновенно, хотя раньше видел его только на гравюрах в учебниках.

— Не тревожься, — тихо сказал Самуэль у моего плеча. — Он нас не видит. Если желаешь, подойди ближе.

Я не сдвинулся с места. Спорить о магии в закрытой комнате было куда проще, чем стоять в двух шагах от живого человека из другой эпохи и разглядывать пятна масла на его одежде и въевшуюся в кожу пальцев охру.

— То было время крайностей, — заговорил маг, глядя на художника. — Общество, отравленное религиозным фанатизмом, было измучено страхом и догмой. Да Винчи не мог в одиночку победить сложившийся мир. Это было невозможно. Но он стал тем, кто принёс в него свет. Правда, мир не принял его идеи сразу.

Леонардо между тем не спеша делал быстрые пометки углём, сверяясь с изгибом речной долины внизу. Откуда-то с холмов доносился размеренный перезвон колокола и далёкое блеяние овечьих отар.

— Это Боббио, — пояснил Самуэль. — Небольшой городок на севере Италии. Исследовательница по имени Карла Глори много веков спустя утверждала, что именно этот пейзаж лёг в основу фона «Джоконды». И оказалась права, хотя ей так и не поверили. Забавная штука. Вашему миру вечно требуются железные доказательства в науке, но в других веках люди принимали всё на веру без единого вопроса. Он пришёл из мира, куда более развитого технически и культурно. Там он не был никаким гением, самый обычный человек из среднего класса, крепкий специалист своего дела. К моменту перехода, а умер он от сердечного приступа, ему стукнуло около пятидесяти. Образованный, цепкий, наблюдательный и, главное, внутренне

готовый к такому шагу. Я спросил его тогда, хочет ли он прожить ещё одну жизнь с чистого листа. Он согласился не раздумывая.

— А меня ты не спросил, — не удержался я от шпильки.

Наставник даже ухом не повёл, только лениво махнул рукой и продолжил:

— Память о прошлой жизни я ему стёр намеренно, чтобы ничто не отвлекало от дела. Оставил только навыки, глазомер, инженерную интуицию и понимание механики. Отсюда и взялась та самая гениальность, которую никто не мог объяснить рационально. Для него законы аэродинамики или оптики были базовой очевидностью, с которой он просто заново родился. Он рос в вашем мире, пошёл учиться в художественную мастерскую, заново осваивал черчение, химию, металлургию. Работал с гипсом, кожей, металлом. Руки сами вспоминали ремесло. Он потому и держался всю жизнь особняком, в стороне от чужой возни. Всю жизнь вспоминал себя через кисть, через каждый чертёж и каждую линию.

Пейзаж вокруг снова качнулся и смазался. Южный зной сменился сухой прохладой полутёмного зала, густо пропахшего льняным маслом, скипидаром и старым деревом. Косые лучи предзакатного солнца падали сквозь высокие окна, выхватывая из полумрака рабочий стол, банки с красками и деревянный мольберт посреди комнаты.

На мольберте стояла небольшая тополиная доска с незаконченным портретом.

Лиза дель Джокондо. Мона Лиза.

Я десятки раз видел её на репродукциях, в передачах, на сувенирных кружках и обложках тетрадей. Но здесь, в тишине мастерской, без бронированного стекла Лувра и толпы туристов, она производила совсем другое впечатление. Краска ещё была свежей, не тронутой вековой сеткой трещин и пожелтевшим лаком. Женщина на портрете смотрела спокойно и до странности живо. Казалось, она просто сидит напротив и молча наблюдает за нами.

— Видишь теперь? — негромко спросил Самуэль, подходя ближе к мольберту. — Вглядись внимательнее в эти едва заметные блики на щеках и у уголков губ. Они не случайны. Так пишет человек, который подсознательно помнит оптику и анатомию на три столетия больше, чем знает его век.

Я наклонился ближе к доске. При боковом свете из окна действительно казалось, что выражение её лица неуловимо меняется, стоит чуть сместить взгляд.

— Попытки перенести его технические идеи в реальность в то время почти ни к чему не привели, — ровно проговорил маг за моей спиной. — Ни нужных материалов, ни технологий обработки тогда просто не существовало. Но сам факт их появления… Телескоп. Прототип аэроплана и воздушного винта. Прожектор, велосипед, парашют, водолазный костюм… Он предвосхитил столетия. Он просто не знал местного правила, что так «не положено». В его прежнем мире такие вещи были обыденностью, а здесь казались безумием.

Старик повернулся ко мне:

— Потом эти идеи будут переосмыслены и построены другими руками и на других принципах. Но это уже детали. Главное, он дал толчок, показал самому мышлению человека, в какую сторону можно смотреть. Правда, расплатился за это полным одиночеством. Леонардо пришёл слишком рано. Все его главные прозрения остались чернилами на пожелтевших страницах, опередив своё время на полтысячелетия. Потребовались века, чтобы люди наконец собрали его машины. А в его собственной эпохе осталась лишь живопись. Единственное, что шестнадцатый век смог понять и сохранить.

Я молча смотрел на темнеющий в сумерках портрет. На моих коленях, прямо здесь, посреди мастерской, куда мы переместились вместе с креслами, сонно возились и тихо посапывали трое волчат.

— Водички хоть попей, — усмехнулся вдруг Самуэль, разом сбивая всю торжественность момента, и протянул мне кубок с холодной водой.

Я машинально взял чашу и сделал несколько больших глотков. Вода помогла прийти в себя.

Стены мастерской тем временем размылись, и мы вернулись в полумрак нашей комнаты. Я откинулся на спинку кресла. Голова после такого экскурса была странно пустой, как после сильного потрясения. Узнать, что один из главных гениев человечества на деле оказался засланным специалистом из другого мира со стёртой памятью, в привычную картину реальности с ходу не укладывалось.

— То, что ты увидел, лишь малая часть скрытого от обычных людей, — произнёс Самуэль. — История полна моментов, когда судьбы цивилизаций висели на волоске, а решающую роль играли вот такие точечные вмешательства. Готов услышать следующую историю? Она ничуть не проще первой.

***

Готов ли я? Да мне сейчас было глубоко наплевать даже на то, кто именно сидит передо мной.

— Продолжай, — только и смог выговорить я.

— Второй пример, — произнёс Самуэль с неподдельным уважением в голосе.

Комната вокруг исчезла, сменившись тесным сводчатым помещением. В нос тут же ударил резкий дух нагретого металла, химических реактивов, растопленного свечного сала и жжёного стекла. На стенах в неровном свете свечей прыгали тени, а поверх меловых формул и расчётов проступали контуры рун, различимые только здесь, с изнанки.

В центре лаборатории у массивного рабочего стола стоял Михайло Ломоносов, высокий, широкоплечий, в расстёгнутом камзоле со следами кислоты на рукавах. Двигался он быстро и на удивление точно для своей комплекции. Перебирал стеклянные трубки и медные сферы с уверенностью человека, который точно знает, что ищет.

— У него осталась память прошлого, — с оттенком грусти произнёс маг. — И, быть может, это была моя ошибка.

Самуэль сложил руки на груди, не сводя глаз с учёного:

— Ломоносов наотрез отказался терять свои знания перед переходом. Умолял оставить, обещал использовать их с умом. А в итоге всю жизнь пытался нащупать следы магии в законах физики, там, где её не было. Ему было тесно в рамках обычной науки, он упрямо стремился заглянуть за грань материи и увидеть то, что скрыто от обычных глаз. В вашем мире он называл это «эфиром». Пытался описать формулами ту самую среду, что связывает материальный мир с миром магии. Он безошибочно чувствовал её присутствие, хотя здесь у неё не было ни имени, ни отклика. Все его исследования электричества, атмосферы, оптики и химии били в одну точку. Он искал первооснову вещей.

В тесной комнате стояло тяжёлое напряжение. В стеклянных колбах то и дело сухо щёлкали синеватые искры разрядов, а в воздухе ощутимо тянуло озоном.

— Но ваш мир не магический, — Самуэль понизил голос. — А без внешней магии такие опыты становятся работой на износ без всякой страховки. Обычное человеческое тело просто не рассчитано на такой объём знаний и такую концентрацию усилий. Пытаясь запустить процессы, требующие магического импульса, он черпал силы из самого себя, даже не понимая, что выжигает собственный ресурс.

Я присмотрелся и заметил вокруг фигуры Ломоносова слабое, рваное свечение, тусклое и тонкое, как у свечи, которая горела слишком жарко и уже догорала до самого конца. Здоровое с виду тело явно сдавало под этой нагрузкой.

— Он сгорел слишком быстро, — вздохнул старик. — Списали всё на простую пневмонию, но причина была куда глубже. Он просто не умел останавливаться и продолжал искать, даже когда организм уже отказывался поспевать за мыслью.

Я молча смотрел на широкую сутулую спину человека у стола. Даже щенок у моих ног притих и перестал возиться.

— Он оставил след, который не сотрётся временем, — наконец произнёс маг. — Его жажда знаний стала примером для одних, его ошибки стали уроком для других, а открытия легли в фундамент для будущих поколений. Но цена… цена всегда остаётся личной историей каждого искателя.

***

— И наконец, третий, заключительный пример, — произнёс маг.

Тесная петербургская лаборатория растворилась в воздухе.

Мы оказались на открытой пустоши Лонг-Айленда, километрах в ста от Манхэттена. Закатное солнце окрашивало горизонт в тёмно-багровые тона, с океана тянуло свежим солёным ветром, а прямо перед нами в темнеющее небо уходила стальная конструкция Башни Ворденклиф. Её массивный решётчатый купол глухо гудел на ветру.

Я невольно запрокинул голову. Всё, что я раньше знал об этой башне по книгам и старым зернистым фотографиям, не шло ни в какое сравнение с реальностью. Здесь, у её подножия, даже промёрзшая земля мелко дрожала под подошвами от работающих внутри генераторов.

Самуэль не торопил меня, давая осмотреться; ветер с залива трепал полы его тёмного плаща.

— Никола Тесла, — заговорил он наконец с глубоким уважением. — Человек, чьё мышление опережало современников на целую эпоху. Он пришёл из мира высочайших энергетических технологий и принёс свои знания сюда, в мир, который ещё не знал, что с ними делать. Вы и спустя столетие пользуетесь плодами его открытий, даже не до конца осознавая масштаб того, что он задумал.

Через широкое окно кирпичного корпуса рядом с башней был виден и он сам, высокий, худощавый человек в аккуратном тёмном костюме с медными пуговицами. Двигался он быстро и порывисто, на ходу сверяя показания приборов, и в каждом его жесте угадывалась та же предельная собранность, какую я только что видел у Ломоносова.

— Катушки, трансформаторы, генераторы, электродвигатели, — перечислял Самуэль под низкий гул башни. — Всё это плоды его неутомимого труда. Как и Ломоносов, он с головой ушёл в свои исследования, но если Ломоносов пытался понять природу материи, то Тесла работал с чистой энергией и её потоками.

Голос старика стал суше и жёстче:

— Вот только ваш мир к тому моменту уже сделал свой выбор. Пока Тесла говорил о беспроводной передаче энергии, о том, что свет и тепло можно черпать буквально из-под ног, как воду из колодца, весь мир уже уверенно шагал по другой дороге. Дороге, которую проложили нефтяные короли. Их трубы, вышки и танкеры опутали планету плотной сетью, и в этой схеме не оставалось места для башен вроде Ворденклифа. Нефть можно было разливать бочками и цистернами, продавая в розницу каждую каплю, а энергию, свободно разлитую в небе, со счётчиком не продашь. И прагматичный мир выбрал то, чем удобно торговать. Тесла же остался стоять на обочине собственной эпохи, с чертежами, опередившими время, и с башней, которой так и не дали заработать в полную силу.

С океана снова потянуло сыростью, послышался шум прибоя, а за ним тихо гудели механизмы внутри кирпичного здания.

***

Декорации Лонг-Айленда исчезли, вернув нас в тишину комнаты.

— Как видишь, три совершенно разных человека, — произнёс Самуэль, обводя рукой пространство. — И каждый по-своему изменил ваш мир. Леонардо да Винчи с его универсальным взглядом инженера и художника, Ломоносов с железной волей исследователя, Тесла, видевший в электричестве куда больше других… Каждый оставил свой след. Но знаешь, в

вашем мире хватало и своих самородков. Ваша цивилизация и сама умела рождать яркие умы. В каждом веке, на разных континентах появлялись люди, чьи идеи опережали свою эпоху.

Я слушал его и думал о своих дипломах в ящике стола, о пустой квартире и унылом балконе с видом на заросший пустырь. Там всё уже было понятно и расписано на годы вперёд. А здесь всё только начиналось.

— Беда в том, — тихо продолжал старик, глядя на огонь свечей, — что современники редко принимали их при жизни. Общество, скованное привычкой и выгодой, почти всегда отторгало тех, кто пытался раздвинуть границы известного. Их идеи казались слишком смелыми, а открытия слишком опасными для устоявшегося порядка. Многие из них умирали в нищете и забвении. Их рукописи сжигались или пылились в архивах, имена забывались. Идеи, конечно, прорастали сквозь время и меняли мир задним числом. Вот только самим создателям от этого было уже ни холодно ни жарко.

— Но почему я? — вопрос прозвучал тише, чем мне хотелось бы.

— Этот вопрос задал бы любой нормальный человек на твоём месте, — неторопливо ответил он. — Это естественно. Но ты здесь не случайно. Тебе достались редкий дар и характер, и ты распорядился ими правильно, даже не зная, что проходишь проверку. Не каждый способен не сломаться и остаться собой, когда вокруг все живут по другим правилам.

В этот момент один из волчат у кресла, тот самый, что всегда держался чуть внимательнее остальных и смотрел пронзительными жёлтыми глазами, поднял морду. Его взгляд встретился с моим.

Не издав ни звука, он ещё немного неуклюже переступил лапами и подошёл к моим ногам. Я наклонился, осторожно подхватил его под тёплый живот и устроил у себя на коленях. Щенок тут же доверчиво уложил мордочку мне на ладони и шумно, прерывисто вздохнул, согревая пальцы своим дыханием.

Я погладил его по жёсткой детской шерсти на загривке и снова посмотрел на старика:

— Ты всё-таки так и не ответил. Почему меня ты не спросил, хочу ли я вообще всего этого?

Самуэль даже бровью не повёл. Только спокойно кивнул:

— Так откажись. Я щёлкну пальцами, и ты прямо сейчас вернёшься в свою квартиру. В ту самую, где всё знакомо до последнего пыльного угла. Феноменальная память тут же исчезнет. Я оставлю тебе только одно воспоминание об этом самом разговоре. Яркое и чёткое, как старый снимок. И ты проживёшь свою жизнь, зная, что однажды тебе предложили нечто великое… а ты отказался.

Голос мага стал тише, почти перешёл на шёпот:

— Ты будешь помнить об этом каждый день и каждую бессонную ночь. И, скорее всего, просто сопьёшься. От тоски по тому, что могло бы быть.

Я прищурился, пытаясь поймать его на блефе или манипуляции. Бесполезно. На лице старика была лишь спокойная уверенность человека, который просто озвучивает очевидный факт.

— Шантажист, — бросил я наконец. — Вот ты кто. Да и сам же сказал, что вернуться не получится.

Самуэль лишь слегка улыбнулся.

— Согласись, я заинтриговал, — произнёс он с явным удовольствием.

Он чуть подался вперёд в кресле. Волчонок на моих коленях совсем притих. Я криво, горьковато усмехнулся:

— Да кем надо быть-то, чтобы отказаться? — я махнул рукой в сторону стены, словно указывая на невидимую дверь в прежнюю жизнь. — Я ведь отлично знаю, что ждёт меня там. Работа, быт, семья. Может быть, к старости дорасту до Академии наук. Или не дорасту. Обычная жизнь по накатанной колее.

Я повернулся к магу, встречаясь с ним взглядом:

— А здесь… здесь то, чего там нет ни у кого. Возможность дотянуться до вещей, которые человечество ищет веками. Как от такого откажешься?

По тому, как потеплели глаза старика, стало ясно, что он остался доволен. Напряжение, висевшее в комнате последний час, окончательно отпустило.

— И как мне тебя лучше называть? — спросил я, переводя дух.

Самуэль спокойно пожал плечами:

— Как хочешь. Ты парень необычный, времени проведём вместе немало и, скорее всего, станем хорошими друзьями. Так что называй как удобно, только без официоза. — Он махнул рукой и усмехнулся. — Хотя кому я говорю…

Я внимательно посмотрел на его седую бороду и морщины вокруг глаз:

— Буду звать тебя просто… Дед.

Маг тихо, искренне рассмеялся, и от этого простого смеха в пустой комнате сразу стало тепло и почти уютно.

— Замечательно, внучек, — кивнул он. — Иди теперь спать. Или тебе колыбельную спеть?

— Шутник, значит, — пробормотал я, осторожно ссаживая сонного щенка на пол и поднимаясь. Накопившаяся усталость навалилась разом.

— Отдыхай, — коротко произнёс маг.

И в ту же секунду исчез, просто растворился в воздухе вместе со своим массивным креслом. Освещение снова стало мягким и ровным, возвращая комнате её привычный утренний вид.

Я медленно дошёл до кровати, чувствуя, как гудят ноги, опустился на матрас, вытянулся во весь рост и уставился в потолок.

«Вот это поворот», — вяло мелькнуло в голове, пока веки сами собой слипались.

Краем глаза я уловил движение. Прямо из воздуха у края кровати появилась невысокая деревянная лесенка. По ней, тихо постукивая коготками по ступенькам, один за другим уже ловко карабкались наверх волчата.

Первый неторопливо прошёл по одеялу, забрался прямо ко мне на грудь и свернулся там тёплым клубком, будто это место всегда предназначалось именно для него. Я машинально положил ладонь ему на спину, чувствуя, как мерно поднимается и опускается его бок. Щенок не шевельнулся, только глубоко, сонно вздохнул, утыкаясь носом поудобнее, и под его тихое сопение я наконец провалился в крепкий, спокойный сон.

Глава 3

Проснувшись и быстро позавтракав, я устроился в ожидании Деда. В теле ещё жила сонная тяжесть, в голове стояла ровная пустота, не требующая ни мыслей, ни решений. Рядом моя троица с аппетитом уничтожала своё утреннее меню. Из мисок доносилось довольное урчание и смачное причмокивание. Закончив с едой, двое по привычке попытались затеять возню, но быстро осознали, что с туго набитыми животами это непосильная задача, синхронно вздохнули и развалились на полу. Третий, самый ленивый, даже не тратил силы на игру и завалился на бок сразу после последнего кусочка. Тишина комнаты не угнетала, скорее заставляла прислушиваться. Ни дверей, ни окон, глухой замкнутый куб из неизвестного минерала. Я привык всё разбирать на части и мерить, поэтому и здесь взялся за дело по-своему. Отсчитал шаги от стены до стены, приложил ладонь к камню, задержал дыхание и вслушался. Камень был тёплым и ровно таким же, как вчера.

Внезапно геометрия куба нарушилась. На одной из гладких стен просто материализовалась дверь. Стыков не было. Камень перестроился по щелчку. Щенки, почувствовав перемены, мигом забыли про сытую лень, поднялись и сели передо мной в идеальную стойку. В их умных глазах читалась полная готовность к действию.

— Всё, хватит сидеть, — раздался знакомый голос, и следом послышался нарочито тяжёлый грохот шагов.

От вида вошедшего мага я на секунду оторопел. Свободная белая рубашка, тёмные штаны, заправленные в высокие сапоги, тот самый строгий канон, к которому я уже начал привыкать. На голове красовалась широкополая чёрная шляпа с длинным серым пером, вписанная в ту же палитру, но чересчур театральная. Сильнее всего удивило лицо. Без длинной серебристой бороды Дед выглядел едва ли старше тридцати пяти, и я лихорадочно сопоставлял новые пропорции челюсти и скул с прежним образом старца.

— Не… шляпа, пожалуй, лишняя, — пробурчал он, ловя мой скептический взгляд. Одним точным движением он снял головной убор и небрежно швырнул его в сторону каменной стены. Шляпа, не долетев пары сантиметров до поверхности, растворилась в воздухе без следа. Я не сдержал ироничной улыбки. Театральность магии Дед чтил строго, даже когда оставался без бороды.

— Итак, приступим, — произнёс Дед с непривычной серьёзностью. — За этой дверью ты найдёшь библиотеку и полигон. Язык книг покажется тебе незнакомым, но не бойся. Ты всё поймёшь. Просто читай. Начнём с самых простых заклинаний.

При упоминании чужого языка во мне проснулся лингвист. Я знал строение пяти языковых семей, которые успел разобрать, и уже подобрался, готовый разбирать незнакомую грамматику по косточкам.

— После обеда практика на полигоне. Я покажу, как применять то, что ты узнал. Библиотека будет расти вместе с твоими знаниями. Утро посвятим теории, а вечер практике. Всё довольно просто.

С этими словами он растворился в воздухе. Никаких спецэффектов, лишь лёгкое покалывание на коже. Я направился к появившейся двери и на ходу бросил в пустоту просьбу позаботиться о сытых и ленивых щенках.

То, что открылось за порогом, заставило меня замереть. Вокруг простиралась абсолютная пустота. Ни стен, ни пола, ни потолка. Собственное дыхание стало слышно отчётливо, а шаг не дал эха. Я стоял на полупрозрачной плоскости, зависшей посреди ничто. Впереди, в паре десятков метров, висели две массивные двери, а между ними лениво покачивались факелы. Их языки пламени горели без копоти и треска, не зная ни ветра, ни тяжести. Красиво, театрально и чертовски нелогично.

Подойдя к левой двери, я осторожно толкнул тяжёлое деревянное полотно. За ним не оказалось ничего. Первозданная тьма, пустота без глубины, звуков и движения воздуха. Я попробовал мысленно замерить расстояние или хотя бы поймать эхо собственного дыхания, но на этот раз не понял ничего. За дверью не работала привычная логика.

— Вероятно, это и есть тот самый полигон, — пробормотал я, невольно отступая на шаг и закрывая створку.

Я повернулся ко второй двери и рывком распахнул её. За порогом открылся просторный зал библиотеки. Я сразу оценил идеальные пропорции помещения, высокие своды и мягкий рассеянный свет без видимого источника. В центре возвышался массивный стол из тёмного дерева. На столе лежали две книги. За свою жизнь я перечитал тысячи томов, от древних манускриптов до современных бестселлеров, но таких фолиантов не видел. В моём мире подобные сокровища хранили бы в залах крупнейших музеев под пуленепробиваемым стеклом, под круглосуточной охраной и строгим температурным контролем.

Я подошёл ближе, и взгляд зацепился за сам стол. Память тут же вытащила лекцию Деда о великих переселенцах. Имея за плечами музыкальное образование по классу фортепиано, я буквально кожей почувствовал то, что называют «застывшей музыкой». Я провёл ладонью по идеальным изгибам тёмной древесины и чистым стыкам.

Насладившись моментом, я переключил внимание на книги. На первой, «Основы магии», лежали следы веков. Потёртые края, потемневшая кожа переплёта и едва уловимый запах пыли. Вторая, «Мир Тэн'Арин», наоборот, поражала королевской роскошью. Инкрустированная золотом и украшенная драгоценными камнями, она переливалась в свете невидимых свечей. «Интересно, почему в магических мирах так часто используют апостроф?» Мысль лингвиста промелькнула и ушла. Наклонившись над столом, я осторожно приподнял роскошную обложку «Мира Тэн'Арин», секунду подержал её в руке и отложил в сторону дожидаться своего часа.

Затем я раскрыл «Основы магии» и замер. Незнакомые буквы на страницах извивались и переплетались сложным узором, непохожим ни на клинопись, ни на земные иероглифы. Но смысл рождался в голове сам, напрямую, минуя звук и подбор слов. Книга оказалась не такой уж объёмной. Её внушительность создавали плотные, тяжёлые листы пергамента. Мне хватало скользить по строкам взглядом. Листы переворачивались с сухим шелестом, и всё отпечатывалось в памяти навсегда. Вникать в смысл сразу я не пытался. Позже смогу точно воспроизвести каждый знак и каждое слово.

Вскоре в зале появился маг, теперь уже полностью в образе каноничного волшебника. Он вошёл через дверь, которой я раньше не видел. Она просто возникла в стене, и он шагнул внутрь. Аккуратно подстриженная серебристая борода снова обрамляла лицо, возвращая образу былую мудрость. В руке он держал длинный деревянный посох, потемневший от времени. Мимоходом я разглядел на древесине искусно вырезанные светлые узоры. Они повторялись, дробились и явно были здесь не для красоты.

— Прочитал? — спросил он с едва заметной улыбкой.

— Ты же знаешь ответ. Зачем спрашиваешь? — ответил я, не скрывая лёгкого раздражения.

— «Зачем спрашиваешь?» — по-доброму передразнил он. — Это просто привычка. Я пытаюсь придать этому месту человеческие черты, чтобы ты не чувствовал себя подопытным объектом в лаборатории.

Он опустился в кресло, возникшее прямо из воздуха, и небрежно закинул ногу на ногу. Между ладоней с мягким потрескиванием зародился небольшой пульсирующий огненный шар. Свет пламени ложился на стены тёплыми отсветами.

— Что понял из «Основ магии»? — спросил он с искренним интересом. — Дай угадаю, теория усвоилась идеально, но механика процессов кажется абстракцией? Постой, ты даже не стал вникать.

— Ты постоянно будешь читать мои мысли? — с горечью ответил я.

Он легко рассмеялся, радуясь моему вынужденному замешательству. Сухие формулы без собственного опыта оставались для меня мёртвым грузом.

— Извини, Сёма. Больше не буду, а если не сдержусь, ты об этом не узнаешь. Ничего не понял из прочитанного?

— Конечно, не понял, — ответил я, глядя на танцующее пламя в его руках. — Точнее, память зафиксировала каждую строчку, а что с ними делать, я не знаю. Никогда ведь не пробовал сам.

Маг понимающе кивнул, продолжая лениво перекидывать пульсирующий сгусток из руки в руку. Свет огня играл на его лице, делая его то старше, то моложе.

— А теперь скажи мне, — начал он, и голос его стал серьёзнее, — почему ты не стал читать «Мир Тэн'Арин»? Это ведь важно. Новый мир, свои фракции, законы, социальное устройство, конфликты. Без знания этикета тебе будет трудно. Ты рискуешь выглядеть там чужим.

— А я и есть чужой, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — И не хочу делать вид, что это не так. На Земле вся моя жизнь была просчитана на десять ходов вперёд, разложена по полочкам и защищена дипломами. Всё было слишком предсказуемо. Здесь я хочу вернуть себе право удивляться, радоваться тому, чего не знаю, а не действовать по готовой методичке. Не хочу подстраиваться и играть чужую роль.

Я вздохнул, чувствуя, как упрямство берёт верх над осторожностью.

— Я пройду обучение по магии, да. Но никаких имён, никаких титулов. Я не должен знать, кто меня учит. Пусть лица наставников останутся скрыты, а голоса изменены. Историю этого мира знать заранее не хочу, пусть всё раскрывается само, в своё время.

В комнате повисла тишина, нарушаемая потрескиванием угасающего пламени. Маг замер и сжал ладонь. Огненный шар исчез без копоти, оставив запах нагретого воздуха.

— Хм… — произнёс он тихо. — Вот как. Путь без карт. Слепой переход. Интуиция вместо готовых инструкций… Пожалуй, я даже завидую твоей дерзости. Я предполагал, что ты выберешь максимальную информированность. И всё же, возможно, такой маршрут намного лучше. Будь по-твоему, ни имён, ни титулов, ни лиц. Только не говори потом, что тебя не предупреждали. Когда начнёшь узнавать, кто именно вкладывал в тебя знания… это будет настоящее открытие. Но предупреждаю, некоторые знания окажутся тяжелее всего, с чем тебе приходилось сталкиваться. Будет непросто.

— Я справлюсь.

Маг поднялся и сделал несколько размеренных шагов по залу. Мантия шуршала по полу, посох глухо постукивал в такт мыслям. Он остановился у глухой стены, провёл рукой по воздуху, потом резко развернулся и снова опустился в кресло.

— Ладно, к делу. Раз уж из книги ты вынес только сухую теорию, объясню на пальцах. Представь, что твой магический потенциал похож на некую ёмкость, вроде сосуда. Возьмём простейшее заклинание, зажечь костёр. Щелчок, и огонёк. Это занимает сотую долю от общего объёма. Если ты повторяешь его много раз, заряды накладываются друг на друга, накапливаются, и в какой-то момент энергия упирается в стенки. Всё, потолок. Потенциал от этого растёт крайне медленно, по капле. Зато сложное заклинание может вообще не поместиться в твой текущий объём. Втиснешь, и деформация стенок будет мощнее, а потенциал расширится заметно быстрее. Сложные структуры эффективнее растягивают «сосуд». Уловил?

Я кивнул, примеряя его сравнение к себе.

— Хорошо, — хмыкнул маг. — Дальше. Твой внутренний сосуд соединяется с внешним Источником силы. И вот тут критический нюанс. Сколько силы ты можешь вытянуть разом, зависит от ширины этой связи. Представь, что потенциал у тебя размером с арбуз, но трубочка к Источнику совсем узкая. Вроде и есть чем пользоваться, а вытянуть нужный объём за секунду не можешь. Образно говоря, вместо разрушительного огненного вала ты получишь пшик размером со сливу. Даже если очень хочешь арбуз. Понял?

«Широкий амбар с узкой дверью», — подумал я, и от этой картинки стало смешно.

— Связь с Источником я тебе здесь не расширю, — продолжил Дед, возвращаясь в кресло. — Она растёт только в реальном мире, под жёстким присмотром Мага Жизни. А запас силы остаётся твоей заботой. Чем больше здесь выложишься, тем шире он раздастся.

Маг откинулся на спинку кресла.

— Ну, ты парень с пятью дипломами, не глупый. Разберёшься.

Я кивнул с максимально серьёзным, академическим выражением лица.

Дед подозрительно прищурился, в его глазах блеснули искорки.

— Ты сейчас издеваешься надо мной, что ли, со своей миной?

Я снова молча кивнул с самым невинным видом, едва сдерживая внутренний смех.

— Ага, ясно… — маг шутливо фыркнул и поднялся. — Всё, хватит сухой теории, у меня от твоих выкладок в горле пересохло. Пошли обедать, а после практика на полигоне.

***

Мы вышли в соседний зал, где длинный стол ломился от яств. На блюдах уже ждало именно то, чего мне сейчас хотелось. Хрустящие лепёшки с золотистой корочкой, дымящиеся супы, сочные ягоды. Троица мгновенно материализовалась у ног, жалобно поскуливая и нетерпеливо постукивая хвостами по каменным плитам.

— Дед. А, Дед, — позвал я, расправляясь с обедом.

— Чего тебе, внучек? — отозвался он, не поднимая глаз от подноса с фруктами.

— А мы так и будем консервироваться в этих унылых серых стенах? Ты ведь сам хвастался, что можешь перестроить это пространство под любой запрос.

— А я думал, ты сам проявишь фантазию и, когда придёт время, изменишь помещение под себя, — приподняв бровь, парировал он.

— Помещение? — я усмехнулся, чувствуя, как разгорается азарт проектировщика. — Когда в твоём распоряжении бесконечный пространственный карман, называть это помещением почти преступление против эстетики.

Я тут же выдал ему дерзкое и масштабное задание, подкреплённое дипломом по архитектуре. Потребовал прекратить держать нас в каменной коробке и расписал всё, что должно быть у настоящего дома. Свет, вода, деревья, место для работы и место, где просто дышится. Старый маг неторопливо откинулся на спинку стула, тщательно вытер пальцы льняной салфеткой, и глаза его блеснули неприкрытым удовольствием.

— А ты нахал… — хмыкнул он, но в его взгляде читалось одобрение моего наглого архитектурного плана. — Ну да ладно. Так уж и быть, прими работу, внучек.

Дед поднялся, глубоко вздохнул, и вокруг нас развернулось настоящее пространственное таинство. Он плавно водил руками по воздуху, вылепливая очертания будущего ландшафта, и размеренно шептал что-то себе под нос. Я сразу понял, что этот шёпот и широкие пассы не имеют технического значения для перестройки пространства. Это была та самая великая театральность магии, о которой он мне твердил. Серые каменные стены дрогнули, превращаясь в зыбкую пелену тумана, и начали растворяться, обнажая каркас новой реальности.

От этой внезапной трансформации маленькие волчата не на шутку испугались. Потеряв прежнюю уверенность, они жалобно заскулили и бросились ко мне, тесно прижимаясь к ногам, сопя и дрожа. Я опустил ладонь, удерживая их возле себя. Пространство проступало слой за слоем. Сначала вместо стерильной сухости Чертогов в лицо пахнуло океаном и сырым

мхом. Следом ворвался мягкий золотистый свет полуденного солнца, и мир обрёл звучание. Над головой закружили чайки, волны с мерным рокотом накатили на берег, за спиной послышался шелест листвы.

Густой хвойный лес, как я и заказывал, плотно встал за аккуратным плетёным заборчиком, уходя за синеющие холмы. На горизонте высились горы с белеющими шапками снега. Под ногами расстелилась мягкая тёплая трава. На невысоком холме проступили чёткие контуры дома из золотистого бруса, с резными ставнями, обвитыми диким виноградом. К калитке вела тропинка из гладких камней, растворяющаяся в белоснежной полосе пляжа. Океан лежал перед нами, переливаясь от ультрамарина до бирюзы. Слева поднялся тёмный утёс для правильного акустического эха, с вершины которого струился хрустальный водопад, а справа тянулся пляж с белым песком, на котором раскинулась тренировочная площадка, поставленная так, чтобы летящий от прибоя песок не заносило на жилую зону. Чуть поодаль гармонично вписалось фасадом каменное здание библиотеки. Почувствовав, что всё стихло, а под лапами вместо холодного камня мягкая трава, волчата мгновенно оттаяли и с восторгом высыпали на залитую солнцем поляну.

Маг усмехнулся, наблюдая за моим застывшим лицом.

— Ну как? Устроил я небольшое представление для твоего архитектурного эго?

Внутри поднимался глухой детский восторг. Я поспешил спрятаться за привычную питерскую иронию и небрежно бросил:

— Ну, для провинциального театра декорации сойдут, Дед. Хотя за ровную линию горизонта и правильный градиент ультрамарина в прибое, так и быть, ставлю твёрдую четвёрку с плюсом.

Маг расхохотался. Когда первый шок улёгся, мы устроились за деревянным столом у плетёного забора. Волчата носились по траве, и я почувствовал, как внутреннее напряжение окончательно отпускает. Расслабившись в тёплых лучах солнца, Дед сменил тему:

— Клички-то своей банде придумал?

— Пока нет, — ответил я, задумчиво наблюдая за щенками, которые уже вовсю осваивали прибрежную траву. — Они абсолютно идентичны внешне. Если окрас у всех угольно-чёрный, я начну их путать и со временем дам имя не тому.

— Нашёл проблему для Верховного мага, — усмехнулся он и небрежно взмахнул рукой. Воздух вокруг волчат на долю секунды замерцал, окутав их лёгким маревом.

В тот же миг щенки преобразились, не издав ни звука. Шерсть не перекрасилась. Дед просто изменил восприятие для моих глаз, и свет для меня ложился иначе. Один щенок стал чисто-белым, второй приобрёл благородный серый оттенок, а третий остался угольно-чёрным, напрочь поглощая свет.

— Кстати, — добавил Дед, вдыхая солёный бриз, — чёрная у нас девчонка, а белый и серый парни.

— Ух ты, — выдохнул я, лихорадочно подбирая нужное слово. — Белый будет Призрак, серый Туман. А вот с чёрной…

Я запнулся. Мысль, обычно работавшая быстро, забуксовала. Я нахмурился, пытаясь нащупать слово, которое отразит её хищную суть. Дед не торопил. Он понимающе улыбнулся, перехватил посох и замер, ожидая финала моих раскопок. В тишине, нарушаемой лишь мерным рокотом прибоя, я побарабанил пальцами по деревянному столу. Ритм ударов становился всё быстрее, вторя частоте пульса. Ночь. Тьма. Бездна полигона. Чёрная шерсть, поглощающая свет… Кусочки пазла в голове сошлись в одно слово.

— Мгла! — выкрикнул я, и это хлёсткое слово повисло над пляжем. — Точно. Чёрная будет Мгла.

Мгла в ту же секунду вскинула голову и уставилась на меня огромными жёлтыми глазами. В немигающем взгляде не было ни удивления, ни вопроса, только мгновенное принятие своей сути.

— Мне нравится, — веско одобрил Дед. — А теперь договоримся. В Чертогах и реальном мире они будут для тебя в своём настоящем, цветном облике. Но для всех остальных они останутся одинаково чёрными, пока мир не узнает, кто ты такой. Идёт?

— Идёт, — ответил я, не отрывая взгляда от троицы.

После этого Дед начал рассказывать тайные хроники нашего мира, те самые, которых не печатали в земных учебниках. О них можно было узнать только из уст очевидца, лично менявшего ход истории. Я сопоставлял его слова с тем пластом земных исторических данных, который накопил за годы жизни в научной среде. «Белые пятна», логические провалы и странные совпадения в земной истории, над которыми веками бились учёные, изящно закрывались магическим мироустройством Самуэля. Рассказы о Великих переселенцах, о Леонардо да Винчи, Ломоносове и Тесле выстраивались в стройную систему точечного вмешательства в развитие человечества.

— Ну что, поговорили и хватит, — сказал маг, поднимаясь из-за стола и опираясь на длинный деревянный посох. — Пошли на тренировочную площадку. Пора тебе учиться держаться в седле.

Я бросил взгляд на посох и едва заметно усмехнулся. Память уже сопоставила факты. В этом мире магам посохи не нужны. Сила идёт напрямую, от воли или от небрежного щелчка пальцев. Но Дед упорно таскал внушительную деревяшку с собой исключительно ради эстетики. Он требовал от меня не забывать о великой театральности магии и сам строго соблюдал это правило, создавая образ классического волшебника.

— Зачем ты везде его с собой таскаешь? — я указал на посох.

— Хочу и таскаю. Отстань от старого человека.

Мы спустились по тропинке, вымощенной гладкими камнями, к песчаной тренировочной площадке у кромки прибоя. Океан дышал прохладой, ветер трепал полы наших одежд.

— Я пару раз ездил в горах на Земле, — заметил я. — Мне, в принципе, нравилось.

— Знаю, — отозвался Дед, останавливаясь у края площадки. — Но всё равно начнём с самого простого. В реальном мире Тэн'Арина лошадь остаётся твоим основным средством передвижения, и держаться в седле ты должен уверенно.

Он небрежно щёлкнул пальцами, и прямо из солёного морского воздуха соткалась высокая, грациозная кобыла редкой серой в яблоках масти, с мягкими, внимательными глазами.

— Она твоя на всё время обучения, — произнёс Дед. — Лошадь чувствует, кто ты и какую силу скрываешь, так что здесь никакой театр не сработает. Только ты и она, без фальши.

Я шагнул вперёд, и спортивное прошлое включилось в работу. Гребля, гимнастика и волейбол дали мне не только развитую фигуру, но и чувство равновесия. Тело само взялось за дело. Колени, бёдра, спина, дыхание в такт. Седло оказалось лёгким, почти невесомым. Я осторожно опустился в него, и тело мгновенно вспомнило нужную посадку.

Лошадь плавно и размеренно сделала первый шаг. Песок рассыпался под её копытами. Гимнастическое прошлое позволило мне не бороться с инерцией животного, а мягко слиться с ней, компенсируя колебания наклоном корпуса. Дед, наблюдая за посадкой, удовлетворённо кивнул.

— Вот и хорошо, — негромко произнёс он. — Видишь, как всё ложится на старые дрожжи. Главное, не играй. Двигайся вместе с миром, а не наперекор ему. Стань частью этого ритма, позволь коню вести тебя, пока твоя собственная воля не станет для него законом.

Лошадь пошла рысью, и я перестал думать о том, как сижу. Маг шагал вдоль края площадки, его посох мерно постукивал по влажному песку.

— Помни, Семён, феноменальная память и есть твой главный козырь, но в реальном бою она может стать ловушкой, — начал он, и лицо его стало жёстким. — Теория остаётся лишь идеальным чертежом в твоей голове. Ты будешь до последнего знака помнить, как держать меч, как уходить от встречного выпада или направлять потоки энергии. Но сухое знание ещё не умение. Магию, как и боевую сталь, придётся вбить в собственное тело, сделать её частью физиологии. Чтобы заклинание или удар клинка стали по-настоящему твоими, тебе придётся практиковаться здесь вечность. Неустанно, пока мысль не перестанет опережать действие, а тело не начнёт реагировать на уровне рефлексов. Будь ты простым кузнецом на Земле, ты день за днём, год за годом монотонно махал бы тяжёлым молотом, нарабатывая мозоли. А ты преемник Верховного мага Тэн'Арина. Это работа куда более тонкая, сложная и опасная. У тебя будут лучшие наставники по всем мыслимым дисциплинам. Я могу выдернуть сюда ментальный слепок любого великого мастера из прошлого или настоящего. В их родной реальности пройдёт лишь миг, а здесь вы проведёте долгие месяцы изнурительных тренировок. Они передадут тебе всё, что копилось в их династиях веками. За стенами Чертогов они не увидят твоего лица и никогда не вспомнят твоего имени, но их опыт навсегда останется в твоих мышцах.

Когда мы подходили к краю тренировочного поля, я уловил за спиной лёгкий шорох. Обернувшись, увидел Мглу. Она, ещё нетвёрдо ступая по вязкому песку, упрямо шла за мной. Уши смешно припали к голове, глаза прищурены, лапы переставлялись с трудом, но она не собиралась отставать. Я остановился, присел на корточки и тихо произнёс с улыбкой.

— Ты что, малыш, решила, что я без тебя не справлюсь?

Мгла подняла на меня тяжёлый упрямый взгляд, в котором угадывалась недетская мудрость. Потом шумно вздохнула, уселась на песок и уставилась вперёд, на полигон.

— Ну ладно, — улыбнулся я. — Раз пришла, будем учиться вместе.

Я протянул руку, и она на секунду ткнулась в ладонь тёплым носом. Затем поднялась и двинулась следом, заняв своё место на полшага позади.

— А вот практической магии буду учить тебя только я, — продолжил Дед. — В реальном мире любой сильный маг чувствует, когда кто-то начинает практиковать. Они считывают даже слабую искру, случайный всплеск энергии. А я умею полностью экранировать твои тренировки от чужого восприятия.

Я слушал молча, и с каждым словом внутри складывался распорядок новой жизни.

***

Время в Чертогах застыло, потеряв привычные земные ориентиры. По моим ощущениям, в Чертогах прошло около полутора-двух лет. Однажды я заметил, что дерево, посаженное у дома, стало выше крыши, а волки перестали помещаться на крыльце и теперь спали во дворе, уронив головы на лапы и вытянувшись во всю длину, так что хвосты касались забора. За этот срок моя троица превратилась в настоящих исполинов, размерами превосходивших самых крупных боевых коней.

Шерсть Тумана отливала морской серостью, Призрак сиял белизной, а чёрная шкура Мглы казалась продолжением ночи, поэтому в тени деревьев волчица легко сливалась с темнотой.

Чтобы не сойти с ума от бесконечных тренировок, в тени старого раскидистого дерева я обустроил место для творчества, а именно плетёный навес с широким деревянным настилом. Дед помогал со всеми моими идеями. Я по памяти воссоздал там белый рояль и выбрал для него место так, чтобы под открытым небом ноты не терялись. Когда пальцы касались клавиш, волки устраивались рядом и затихали, а Дед молча садился неподалёку, закрывал глаза и слушал, находя в земных мелодиях утешение.

Под навесом я наконец оставался один и мог без спешки разобраться в собственной жизни. Сидя у рояля или глядя на чистый холст, я отчётливо осознавал, что на Земле всё давалось мне слишком легко. Любая сложная интеллектуальная задача, на которую у обычных

людей уходили годы, решалась мимоходом, без видимых усилий. Пять дипломов к двадцати одному году не были подвигом. Они были естественным результатом работы памяти. Плюс к этому музыкальное образование. Я шёл по жизни с пугающей лёгкостью, никогда не чувствуя вкуса победы, потому что не знал, что такое преодоление. В Чертогах Самуэля ничего не изменилось. Магия, принципы, сложнейшие пространственные законы ложились в память так же гладко и послушно. Изнурительные упражнения с оружием тело схватывало на лету. Но если на Земле эта лёгкость рождала скуку и скепсис, то здесь всё, что со мной происходило, вызывало глухой восторг. Каждое послушное заклинание, каждая новая привычка приносили чистую, детскую радость.

Рисование стало второй страстью после музыки. Для человека с абсолютной памятью холст был возможностью выплеснуть наружу образы, которым не хватало места в голове. Дед помогал и здесь, хотя я не знал, кто именно. Моими учителями были только гениальные художники Земли. Поначалу я брался за кисть осторожно, но с каждым днём обретал уверенность. Я переносил на полотна яркие сны, детальные воспоминания о питерских улицах, которые боялся потерять, лица родителей и даже образы людей и пейзажей, которых ещё не встречал наяву, но которые смутно ждали меня за границами Чертогов. Мольберт всегда стоял рядом с роялем. Иногда я переходил от клавиш к краскам без единого слова. Ветер с океана лениво играл с листами бумаги, тени деревьев танцевали на земле, а я пытался поймать это движение в цвете, чувствуя себя по-настоящему счастливым в этом рукотворном мире.

Мои упорные тренировки с боевой сталью поначалу вызывали у Деда недоумение. Каждый день после теории я часами пропадал на песчаной площадке, оттачивая мастерство во всех доступных видах оружия. Верховая езда, работа с одноручными и двуручными мечами, топорами, луком и метательными ножами. Старый маг противился этой трате времени.

— Семён, опомнись, путь Верховного мага не требует подобных примитивных навыков! Зачем тебе эти железки, когда ты можешь испепелить врага мыслью? Тебе это не пригодится.

Но я был непреклонен. Магия требует тонкой настройки и зависит от внешних факторов, а крепкое тело, поставленный удар и умение орудовать клинком надёжнее всего, если в Тэн'Арине что-то пойдёт не по плану или Источник будет заблокирован.

Я понимал, что здешняя физическая форма, рельефные мышцы и выносливость не перенесутся в новый мир автоматически, и при переходе я окажусь в уязвимом теле. Но тысячи часов тренировок, каждый выверенный выпад и отработанный до автоматизма блок отпечатались в рефлексах. Стоит оказаться там, и тело само вспомнит, как ложится удар, а новой оболочке останется лишь подтянуться под эти привычки. Эта уверенность заставляла меня тренироваться до седьмого пота.

Что касается магии… Первые неуклюжие шаги в Чертогах я вспоминал с ностальгической улыбкой, тот самый жалкий дрожащий огонёк на ладони и едва заметный вихрь пыли у ног. Мой тренировочный полигон, поначалу пугавший первозданной пустотой, разросся вместе с возможностями до невероятных размеров. Здесь, под бескрайним небом и под аккомпанемент бьющихся о скалы волн, я творил вещи, которые раньше счёл бы нарушением всех законов природы. Воздушные потоки вздымались плотными смерчами до высоты крепостных башен, огненные столбы пронзали небесный свод, заставляя закипать воду у берега. Я поднимал в воздухе валуны, парил над лесом, двигался быстрее, чем позволяло обычное тело.

Особое место в обучении заняла магия времени. Она давалась с той же пугающей лёгкостью, но вызывала самый сильный трепет. Сначала я заставлял замирать в воздухе отдельные капли прибоя. Потом, шаг за шагом настраивая в себе чувство времени, научился полностью останавливать его течение вокруг себя, сперва на мгновения, затем на целые минуты. Мир застывал, превращаясь в чёткую трёхмерную картину. Чайки замирали в полёте со взмахнутыми крыльями, волны каменели в перламутровой пене, ветер переставал шевелить мои волосы. Я ходил между застывшими элементами реальности и рассматривал их устройство.

Менять что-то в этом состоянии было невозможно, но сама возможность быть сторонним наблюдателем замершего абсолюта дарила ощущение триумфа.

Со временем я понял, что настоящая сложность была вовсе не в запоминании очередного заклинания. Труднее всего оказалось удерживать в уме и запускать несколько заклинаний одновременно. Готовых решений на все случаи жизни просто не существовало, так что в реальной ситуации приходилось импровизировать, комбинировать простые элементы на ходу и выстраивать из них рабочие связки.

Параллельно с ростом сил каменное здание библиотеки превратилось в пространственный лабиринт знаний. Полки с бесчисленными томами заклинаний и свитками уходили высоко вверх, теряясь в полумраке под шпилями крыши. Поиск нужного фолианта стал отдельным приключением. Я мог мгновенно телепортироваться к нужной секции, но сознательно выбирал долгий путь полёта между стеллажами, плавно скользил мимо рядов старинного пергамента, вытягивая книги силой мысли.

В один из таких полётов, когда я изучал границы нашей изоляции, меня занесло гораздо дальше привычного периметра, туда, где горизонт океана казался бесконечной линией. И я нашёл его. Край Чертогов Самуэля существовал физически. Пространство упиралось в прозрачную преграду, неосязаемую для ветра, но непреодолимую для тела. Я завис в воздухе, прижавшись ладонью к невидимой стене. Под ладонью не было ни холода, ни тепла, только ровный тихий пульс, и в этом пульсе была такая древняя спокойная сила, что мне стало не по себе. За ней, в бесконечной глубине, происходило непрерывное колоссальное движение. Что именно там двигалось, массы вещества, потоки чужой энергии или сами складки пространства, я не мог даже предположить. Мысль буксовала, и природа этого шевеления за стеклом оставалась недоступной. Зрелище не пугало, но разжигало исследовательский интерес. Однако на все мои вопросы Дед реагировал на удивление жёстко. Он уклонялся от ответа, переводил тему на тренировки и явно не собирался ничего объяснять. Граница Чертогов пока оставалась для меня тайной.

Ментальная магия оставалась официально запретной темой в мире Тэн'Арина. Искусство прямого подчинения чужой воле и взлома сознания Дед не одобрял, но обучить меня всё-таки был обязан. Копаться в чужих мыслях мне было противно, и знание это требовалось исключительно ради безопасности. Я должен был чётко знать, как работают такие атаки, чтобы в реальном мире никто не смог взломать мою защиту. Параллельно я тратил недели на то, чтобы сократить время произнесения многоступенчатых заклинаний. Некоторые требовали долгих минут монотонного речевого повторения, и упорными тренировками я научился сворачивать долгие словесные формулы в один короткий мысленный толчок.

Большая часть магического арсенала оставалась теоретическим багажом, но я понимал, что в нужный момент любая из этих скрытых в памяти карт может стать решающим козырем. Осознание пришло в один из тёплых вечеров у костра. Над огнём крутился зажаренный кабан, а Туман, Призрак и Мгла, огромные лохматые звери, дремали вокруг, создавая живое кольцо тепла. Дед неторопливо прожевал кусок мяса, отхлебнул вина из тяжёлого серебряного кубка и разрушил идиллию:

— На телепортацию особо не рассчитывай в реальном мире, Семён.

— Почему? — разочарование было искренним. Идея мгновенного перемещения казалась слишком заманчивой.

— Для неё требуется колоссальный потенциал, подкреплённый огромной связью с Источником, — пояснил он. — А какими они будут у твоего нового тела, пока загадка. К тому же портал крайне нестабилен, почти мгновенно закрывается, успевая пропустить лишь одного человека, да и то через раз. Даже я, будучи Верховным магом, не подчинил эту механику до конца.

Я отпил воды из глиняной кружки, обдумывая его слова, потом перевёл взгляд на волков и решился спросить о главном:

— Дед, мои волки чистокровные магические существа. Но в библиотеке нет ни одной строки об их лечении или поддержке. Что мне делать, если с ними что-то случится в реальном мире? Обычные чары исцеления на их изменённую природу не подействуют.

Лицо Самуэля мгновенно потеряло остатки веселья, став суровым и блёклым в отсветах затухающего костра. После долгой паузы он тихо ответил:

— Тут я бессилен, преемник. В реальном мире придётся самому искать тех, кто разбирается в магии древних зверей. Здесь таких знаний нет, иначе я добавил бы их в лабиринт в первую же секунду. Прости.

— Не за что извиняться, — ответил я, прижимаясь спиной к тёплому боку дремлющей Мглы. Я смотрел на своих волков и понимал, что они и есть моя настоящая семья в будущем, неизведанном мире. — Если возникнет проблема, решим по ходу дела. Развернём Тэн'Арин, но выход найдём.

— Вот это правильный настрой, — усмехнулся Дед, но в его глазах промелькнула тревога.

В один из дней Дед решил усложнить правила игры и поднял глаза к небу. Лазурные небеса Чертогов резко потемнели, и раздался оглушительный раскат грома. Шквал швырнул мне в лицо солёные брызги, а ослепительная молния ударила точно в крышу деревянного дома. Я сразу понял, что это не каприз погоды, а спланированная Дедом проверка. Я включился в борьбу со стихией, разворачивал ветер, отжимал пламя от бруса, не давая ему перекинуться на дом. Звери оставались равнодушными. Призрак лежал в траве, Туман философски наблюдал за огнём, а Мгла лениво развалилась в тени утёса. Они чувствовали моё спокойствие. Если хозяин не суетится, значит, мир не рушится. Постепенно мне удалось оттеснить бурю обратно в океан. Восстановление крыши и сушка бруса заняли несколько часов, после чего Дед недовольно скривился.

— Долго, Семён. Очень долго. Но для твоего уровня сойдёт.

Следом началась Магия Жизни, и учиться ей оказалось увлекательно. Требование моё оставалось неизменным. Медицинские теории нового мира мне были не нужны, интересовала чистая практика исцеления. Этим разделом Дед занимался лично и превращал каждое занятие в театр абсурда. Подозреваю, старый маг просто искал способ развлечь нас обоих. Он устраивал драматические представления, картинно ломал себе руки и ноги, протыкал живот тренировочным копьём, выбивал собственные зубы, изображал жуткие сцены кровопотери. Актёрские способности у него были безграничные. Он так реалистично стонал, заламывал руки и причитал, что мы оба покатывались со смеху посреди залитого кровью полигона.

Особенно запомнился случай, когда Дед покалечил себе обе ноги, улёгся прямо на траву во дворе и закричал: «Спасай меня, Сёма, мне невыносимо больно, я умираю!» Волки при этом безучастно наблюдали со стороны. Они уже давно привыкли к нашим бесконечным шуткам и даже не повели ухом.

— А я не хочу, — ответил я, едва сдерживая хохот. — Сам сломал, сам и лечись.

Однажды он картинно «потерял сознание», но храпел при этом с такой мощью, что ставни дома дрожали. Дед устраивал клоунское шоу намеренно. Он снимал у меня страх перед видом тяжёлых травм и открытых переломов, и чужая боль с кровью перестала быть для меня шоком и превратилась в понятную задачу. Материал запоминался идеально.

***

За весёлыми уроками исцеления последовали другие занятия, те, что ложились на грудь тяжёлым камнем. Я вовсе не был готов убивать. Мне с детства вбили, что отнимать жизнь нельзя, и эта мысль сидела во мне крепче любой магии. В первые месяцы я рефлекторно извинялся перед фантомными спарринг-партнёрами, если случайно наносил им глубокую рану. Я маскировал эту мягкость привычным сарказмом, но Дед видел меня насквозь. Он понимал, что

в жестоком и незнакомом Тэн'Арине эта мягкость станет моим приговором. И тогда Самуэль пошёл на отчаянный и страшный шаг.

Мы сражались на мечах под низким свинцовым небом, и лязг металла разносился по песчаной площадке. Я просчитал все движения противника в кожаной броне, поймал его на противоходе и точным выпадом опрокинул на колени. Я занёс клинок для решающего удара… и пространство перед глазами смазалось, а поверженный боец превратился в маленькую испуганную девочку с куклой в руках. Её голубые глаза смотрели на меня с такой невинностью и ужасом, что я замер. Жалость взяла верх. Решив, что Дед устроил очередную театральную проверку, я опустил меч, развернулся и пошёл прочь с полигона. Это была первая и самая страшная ошибка.

Я не успел сделать и двух шагов, как в спину вонзилась острая парализующая боль. Солоноватый привкус крови наполнил рот, и я рухнул на колени, не в силах вдохнуть. Из груди торчало острие клинка. В следующую секунду та самая «девочка» схватила меня за волосы, рванула голову назад и полоснула ножом по горлу. Я провалился в темноту, впервые ощутив, как гаснет моё сознание. Тело металось между огнём и холодом, время потеряло смысл и превратилось в бесконечную точку боли.

Когда я открыл глаза, надо мной раскинулось лазурное небо Чертогов, в воздухе висел запах солёного прибоя. Я лежал на песке, тяжело и хрипло дыша. Напротив стоял Дед, бледный, суровый, без намёка на привычную ироничную улыбку.

— Убийство… это всегда больно. И всегда трудно, Семён, — тихо произнёс он, и голос его прозвучал глухо и тяжело. — Но когда придёт время выбирать, жить тебе или умереть прямо там, на грязной дороге, всегда помни о тех, кто не решился. Мучить тебя, заставляя снова и снова убивать иллюзии, я не буду. Мне достаточно, чтобы твоя память намертво зафиксировала этот урок. Но я очень надеюсь, что этот опыт тебе никогда не пригодится.

После этого случая я долго молчал, глядя на бушующий океан. Смерть, которую Дед устроил ради урока, оставила незаживающий шрам.

Солнце, которое раньше застывало в зените по моему требованию, теперь медленно клонилось к горизонту, окрашивая спроектированный мной ландшафт в багряные, янтарные и золотистые тона. Домик у подножия утёса с аккуратной черепичной крышей казался особенно уютным в прощальных лучах заката. Я спускался по тропинке, вглядываясь в синюю гладь океана, и понимал, что обучение закончено. Пора двигаться дальше, навстречу неизвестности.

Мгла подошла неслышно и ткнулась массивной мордой мне в грудь. Я обнял её за мощную шею, зарываясь пальцами в густой мех. Её шерсть была плотной и тёплой. Но я помнил, на что способны эти звери. В реальном бою каждый волосок гигантской чёрной волчицы мог превратиться в стальную смертоносную иглу. Мгла смотрела на меня в упор огромными жёлтыми глазами, в которых читалась почти нечеловеческая мудрость.

— Скоро всё изменится, — прошептал я, почесав её за ухом. — Нам придётся уйти. Там, в новом мире, ты снова станешь маленьким чёрным щенком и, возможно, забудешь половину того, что было здесь… Но я буду помнить всё. Что ждёт нас там, Мгла?

В ответ волчица издала тихий утробный рык. Глубокий грудной звук вибрировал в ладонях. Белые клыки блеснули в полумраке заката. Это был её безмолвный ответ. Что бы ни случилось там, в реальности, я всегда буду рядом. Издали донёсся треск дерева. Призрак и Туман бросили бревно, с которым играли на пляже, и шаг в шаг подошли к нам. Обнажив клыки, они зарычали вместе с Мглой, и эта тройная вибрация прошлась по берегу, заставив вздрогнуть утёс. Они были согласны временно уменьшиться, потерять свои цвета и спрятать истинную мощь от чужих глаз, но их сущность стражей навсегда осталась связана со мной.

Проснувшись утром, я вышел на крыльцо. Утренний воздух был прохладным и свежим. Калитка скрипнула, и Самуэль вошёл во двор, как всегда без спешки, хотя мог материализоваться прямо на пороге. Мантия шуршала по траве.

— Ты даже меня приучил заходить как нормальный человек, через калитку, — усмехнулся он. — Доброе утро, Сёма. Давай сядем, позавтракаем… и поговорим. Время пришло.

Мы пили чай в полном молчании. Я знал, зачем он пришёл, а он знал, что я всё понимаю. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны, играя на столе.

— От судьбы не убежишь, вроде так у вас на Земле говорят, — тихо начал Дед, поставив чашку. Голос его звучал непривычно мягко. — Красивый мир ты здесь построил, Семён. Приручил это место, видно, что с душой проектировал. Фантазия и земной интернет сослужили тебе хорошую службу. Ты запомнил много правильных вещей и отлично применил знания.

— Ну чего ты тянешь, Дед, говори уже как есть, — ответил я, но голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

— Обучение твоё закончено, Семён. Да уже давно, если по правде, — Самуэль вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза. — Просто… мне искренне нравилось, что ты здесь. Не как ученик, а как настоящий друг. Ты другой, парень. Без этой напыщенной магической гордыни. Спокоен, внимателен, надёжен. Увлёкся магией, выучил. Захотел рисовать, научился. Ни одна деталь не прошла мимо. А главное, ты не потерял себя. Я ведь немало сил потратил на Земле, уводя от тебя лишнее внимание людей. Ты уж поверь, слишком ярко ты выделялся. Я так и не смог решить глобальную задачу этого мира. И если у да Винчи или Теслы не получилось изменить течение мира быстро, возможно, получится у тебя. Главное, оставайся собой. Не выйдет перевернуть мир, ничего страшного. Я буду наблюдать за тобой и радоваться. Ты ведь, сам того не зная, вернул меня к жизни в этих Чертогах.

Я опустил взгляд, борясь с эмоциями. Мы молча дошли до песчаного берега, позволяя волнам лизать наши сапоги. Волки шли за нами.

— Приходить сюда сразу после перехода не получится, — нарушил тишину Дед. — На первых порах я буду перемещать тебя сам, когда посчитаю нужным, потом научишься сам. А теперь к деталям. Завтра ты очнёшься в Тэн'Арине. Уберём тебе лишние годы, оставим восемнадцать, рост подправим соразмерно. Пару лет побудешь таким, а там вернёшься к нынешнему виду. И не вздумай жрать там всё подряд, как здесь, тут еда волшебная, чистая, а там булки с салом, мигом бока наешь.

Маг расхохотался, и я впервые за утро улыбнулся. Восемнадцать лет хорошо подходили для маскировки. Молодой парень без очевидного прошлого не вызовет подозрений ни у местных, ни в Академии магии.

— Обставим твоё появление как нападение разбойников на караван, — продолжил Дед, и взгляд его устремился к горизонту. — Выживешь ты один. Легендой сделаем частичную потерю памяти после тяжёлого удара по голове. Для тех диких краёв разбойники были привычным делом. И не смотри на меня так. Настоящие люди при этом не пострадают, я всё просчитал. Очнёшься среди пепла, и дальше всё зависит только от тебя. Живи, впитывай этот мир. Но помни. Из всех здешних сил в реальном теле у тебя на первых порах останется лишь кратковременная остановка времени. Тот самый пустячок, который ты так усердно тренировал. Смотреть, но не менять. Настоящая магия вернётся только через сильное потрясение или Академию. И самое главное, Семён, про меня и про эти Чертоги никто не должен знать. Никогда. Это вопрос твоей безопасности. Приведёшь кого-нибудь, потеряешь половину жизни. Так что не спеши перед тем, как делать.

Я покачал головой, соглашаясь с каждым словом.

— Кажется, всё сказал, — Дед отвернулся к морю. — Ну а теперь мой последний подарок. Эмоции и есть та ткань, из которой соткана любая реальность, Семён. И перед уходом я напоследок поиграю на твоих.

В следующий миг пространство вокруг нас беззвучно треснуло и осыпалось. Чертоги исчезли. Ноги ощутили жёсткую опору, лёгкие обожгло знакомым влажным питерским воздухом. Я покачнулся, но ухватился за металлические перила. Я стоял на балконе своей трёхком-

натной квартиры, а внизу шумел вечерний Санкт-Петербург. Из прихожей раздался резкий и настойчивый звонок в дверь.

— Иди, встречай гостей, — негромко подтолкнул меня Дед. Он стоял позади, втиснув высокую фигуру в тесный балконный проём, и в его улыбке пряталась вековая грусть.

— Сынуля, боже мой, как же ты вырос… С днём рождения, родной! — мама бросилась мне на шею и крепко прижалась, стараясь запомнить каждую чёрточку лица. Её губы коснулись моей щеки, и по спине пробежала волна горячих мурашек.

— Ну ты и вымахал! Я же говорил, академическая гребля — универсальный спорт. С днём рождения, сын! — отец крепко сжал моё плечо. Его руки, всегда казавшиеся мне воплощением силы, едва заметно дрожали, а в голосе проскользнула нотка затаённой горечи, которую я раньше не замечал.

Комната кружилась перед глазами. Квартира была наполнена до боли знакомыми запахами домашней еды и праздничной суеты. Стол ломился от домашних угощений. Дед, играя роль профессора из моего университета, стоял у окна.

Новый звонок разорвал тишину. Открыв дверь, я едва удержался на ногах. Линда, моя взрослая земная собака, с визгом прыгнула мне на грудь, обхватив передними лапами. Её мокрый нос ткнулся мне в подбородок, и я рассмеялся, хотя смех получился надломленным.

— Здорово, дружище! С двадцать первым годом тебя! — Мишка, мой верный друг, сжал меня в медвежьих объятиях. Его широкая улыбка казалась слишком яркой, почти болезненной. За ним появилась его девушка и прошла в комнату с видом королевы, выставляя напоказ все чудеса современной пластической хирургии.

Потом была бабушка… Её объятия были долгими, тёплыми и крепкими. Она держала меня так крепко, словно прощалась навсегда.

Когда сели за стол, мой настоящий земной дед-академик протянул руку Самуэлю:

— Здравствуйте. Вы, значит, преподаватель внука? По какой дисциплине?

— По магии, конечно, — мягко подмигнул Самуэль, но в глазах его не было обычного веселья.

Отец мамы снисходительно улыбнулся, не заметив подвоха:

— Магия… Никогда не интересовался. Я всю жизнь посвятил физике, так что верю только в строгие законы природы.

Мишка протянул мне огромный квадрокоптер: «Помнишь, как мы Линду нашли? Вечером обязательно запустим!» Я кивал, чувствуя, как сердце разрывается от благодарности Деду за этот прощальный подарок. К полуночи гости начали расходиться. Мы с магом остались в пустой притихшей комнате.

— А они… они точно больше никогда не появятся в моей жизни? — спросил я, не в силах скрыть глухую тоску. — Всё слишком идеально, Дед. Как в кино.

Самуэль тяжело вздохнул, и в голосе его прозвучала боль:

— Нет, Семён. Не появятся. Я ведь предупреждал, что ко мне ты сможешь приходить только одному, без спутников. Захочешь спасти чью-то жизнь, отдашь половину своей. А про меня и Чертоги мир знать не должен.

— Спасибо тебе за этот день рождения, — прошептал я.

— Не за что, Сёма. Всё только начинается.

— Я понимаю… Просто… это ведь всё ненастоящее, да? Иллюзия?

— Само место да, — тихо признался маг. — Но их души настоящие. Я просто настроил мост. Завтра они забудут этот вечер и тебя. Иначе им было бы слишком больно жить с этой потерей. Поверь, это самый добрый выход.

Я молча кивнул. Проводив Деда, тихо закрыл тяжёлую входную дверь и вернулся в пустую тёмную комнату, но ложиться не спешил. Занимался рассвет. С закрытыми глазами было страшно. Казалось, стоит уснуть, и исчезнет последний барьер между мной и неизвест-

ностью Тэн'Арина. Перед мысленным взором проносились кадры всей земной жизни, яркие и прощальные. Мамины руки, суровый взгляд отца, школьный звонок, Питер, Линда, смех друзей… Всё, что я видел, чувствовал и любил, прощалось со мной навсегда. Под этот внутренний гул воспоминаний я погрузился в глубокий сон, чтобы проснуться в другой реальности.

***

На окраине Санкт-Петербурга занималось обычное серое утро. Мишка погладил Линду по холке, и пальцы его внезапно дрогнули. Собака вскинула голову и с глухой тоской уставилась на пустырь. Там уже кипела работа. Грохотали машины, визжали пилы, рабочие ставили первые секции глухого забора, отрезая эту землю от остального города.

— Что-то… Линда, ты тоже почувствовала?

Мишка присел на корточки и прижался к собаке.

— Наверное, показалось… — пробормотал Мишка, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Ладно, Линда, пошли домой.

В это же самое время в Швейцарии, в просторном подземном зале ЦЕРНа, мерцали холодным светом мониторы. Воздух был наполнен привычным запахом нагретого пластика и электроники. Мои родители, склонившись над графиками показателей, работали молча, но их движения были на удивление рассеянными и неточными.

— Слушай… у тебя не бывает в последнее время такого чувства… будто что-то не так? — мама вдруг оторвалась от монитора и растерянно посмотрела на мужа.

Отец нахмурился, устало потер переносицу и тихо ответил:

— Бывает. Как будто из жизни ушло что-то невероятно важное. Какая-то огромная, ключевая её часть, без которой всё остальное потеряло прежний смысл. Словно фантомная боль, понимаешь?

Они долго и потерянно смотрели друг на друга, не находя нужных слов.

— Наверное, мы просто жутко устали на этом проекте, — попытался отмахнуться отец, возвращаясь к расчётам.

— Да… наверное, просто усталость, — согласилась мама, но её взгляд то и дело уплывал куда-то в сторону дверей, словно она подсознательно ждала, что в зал вот-вот войдёт кто-то очень близкий и родной.

Часы на стене методично отсчитывали секунды нового дня. Жизнь на Земле продолжалась, несмотря ни на что, унося в прошлое память о Семёне Родионове.

Глава 4

— Прекрати, отец. Если бы ты двадцать лет назад не разорвал союз с владыкой Вероны, нам бы не пришлось целыми десятилетиями водить караваны в обход, теряя людей в бесплодных чёрных скалах и проклиная иссушающий жар Великой пустыни.

Голос принца Михо звучал ровно и уверенно, с той едва скрываемой дерзкой насмешкой, которую могут позволить себе лишь любимые сыновья или будущие правители. Он стоял посреди огромной залы, лениво перебирая пальцами тяжёлые золотые перстни со вставками из мутного кошачьего глаза, которые тихо и размеренно побрякивали при каждом движении его кисти. На плечах принца лежал тяжёлый шёлковый камзол глубокого, благородного серого цвета, расшитый по вороту сложной вязью золотых нитей, в которых тускло отражался свет масляных ламп.

— Хотя, признаюсь, твоя былая вспыльчивость сослужила мне добрую службу. Золото не любит бездействия, а торговые пути не терпят пустоты, и я вовремя занял это место, замкнув караванные тропы на наши южные оазисы. То же вышло и с северными путями. У тех, кто везёт товар к Сиднее, другой дороги не осталось, кроме изнурительного крюка по каменистым плато в обход гор, а вода, ночлег и охрана на этом крюке есть только у людей Мамору. Караванщики не любят чёрные скалы и их мёртвый зной, ворчат на мои пошлины и всё равно платят, и платят щедро, потому что без этого крюка ни один их тюк не доберётся до сиднейских причалов.

Покои короля были погружены в густой, душный полумрак, призванный защитить правителя от безжалостного полуденного зноя, царившего снаружи. Сквозь огромные стрельчатые окна, занавешенные тончайшим полупрозрачным шёлком, открывался вид на Катану. Далеко внизу раскинулся белокаменный город с плоскими крышами и шумными базарами, откуда доносился едва уловимый глухой гул голосов, крики погонщиков и перестук наковален; над суетой торговых кварталов монументально возвышались гладкие, лишённые каких-либо символов башни Домов Тишины. Эти обители служили единственным прибежищем для искусанных тоской человеческих душ. Туда, под прохладные каменные своды, люди приходили не за советом, а за спасением от собственного разума, выплакаться, выговорить сокровенные страхи бесстрастным Слушателям и оставить внутреннюю бурю позади. А за городской чертой, уходя к самому горизонту, расстилался безбрежный океан песка, Великая пустыня. В раскалённом мареве вдалеке лениво тянулась цепочка гружёных караванов, похожих сверху на крошечных муравьёв. Они упрямо везли богатства из всех земель, куда только могли дотянуться цепкие руки местных купцов. Раньше прямая дорога вела на процветающий восток, но теперь, когда Верона оказалась отрезана от остального мира непостижимой и пугающей Стеной, торговые пути пришлось развернуть. Караванам Михо приходилось совершать колоссальный, изнурительный крюк по каменистым плато, чтобы доставить товары далеко на север, к Сиднее, чьи каменные причалы и могучие крепостные стены упирались прямо в холодные волны бескрайнего океана.

В покоях витал сладковатый аромат. На серебряных курильницах медленно тлела редкая сандаловая щепа с каплями густой смолы. На низких столиках из чёрного дерева, инкрустированных перламутром, высились горы местных сладостей.

— Если бы в твоих жилах не текла моя собственная кровь, мальчишка, я бы прямо сейчас приказал личной страже вывести тебя на дворцовую площадь и отрубить голову перед лицом всего твоего торгового сословия, — сухо и леденяще отозвался король. Его голос шуршал, как старый, высохший от времени пергамент, но в этом тихом звуке всё ещё отчётливо угадывалась былая стальная мощь грозного воителя, когда-то державшего в страхе соседние государства.

— И всё же ты этого не сделаешь, отец, — Михо даже не вздрогнул. Он сделал медленный, нарочито размеренный шаг вперёд, и полы его тяжёлого одеяния мягко, почти неслышно

зашуршали по густому ворсу ковра. Принц подошёл к одному из столиков, лениво взял пальцами кусочек лукума, но есть не стал, лишь задумчиво перекатил его в ладонях, повернувшись к погружённому в тень дивану. Его цепкий, расчётливый взгляд впился в осунувшееся, изборождённое морщинами лицо отца.

— Так ответь мне, раз уж мы одни, почему ты тогда вообще решил, что Франческо тебя предал? Вы ведь были неразлучными друзьями с самого детства. Двое юных принцев, которые вместе росли во дворцах, делили все юношеские тайны и великие замыслы, а позже, унаследовав короны, рука об руку крепили мощь и величие этой огромной Империи… Что заставило тебя поверить пустой клевете?

Старый король Сатоши Мамору неподвижно лежал на своём любимом полукруглом диване, который со стороны казался не то ложем правителя, не то роскошным походным шатром, чудом перенесённым в каменные стены замка. Тяжёлые отрезы узорчатой парчи, мягкого бархата цвета спелого граната и тончайшего шёлка стекали вокруг него пышными каскадами, укрывая уставшее тело правителя. Прямо перед ним на низком столике, сплошь покрытом искусной мозаикой из слоновой кости и перламутра, лениво дымился высокий глиняный кальян. Из его чаши, наполненной тлеющими углями редких пород дерева, струился сизый дым, и в покое держался густой запах спелых яблок и корицы. Сатоши глубоко затянулся через гибкий кожаный чубук, отделанный серебром, и комната на миг потонула в ароматном облаке, скрывшем его лицо.

Принц Михо не унимался. Словно не замечая сонной расслабленности, царившей вокруг ложа отца, он продолжал мерить шагами залу. Его движения были стремительными и резкими, как порывы ночного пустынного ветра, который не знает преград. Он метался из стороны в сторону, заложив руки за спину, и золотые нити на его сером камзоле вспыхивали короткими слепящими искрами каждый раз, когда он оказывался под тяжёлыми масляными лампами, свисавшими с потолка на кованых цепях. Этот внутренний огонь и деловая хватка принца слишком явно контрастировали с той сонной, почти омертвевшей роскошью, в которую добровольно заточил себя старый владыка Катаны.

— Может, всё-таки велеть выпороть тебя при всём дворе, чтобы вернуть твоему языку былую скромность? — неожиданно бросил король, прерывая своё затянувшееся молчание. Дым медленно рассеялся, обнажая его суровый профиль. Сатоши даже не поднял головы с шёлковых подушек, лишь его пальцы чуть крепче сжали серебряный мундштук.

— Ты совсем позабыл, что такое уважение к законному трону и старшей крови. Ходишь здесь, передо мной, точно наглый учитель риторики из заморских академий, и вздумал поучать собственного отца, чьё имя ещё недавно заставляло трепетать врагов Катаны и чью волю чтили во всех уголках великой Империи.

Сатоши Мамору давно уже правил Катаной, но бремя власти с каждым годом давило на его плечи всё сильнее, превращаясь в неподъёмный груз старых воспоминаний. Его отец, прежний владыка, был мудрым, жёстким и искренне уважаемым народом повелителем. Его правление казалось незыблемым, пока он не пал от странной, жуткой болезни, редкой и неуловимой, точно внезапный туман посреди палящей пустыни. Недуг шаг за шагом сжигал разум старого короля, превращая его мысли в хаос. Ни один лекарь или чародей Катаны не смог облегчить его страданий. Даже прежний Верховный маг, живший в те годы в блистательной Вероне, оказался совершенно бессилен перед этой болезнью, хотя примчался по первому зову.

В знак нерушимого союза и вечной дружбы Франческо Виладжи когда-то вручил Сатоши один из легендарных парных мечей Дам’аска. В Тэн’Арине каждый ребёнок знал предание об этих клинках, пришедших из седой глубины веков. Их выковал сам Дам’аск — непревзойдённый кузнец древности и величайший маг, с лёгкостью подчинявший себе ярость Огня и глубинную суть Земли. Он сотворил два безупречных клинка из тёмной, почти угольной стали, чью поверхность сплошь покрывали причудливые волнистые узоры, напоминающие рябь на

воде во время бури. Древняя легенда гласила, что тот, кто сумеет подчинить себе оба меча и пробудить скрытую в них магию, обретёт абсолютную неуязвимость в бою. Вот только за долгие тысячелетия ни одному воину или магу так и не удалось пробудить дремлющую силу Дам'аска. Со временем грозное пророчество превратилось лишь в нарядную дворцовую сказку, а разделение парных клинков стало просто красивым и благородным символом нерушимой связи двух правителей. Теперь этот драгоценный дар, покоившийся на почётном месте в тронном зале под круглосуточной охраной личной гвардии, оставался главным напоминанием о временах, когда Империя жила в абсолютном покое, не ведая страха.

— Красивая сказка, — негромко сказал Михо, разглядывая перстень на своей руке. — А меч ты убрал в тронный зал под охрану, чтобы он напоминал тебе о друге, которого ты оговорил сам?

— Мальчишка, — только и выдохнул король.

Но всё величие этого союза, который ковался веками и казался подданным нерушимым, было безжалостно разрушено в один-единственный роковой момент. Сатоши Мамору, ослеплённый внезапным, ядовитым подозрением, совершил страшную ошибку, которая навсегда изменила ход истории. Словно поддавшись мгновенному приступу безумия, он при всём дворе во всеуслышание обвинил Франческо Виладжи в тайном заговоре против Катаны и предательстве их клятв. Поразительно, но в то же самое время по всей Империи точно вспыхнул невидимый пожар раздора. Правители соседних королевств и герцогств ни с того ни с сего начали обвинять друг друга во лжи, коварных замыслах и нарушении древних пактов. Огромный континент, веками живший в согласии, в одночасье затрещал по швам от этого внезапного всеобщего безумия, причины которого до сих пор никто не мог логически объяснить. Сатоши, поддавшись общей лавине гнева, объявил о полном разрыве отношений с Вероной, и последствия не заставили себя ждать. Процветающая торговля, бывшая основой богатства Катаны, пересохла мгновенно, точно бурный горный ручей в самую лютую засуху.

А ведь Верона испокон веков оставалась истинным, бьющимся сердцем всей Империи, а её безупречно выверенные, мощёные тракты и древние караванные тропы служили великими артериями континента. По ним непрерывным, полноводным потоком веками текло золото и отборное зерно, сияющая медь, редкий шёлк, белоснежная морская соль и бесценные пряные специи. Когда из-за вспыхнувшего раздора это сердце остановилось, а жизненно важные пути оказались разом перерезаны упрямством Сатоши и других ослеплённых гневом правителей, вся огромная, некогда процветающая государственная система начала медленно и мучительно умирать, погружая Тэн'Арин в пучину упадка.

Сам король Катаны обладал невероятно стойким разумом и железным, несгибаемым характером, способным выдержать любой натиск чужого внушения, но даже спустя двадцать лет его не покидало навязчивое, липкое ощущение, что то страшное решение было навеяно чьей-то посторонней, зловещей волей. Каждую ночь, оставаясь наедине с гнетущей тишиной покоев и запахом угасающего сандала, он мысленно возвращался в прошлое. Король отчётливо помнил, как невидимая, призрачная рука тогда мягко, но уверенно подтолкнула его к краю пропасти, заставив выхватить клинок против лучшего друга. Сатоши чувствовал, что стал безвольной куклой в чужой невидимой игре, однако непомерная гордость правителя не позволяла ему признать эту слабость перед сыном, заставляя носить эту горькую тайну глубоко в душе.

Король Катаны, чувствуя, что его монаршая честь жестоко попрана, а былая верность растоптана, приказал объявить всеобщий сбор. Разгневанный правитель решил не отсиживаться за толстыми каменными стенами своей цитадели и лично повёл огромное войско к рубежам. Сатоши требовал вражеской крови за нанесённое оскорбление; он отчаянно хотел, чтобы эта глубокая личная обида была смыта благородной сталью на поле боя. Другого весомого способа он не признавал.

Простые воины не ведают тонкостей дворцовых интриг, они не обучены разгадывать тайные помыслы советников и хитросплетения чужих заговоров. Для тех, кто привык смотреть в лицо смерти, было более чем достаточно золочёного знамени Катаны, гордо поднятого над королевским шатром, и сурового приказа, отданного твёрдым, громовым голосом повелителя. Сто тысяч закованных в латы бойцов бесконечными когортами выступили к границам. Земля гудела от поступи этой лавины, а сухой степной ветер разносил над колоннами лязг доспехов и щитов.

Густая пыль, поднятая копытами коней этого колоссального воинства, ещё не успела осесть на приграничных дорогах, когда в происходящее безумие жёстко вмешался сам Верховный маг Тэн'Арина. Пользуясь своей силой, Самуэль в одно мгновение потушил вспыхнувшее пламя войны, заставив армии замереть у черты. Но даже его силы хватило лишь на то, чтобы подарить миру краткую, тревожную передышку. Империя, расколотая изнутри всеобщим недоверием и враждой, уже расползалась, и её окончательный распад был лишь вопросом времени.

— Сто тысяч мечей против одного человека, — негромко сказал Михо. — И ты проиграл.

— Мне не дали выиграть, — отозвался Сатоши.

Вскоре после того, как пожар войны был временно потушен, прежний Верховный маг Тэн'Арина загадочно и бесследно исчез, словно растворился в самом воздухе континента. Вслед за его исчезновением, будто повинуясь чьей-то тайной и пугающей воле, над границами Вероны за одну ночь поднялась колоссальная Стена. Она состояла из аномально густого, тяжёлого и неподвижного белого тумана, сотворившего нерушимую границу вокруг королевства. Горячие пустынные ветры свободно продували эту пелену насквозь, но ни один человек, ни один конь и даже выпущенный из катапульты тяжёлый камень не могли преодолеть этот призрачный рубеж. Туманная хмарь задерживала любое твёрдое тело, намертво отрезая Верону от остального мира. Ни один чародей Тэн'Арина так и не смог постичь её природу.

— Вы с Франческо могли бы оставаться названными братьями до конца своих дней и вместе делить величие этого мира, — негромко нарушил затянувшееся молчание принц Михо.

Он лениво отошёл от столика со сладостями, отряхивая пальцы от сахарной пудры, и повернулся к ложу короля. В полумраке залы его серый камзол казался почти чёрным, а взгляд серьёзным и сосредоточенным.

— Дозорные с приграничных рубежей передают удивительные вести. Туманная Стена вокруг Вероны начала таять. Пелена стремительно теряет свою былую плотность, истончается, а в северных каменистых предгорьях, говорят, хмарь и вовсе рассеялась, открывая свободные проходы. Скоро этот призрачный занавес рухнет окончательно. И я искренне надеюсь, отец, — Михо сделал короткую паузу, и его голос зазвучал мягче, хотя в нём всё ещё слышалась привычная твёрдость, — что ты не решишь снова взяться за старое оружие ради былых обид. Мир слишком сильно изменился за эти двадцать лет, чтобы сжигать его заново ради призраков прошлого. Нам нужно думать о будущем Катаны, а не о старом раздоре. К тому же, когда преграда падёт, былые союзы могут принести нам гораздо больше, чем просто золото и караванные тракты.

— Ещё одно столь же дерзкое слово, и я, пожалуй, действительно велю выпороть тебя прямо на глазах у твоих почтенных купцов, — беззлобно, с лёгкой усталой усмешкой проворчал король, так и не открывая глаз.

Дымная пелена кальяна послушно качнулась от его тяжёлого вздоха, окутывая расшитые подушки. Сатоши лукавил. Он слишком хорошо знал своего сына и прекрасно понимал, какая глубокая забота скрывается за этой показной купеческой резкостью. В глубине его стареющего, измученного недугом разума на миг шевельнулась смутная, отчаянная надежда на исцеление, но вековая гордость правителя заставила его лишь привычно вздохнуть.

— Твой язык стал слишком острым, Михо, но, признаю, в твоих словах есть зерно истины, которое моей старой чести принять чертовски трудно.

— Ладно, отец, оставим былые распри и перейдём к делам насущным, — принц Михо едва заметно улыбнулся, оценив отцовскую мягкость, и его тон мгновенно стал собранным и деловым. — На рассвете я лично отбываю с караваном в Сиднею. Посланники из их одноимённой столицы просят о срочной встрече ради пересмотра некоторых торговых соглашений, но за их витиеватыми речами явно кроется нечто большее. Похоже, этой великой державе, чьи земли занимают половину севера и упираются в океан, отчаянно не хватает золота. Слухи из тех краёв ползут тревожные. Поговаривают, будто на рубежи Сиднеи начинает молчаливо и грозно давить Империя Севера. Соседи напуганы и под видом купеческой сделки явно попытаются просить у Катаны прямой военной и финансовой поддержки. На переговорах такого уровня, где решается судьба государств, сиднейцы желают видеть не наёмных приказчиков, а истинную кровь знати и доверенное лицо короны. Ты в Сиднею не поедешь, отец, так что я должен сделать это сам. Лучше меня с этой задачей никто не справится, и я лично выясню, насколько глубоко они увязли в грядущей войне.

— Не возгордись раньше времени, сын, — тихо, но предостерегающе произнёс Сатоши Мамору, и в его голосе проступила глубокая отцовская тревога. — Излишняя гордыня и слепая уверенность в собственной непогрешимости едва не стали моей погибелью двадцать лет назад. Не повторяй моих ошибок. Мир Тэн'Арина не прощает слепцов.

— Сколько раз я уже слышал эти слова? — принц Михо едва заметно усмехнулся и мягко покачал головой. В его глазах не было злости, лишь юношеский задор и непоколебимая вера в свои силы. — Время разговоров прошло. Все распоряжения уже отданы, караван полностью собран и выступит на север ровно на рассвете.

— Раз всё в твоём купеческом ведомстве уже решено, зачем тогда вообще явился в мои покои? — проворчал Сатоши, поудобнее устраивая седую голову на подушках из багряного бархата.

— Что за вопрос, владыка? — Михо подошёл ближе и склонился в полупоклоне, прижав ладонь к сердцу в жесте уважения, лишённом прежней деловой сухости. На его губах играла мягкая улыбка. — Разве любящему сыну нельзя прийти к отцу, когда сердце потребует этого перед дальней дорогой? Надо же тебя немного встряхнуть, а то ты скоро и вправду станешь неотделим от этих шёлковых подушек. Да и… предупредить я тебя хотел. Дорога на север долгая, Сиднея далеко, так что я исчезну из Катаны на довольно долгий срок. Береги себя, отец.

Михо отошёл к портьерам и обернулся:

— Тогда ответь ещё на один вопрос. Если сиднейцы попросят у Катаны мечей, что мне им отвечать?

Сатоши долго молчал, и дым кальяна успел дважды подняться над его ложем, прежде чем он заговорил:

— Что у Катаны есть золото и нет охоты воевать за чужие обиды. Веди с ними торг, а не войско.

— А если Империя Севера всё-таки двинется? — Михо не отпускал.

— Тогда тебе придётся успеть домой, — сухо отозвался король. — Мириться Катана будет годами, а воевать может начать за один день.

— Тогда я вернусь из Сиднеи вовремя, — сказал Михо. — И спрошу с тебя за эти слова.

— Вот вернёшься, и я всё-таки велю тебя выпороть, — сказал король ему в спину, но принц уже не слышал. Коротко наклонил голову и шагнул за портьеры. Полы его серого камзола взметнулись, и высокая фигура скрылась в глубине коридора. Шаги наследника быстро и беззвучно стихли, и в огромной зале воцарилась звенящая, давящая тишина.

Старый король остался в абсолютном одиночестве на своём полукруглом ложе. Сизый, тяжёлый дым кальяна лениво струился из чаши, укутывая Сатоши плотным облаком. Глаза

правителя были закрыты, но его разум, измученный многолетним недугом, сейчас работал на удивление чётко. Внезапное помутнение разума двадцать лет назад… роковое обвинение Франческо Виладжи… таинственное исчезновение Верховного мага Самуэля… туманная Стена вокруг Вероны, которая теперь почему-то начала таять… И, наконец, эти тревожные вести о том, что на границы Сиднеи бесшумно наваливается грозная Империя Севера.

Он полежал ещё немного, потом откинул парчу, сел и позвонил в колокольчик. Пришедшему распорядителю велено было разыскать в казне старый посольский указ в Верону, выправленный ещё в тот год, когда союз только треснул, и с тех пор не отправленный никуда, и принести его в покои к утру. Указ был о мире. Сатоши составил его сам, когда впервые за много месяцев смог уснуть и не проснуться от собственного крика. Писал ночью, один, и переписывал не раз. Нужные слова всё равно выходили похожими на оправдание. Отправить его он так и не решился. Сначала мешала гордость, потом стало поздно. Подписывать он и теперь ничего не собирался, но будет лучше, если бумага полежит под рукой.

Глава 5

Слуга Мирта убирал со стола остатки утренней трапезы. Работал он неспешно, как учили во дворце, тарелку брал за край и ставил на поднос, так что ни одна вилка не звякала о другую. В чашках ещё держалось тепло, а на дне бокала темнела гуща.

Покои принца тем временем наполнялись светом. Свет входил через высокие стрельчатые окна и ложился на мозаичный пол длинными медовыми полосами, на потемневшей бронзе решёток горели вставки из янтарного стекла, и от них по стенам шли тёплые пятна. В воздухе стояла утренняя пыль.

Над головой у Мирты висел расписной купол, тускло-голубой, с серебряной нитью узора по краю. Если долго смотреть вверх, начинало казаться, что потолка нет вовсе и над залой наклонилось утреннее небо.

Из внутреннего сада, отделённого от покоев тонкими колоннами, доходили звуки лютни: кто-то из придворных музыкантов сидел под парусиновым навесом и лениво перебирал струны, проверяя строй. За террасой начинался парк с дорожками, подстриженными кустами и мраморными чашами фонтанов, и оттуда доносился ровный плеск воды. Города отсюда не было слышно вовсе, хотя карета шла от его ворот до дворцового крыльца не меньше получаса.

Принц Дэнис лежал на широком шёлковом диване цвета выжатого граната. Подушки вокруг были расшиты золотой канителью и стеклянными бусинами и разбросаны так, как их бросают, а не кладут. На нём был лёгкий халат из тёмно-зелёного шёлка с широкими рукавами, и на груди ткань разошлась, открывая тонкую золотую цепочку. Светлые кудри принц перехватил кожаным шнурком и убрал в узел. На указательном пальце сидел массивный перстень с чёрным камнем, который не отдавал блика, а собирал его в себя.

Принц подбрасывал спелое яблоко и смотрел, как его глянцевый бок ловит свет. Белая полоса из окна переползала по кожуре, и на ней проступали мелкие крапинки и восковой налёт. Он подкинул его ещё раз и поймал у самой груди. Посуда на подносе стучала ровно, тарелка за тарелкой, и в этот стук он спросил:

— Мирта… Ты ведь давно служишь в нашем доме?

— Почти десять лет, Ваше Высочество, — ответил Мирта, не оборачиваясь.

— А до того, как оказаться под крылом моей семьи, где ты обретался? — лениво поинтересовался Дэнис, поймав яблоко ладонью.

— Жил в Сиднее, Ваше Высочество. Водил торговые караваны через каменистые пустоши. Потом очередное купеческое дело привело меня сюда… а вскоре на границах внезапно поднялась эта ненавистная Туманная Стена. Обратной дороги на север просто не стало, и мы оказались наглухо заперты. Мой хозяин не сдался сразу: пытаясь свести концы с концами, он ещё долго колесил по всему королевству в отчаянных поисках хоть какого-то торгового интереса. Но всё было тщетно. Отрезанная от путей страна стремительно нищала, сотни купцов лишились привычного заработка, и некогда спокойные, безопасные земли начали наводняться разбойниками. Люди не хотели становиться на путь разбоя, но у многих просто не оставалось иного выбора, чтобы выжить. В одной из таких жестоких стычек с очередной бандой грабителей мой хозяин и погиб. Караван разграбили, люди в панике разбрелись кто куда… И вот тогда, оставшись совершенно один посреди этого хаоса, я и прибился к бродячему каравану. С ними я провёл несколько лет, пока судьба наконец не привела меня на службу во дворец.

Принц смотрел в расписной купол и подбрасывал яблоко. Золото, шёлк и мягкие ковры казались ему клеткой рядом с той жизнью, о которой только что рассказал слуга.

— Знаешь, Мирта… Я хочу отправиться в настоящее путешествие. Настоящее, понимаешь? Без этой вечной, удушающей королевской стражи, которая шагу ступить не даёт, и чтобы

в пути не пришлось изнывать от скуки. Невероятно устал я от этого бесконечного золота, шёлка и мягких ковров. Душа требует воли. Посоветуй мне, куда отправиться.

Мирта замер, не донеся поднос до края стола. Спина у него напряглась, и в глазах мелькнула тревога.

— Кто я такой, чтобы давать советы Вашему Высочеству и вмешиваться в замыслы короны… — тихо и осторожно произнёс он. — А вдруг я скажу какую-нибудь глупость, которая лишь разгневает Вас?

— Ерунды ты мне точно не посоветуешь, Мирта. Ты ведь прекрасно понимаешь, кому именно даёшь этот совет, — Дэнис открыто и обезоруживающе улыбнулся, шутливо погрозив слуге яблоком. — А одно это знание — уже надёжный залог твоей разумности. Раз уж ты сам когда-то колесил по дорогам королевства, то отбрось страх и советуй давай. — Он негромко рассмеялся, искренне довольный собственной лёгкой игрой слов и тем, как ловко ему удалось расшевелить верного помощника.

Мирта опустил глаза и перехватил поднос поудобнее.

— В нижнем городе сейчас как раз остановился кочевой цирк, — начал он негромко, прощупывая почву. — Труппа Агаты. Я бы, признаться, сам с радостью снова прокатился с ними по всей стране, если бы не служба здесь, во дворце. Буквально на днях, освободившись от забот, я ходил на их новое выступление. Они, как и прежде, искусно сочетают театральные сценки с цирковым ремеслом: их уличные комедии, акробатические трюки и живая музыка остаются такими же тёплыми, забавными и настоящими. А саму Агату трудно не узнать в толпе: она женщина полная и немного прихрамывает из-за старой травмы. Но поверьте, Ваше Высочество, в душе у неё всё то же солнце, что согревало нас на дорогах в самые тяжёлые времена, когда реальность сожрала наш караван. Агата невероятно добра и всем сердцем предана своей труппе. Она заботится о комедиантах как о родных детях, и её главная обязанность — прокормить людей и уберечь их от невзгод.

— Как ты, однако, тепло и восторженно о ней отзываешься… Или мне лишь показалось? — Дэнис лукаво приподнял бровь, и его тонкие губы тронула понимающая усмешка. Принц откинулся на подушки, пристально разглядывая слугу.

— Но скажи мне, Мирта, с чего ты вообще взял, что твоя солнечная Агата захочет сорваться с места по моему первому требованию? Бродячие комедианты — народ вольный. Вдруг у неё совсем другие планы на этот сезон и она вообще не собирается покидать пределы ломящейся от сытости столицы?

— В этом-то и дело, Ваше Высочество, — Мирта уважительно поклонился, и его голос зазвучал мягко, но убедительно. — На рынке я случайно услышал разговор их зазывал: кочевой цирк уже начал готовиться к отъезду. Через два-три дня их фургоны покинут столицу. Они собираются уехать на целых пять месяцев, чтобы дать представления в дальних герцогствах, и вернутся в город только в конце августа, аккурат к началу большой королевской ярмарки.

— Через два-три дня, говоришь? Что ж, значит, у нас есть время, чтобы собрать дорожные сумки, — Дэнис азартно блеснул глазами и легко рассмеялся. Юношеский задор и жажда приключений окончательно вытеснили из его головы утреннюю лень. Принц подбросил яблоко в воздух и поймал его крепким хватом. — Раз Агата так сильно заботится о своих людях и переживает, как бы прокормить труппу в дальних краях, мы решим эту проблему на месте. Если меня по-настоящему устроит то, что я увижу при знакомстве, я предложу её кочевому цирку столько золота, что она просто не сможет отказаться. Хорошая плата за место в караване — это лучший способ уберечь её артистов от любых невзгод. Мы едем к ним прямо сейчас.

Мирта вздохнул. Спорить с наследником было бесполезно, и он прекрасно это понимал. Мыслями он уже был в нижнем городе, где на просторной площади стояли пёстрые шатры и фургоны, а его старая знакомая распоряжалась большим хозяйством между шумом мостовой и суетой ремесленных кварталов. Привязанность к этой женщине он держал при себе, глубоко

внутри, ведь служба при дворе требовала сдержанности. Но меньше всего ему хотелось стать причиной переполоха, который заденет знакомых ему людей.

— Мирта. Заканчивай тут со столом, мы едем к твоим циркачам! — принц резко, одним гибким движением поднялся с дивана и небрежно бросил фрукт обратно на столик из янтарного стекла. Его капризная расслабленность мгновенно испарилась, уступая место упрямой воле аристократа, привыкшего немедленно получать желаемое. — Хватит с меня этих ковров и душных стен, мне нужно лично увидеть эту твою Агату и её кочевое королевство. Если то, что я увижу, меня устроит — караван не уедет без меня. Считай, что твоя утренняя болтовня подарила мне отличный шанс развеять скуку.

* * *

Завершив череду больших уличных выступлений в столице, Агата наконец выдохнула. Впереди лежал привычный путь. Шесть богатых герцогств, крупные торговые города и дальние баронства, где её артисты играли не первый год. Маршрут она всегда выстраивала сама, по памяти и по дорожному чутью. Постоялые дворы, где кормят лошадей и не залезают в кошель, проверенные переправы, пологие склоны без осыпей, леса, где не стоят банды. Каждая мелочь была учтена.

Пяти месяцев хватало, чтобы пройти этот круг не спеша и вернуться к концу августа, к королевской ярмарке. Караван должен был сняться послезавтра. Большая часть хлопот осталась позади, контракты подписаны, парусиновые тенты проверены, поклажа разложена по фургонам, и из-за кулис доносился привычный стук реквизита. Этим утром Агата собиралась снова сходить на базар, не столько за припасами, сколько за настроением. Она любила идти между прилавками, слегка прихрамывая, вдыхать корицу и сушёные травы, смотреть на лица и угадывать чужие характеры по движениям рук. Эти наблюдения потом шли в дело на сцене.

Прогуляться ей не дали. У входа в главный шатёр с тяжёлым скрипом остановилась карета. Не очередной экипаж богатого горожанина. Тёмное дерево, латунь, шёлковые занавески на окнах. Агата, повидавшая дворянские выезды, по одной чеканке на дверце поняла, что визит не частный. К её фургонам пришла государственная власть.

Из кареты вышел высокий мужчина плотного сложения. Одет он был с той скромностью, которая стоит дороже блеска. Тёмная ткань не давала блика, но один отрез такой обошёлся бы не дешевле всего её каравана с реквизитом. В осанке и жестах читалась придворная выучка, а от одежды тянуло дорогим мылом, и этот запах спорил с дымом костров и дёгтем. Мужчина оглядел лагерь и назвался:

— Я секретарь Его Королевского Величества. Мне необходимо видеть госпожу Агату, хозяйку этого каравана.

Агата шагнула вперёд, превозмогая тупую боль в бедре, и вышла из тени шатра. Визит был полной неожиданностью, но лицо она держала спокойно, как вожак, который отвечает за десятки людей.

— Я Агата, — ровно ответила она, открыто встретив взгляд гостя.

— Прошу вас сесть в карету и проследовать со мной во дворец, — произнёс секретарь, и его спокойный тон не допускал ни малейших возражений. Агата открыла было рот, чтобы спросить о причине, но мужчина предупреждающе и мягко поднял руку в тонкой шёлковой перчатке. — Не задавайте лишних вопросов, госпожа. Всё объяснят на месте. Могу лишь заверить, что вашей жизни ничего не угрожает, и вы вернётесь обратно к своим людям через несколько часов.

Когда карета выехала из ремесленного квартала, в голове у неё всё ещё крутился вихрь вопросов. В тишине экипажа Агата перебирала последние дни и искала зацепку. Кто-то из акробатов попал в беду? Нарушение столичных законов? Разрешения на выступления оформлены вовремя и с печатями. Штрафы и пошлины она платила до последнего гроша. Драк циркачи не устраивали, со стражей не ссорились, внутри труппы всё было спокойно. «Может, на

нас написали жалобу? — думала она, глядя на каменные фасады за окном. — Или нас ждёт крупный заказ?» Но кому при дворе так срочно понадобился бродячий цирк?

В карете было тихо. Бархатные подушки, окна с перламутровыми занавесями, резной потолок. Всё это отгораживало от мира надёжнее стены. Секретарь сидел напротив и молчал, держа ровную осанку и глядя перед собой так, будто в карете никого не было. Агата привыкла чувствовать под колесом каждый ухаб и ловить лицом дорожный ветер. Здесь она словно летела над мостовой. Карету такого уровня она могла бы себе позволить. Деньги у труппы водились, но жить отдельно от артистов было не в её правилах. Она ставила шатёр наравне со всеми, укрывала замёрзших и делила с ними болезни и страхи. Играла с малышами и помогала на кухне.

Дворец встретил её простором. Не золотом и мрамором, хотя и того и другого здесь хватало, а тишиной, которая знала себе цену. Залы были высоки, колонны уходили вверх, как стволы гигантских деревьев, и воздух стоял прохладный, пахнущий камнем. Стук её трости по плитам звучал здесь дерзко. Молчание под этими сводами было громче любого уличного шума, и Агате невольно было не по себе.

Секретарь остановился, пригласил её войти в зал. Дойдя до середины зала, он резко повернулся к ней.

— Ваша труппа, как и ещё несколько лучших коллективов королевства, была выбрана для участия в больших празднествах на предстоящей королевской ярмарке, — ровным, официальным голосом произнёс он, внимательно следя за её реакцией. — Надеюсь, вы не станете возражать против столь высокой чести. Первое ваше выступление назначено на третий день гуляний. Затем вы обязаны давать представления ежедневно, на трёх разных сценах в ключевых частях столицы. Финальное же, самое главное выступление пройдёт непосредственно перед членами королевской семьи. Все сопутствующие расходы казна полностью берёт на себя, вам также будет выделено необходимое сопровождение и помощь.

Агата на мгновение перестала дышать. Она знала, что её артисты хороши, но о таком масштабе кочевой цирк не помышлял. Вопросы посыпались сразу. Почему выбрали их, а не столичные труппы и не богатые гильдии с побережья? И кто это решил? Она хотела спросить, но не успела. Дубовая дверь в конце зала отворилась, и внутрь вошёл король.

На нём не было ни парчового камзола, ни расшитого гербами плаща. Белая рубашка с засученными по локоть рукавами, тёмные штаны из плотного сукна, волосы перехвачены кожаной лентой. Ни короны, ни охраны, и всё же в его шаге и взгляде сразу угадывался монарх. Агата попыталась присесть в реверансе, опираясь на трость, и король мягко поднял руку:

— Не смотрите на меня с таким благоговением, госпожа Агата. В своих покоях я обычный человек и дома не хожу в позолоченных одеждах. Давайте оставим излишние церемонии для официальных приёмов. Сегодня вы здесь в качестве моей гостьи, а не подданной.

— Как вам наше предложение? — продолжал он, сокращая расстояние между ними. Король закинул руки за спину и начал раскачиваться с пятки на носок, неторопливо, словно взвешивая что-то в уме. Но его взгляд, удивительно спокойный, внимательный и острый, ни на миг не выпускал Агату из виду. До этого дня она видела своего монарха лишь издалека, когда во время больших праздников он поднимался на крепостную стену для речей перед народом. И всё равно сейчас, стоя к нему почти вплотную, она ловила себя на мысли, что он кажется не столько величественным, сколько удивительно настоящим. — Все затраты на подготовку мы берём на себя. Любые непредвиденные расходы в пути — тоже. Вам и вашей труппе ничего не должно мешать сосредоточиться на главном, госпожа Агата.

— Прежде чем я соглашусь… — Агата медленно выпрямилась, преодолевая скованность в теле, и открыто встретилась взглядом с правителем, — мне хотелось бы прояснить одну деталь. И давайте откровенно, без придворных витиеватых речей: чего именно вы хотите от моего кочевого цирка, Ваше Величество? И что значит сосредоточиться на главном?

Король негромко усмехнулся и склонил голову набок. Прямота кочевой хозяйки ему, кажется, понравилась.

— А вы далеко не глупая женщина, Агата, — произнёс он, сделав ещё один короткий шаг вперёд, отчего его голос зазвучал тише и доверительнее. — Простите мне эту мимолётную фамильярность, ведь мы с вами даже не были представлены друг другу по всем правилам этикета. Но пустые церемонии подождут. Суть моего предложения проста: вы возьмёте с собой в этот пятимесячный поход принца Дэниса, моего старшего сына. Все расходы на его содержание и любые дорожные капризы корона полностью берёт на себя. Сейчас в нашем государстве установилось на удивление мирное и спокойное время — герцоги больше не враждуют за земли, а бароны не замышляют мятежей против трона. Разбойники на дальних трактах, конечно, всё ещё попадаются, а потому принца в пути будут сопровождать двое преданных мне сильных чародеев: Маг Жизни — на случай внезапных болезней или ранений, и опытный боевой маг — если ваш караван столкнётся с опасностью. Кроме того, с ним пойдёт королевская гвардия — совсем немного, всего несколько верных клинков, но так положено по закону короны, и отступать от этих правил мы не имеем права.

Король развёл руками, и в его голосе проскользнули нотки усталого отцовского вздоха:

— Этот караван Дэнис выбрал сам. Почему именно вас — не спрашивайте, я и сам не знаю всех капризов его молодой головы. При этом мой упрямый наследник наотрез отказался от целой роты тяжёлой королевской охраны, как того требует его положение. Заявил мне прямо в лицо: «Если попытаетесь обставить меня плотным кольцом латников, я просто сбегу из дворца тайно, посреди ночи и без всякого разрешения». Поэтому нам пришлось пойти на компромисс. Личная охрана ограничится всего восемью отборными гвардейцами.

Створки дверей разошлись, и в залу вошла королева. Закрытое платье из глубокого синего сукна, тонкая золотая вышивка по вороту, и осанка, которая заполняла залу без всякой вышивки.

— И не сомневайтесь: он действительно сбежит, если решит, что его свободу пытаются ограничить, — раздался спокойный, мелодичный голос у самого входа в зал.

Король рассмеялся и обернулся к жене:

— Ну вот, опять ты меня перебила на самом важном месте.

— А как же иначе, дорогой? — сдержанно улыбнулась она, плавно проходя в глубь залы и останавливаясь рядом с мужем. — Кто-то же должен избавить госпожу Агату от твоих долгих дворцовых предисловий. Так что, Агата, возьмёте с собой нашего несносного мальчика?

— Тогда позвольте и мне спросить о деле, — Агата покрепче обхватила рукоять трости. — И спрашивать я буду не про принца, а про своих людей. Кто в пути над ними хозяин: я, принц или ваши гвардейцы?

— Вы, — ответил король без раздумья. — Караван ваш, порядок ваш, и дорогу выбираете вы. Мои люди идут с вами гостями и подчиняются вам наравне с вашими артистами. Если выйдет спор, который не решите на месте, пишите прямо мне.

— А если принц в пути что-нибудь натворит? Разобьёт чужой товар, заденет чью-то честь, ввяжется в драку?

— Заплатит корона, — так же ровно сказал он. — И за товар, и за лекаря, и за выкуп. Ни один ваш фургон не останется в залоге из-за каприза моего сына.

— И последнее. Деньги.

— Дорога за счёт казны: постой, корм, переправы, починка фургонов. А ваш труд оплатят отдельно, суммой, о которой мы с вами ещё договоримся, — король говорил это так же спокойно, как читал бумаги, и Агате это нравилось куда больше всех его улыбок.

Отказать королю Агата не могла, да и здравый смысл вожака подсказывал, что такое предложение выпадает раз в жизни.

— Я согласна, Ваше Величество, — сказала она и почтительно склонила голову.

— Вот и славно, — облегчённо улыбнулась королева, а затем повернулась к боковой галерее и звонко позвала: — Дэн! Где ты там прячешься? Выходи к нам.

Резные двери в глубине зала распахнулись, и на пороге появился молодой человек.

Агата вздрогнула. В мыслях стало пусто и тесно разом. Вошедший был тем самым парнем, с которым она говорила вчера вечером. Тот разговор всплыл сразу.

После тяжёлого финального представления она сидела на скамье у главного шатра. Апрельский воздух обещал скорое лето, нога напоминала о себе тупой болью. Агата поднялась и, прихрамывая, пошла к жилому фургону.

— Болит? С ногой что-то? Вы же Агата? Хозяйка каравана? — раздалось за её спиной. Она обернулась. Перед ней стоял высокий юноша, светлые кудри выбивались из-под полей длиннополой шляпы. Он улыбался так, будто весь этот мир принадлежал ему одному.

— Ну, Агата, — буркнула она, не желая тратить силы на болтовню после тяжёлого дня, и пошла дальше. Парень не отстал: догнал и пошёл спиной вперёд, заглядывая ей в лицо.

— Мне вас очень рекомендовали, — весело сообщил он. — Я бы хотел отправиться с вашим караваном в путешествие. Посмотреть страну.

— Юноша, я похожа на проводника для праздных гуляк? — хмыкнула она, останавливаясь. — Мы тяжело работаем на дорогах. Это кочевой цирк, а не увеселительный вояж под звёздами.

— Я не буду обузой, честное слово! Помогу с чем скажете, дрова колоть умею, воду носить тоже. И заплачу, если надо, — он буквально светился изнутри.

Агата пожала плечами, но внутри шевельнулось смутное чувство, будто этот упрямый взгляд она уже где-то видела.

— Мы выезжаем послезавтра на рассвете, — сухо бросила она, надеясь, что дорога отпугнёт изнеженного юношу.

— Отлично! Я только родителям сообщу, они меня точно отпустят. Поверьте, госпожа Агата, вы не пожалеете!

Он исчез в темноте так же внезапно, как появился.

— Похоже, вы двое уже успели познакомиться вчера вечером, — голос королевы развеял пелену воспоминаний, и Агата снова оказалась в зале дворца. Королева посмотрела на сына и покачала головой: — Дэнис, ну что за ребячество? Являться к людям без имени, скрывая свой титул под чужой шляпой… Ты хоть понимаешь, в какое замешательство ставишь почтенную госпожу? Мало того, что сбежать грозился, так ещё и комедию устроил раньше времени.

— Отец ведь сам просил обойтись без лишних предисловий, — улыбнулся Дэнис и кивнул в сторону короля. Тот хмыкнул, подтверждая, потом посерьёзнел и указал Агате на двери смежной галереи.

— Идёмте со мной, госпожа Агата, нам нужно обсудить ещё несколько важных дорожных деталей, — произнёс монарх. — Прошу вас.

Тридцать пять лет назад её жизнь едва не оборвалась на арене: во время трюка под куполом лопнула кожаная страховка. Падение обернулось переломами таза и бедра. Сильных чародеев рядом не оказалось, а родители, делавшие всё возможное, упустили время. Кости срослись неправильно. Походка испортилась, боль стала постоянной. С годами шансов становилось меньше, потому что нужен был Маг Жизни огромной силы, способный исправить застарелое. На всё королевство такой остался один, Франческо Виладжи.

Они ушли в соседний покой. Разговор длился два часа, и всё это время король Вероны, величайший Маг Жизни Тэн'Арина, занимался не только расспросами о маршруте.

Чтобы исправить бедро, сросшееся тридцать пять лет назад, Франческо прямо во время беседы сломал ей кость, а потом, слой за слоем, выстраивал ткани заново. Исцеляющая сила шла тонкими нитями, и кости срастались в прежнем порядке под его волей. От этой ноющей боли у Агаты кружилась голова. Когда работа закончилась, дверь отворилась, и они вернулись к

королевской семье. И сегодня этот человек, чьё слово могло двигать армии, вернул ей здоровье между делом.

Агата замерла на пороге, бледная, глядя прямо перед собой и боясь перенести вес на левую ногу. Тридцать пять лет хромоты и скованности исчезли без следа, и разум отказывался верить в эту лёгкость.

— Первое время всё же не бегайте и не прыгайте, — с тёплой улыбкой произнёс шедший следом король, мягко подтолкнув её вперёд. — Кости я срастил идеально, но мышцам и связкам ещё нужно время на полное восстановление. Приходите в себя, госпожа Агата. Всего лишь правитель лично вылечил вас.

— Пойдём, дорогой, у нас много дел, — сдержанно кивнула королева, поднимаясь навстречу мужу.

— Ну что, когда выезжаем? — восторженно воскликнул Дэнис, азартно потирая ладони. — Агата, родители меня официально отпустили!

В дальнем углу залы всё ещё стоял Мирта, силясь удержать самообладание. Рот у него был приоткрыт, и в глазах читалось полное непонимание того, когда его скромный утренний рассказ успел превратиться в этот переполох.

До нижнего города Агата дошла пешком, отпустив карету и не слушая возражений секретаря. Хотелось проверить ногу на камне, а не на бархате. Нога держала ровно, и Агата шла быстро, как не ходила ни разу за тридцать пять лет. Трость она всё равно несла в руке, а когда артисты высыпали навстречу и уставились на её походку, прятать не стала.

Вернувшись под своды шатра, Агата созвала труппу. Пальцы больше не дрожали, когда она раскладывала на столе старую карту дорог. Новость была из тех, что открывают перед караваном новые горизонты. Наследный принц в дорожные товарищи, маги, восемь гвардейцев и восемь тысяч золотых на само путешествие. Четыре тысячи на содержание охраны, ещё четыре — подарок короны на реквизит и нужды артистов. За год, а то и за два её цирк не зарабатывал столько при самых удачных гастролях. Сделка была выгодная, и Агата уже прикидывала, как эти деньги пойдут на новые фургоны и снаряжение для будущих представлений.

Выслушав про королевское золото, гвардейцев и магов, артисты получили наставления и шумно разбрелись по лагерю, торопясь закончить сборы. Когда шатёр опустел, Агата осталась в тишине и буркнула себе под нос, разглаживая ладонями загнувшиеся края карты:

— Свалился же на мою голову этот королевский подарок…

— Простите, госпожа Агата, вы что-то сказали? — послышался весёлый, звонкий голос со стороны широкого входа.

Полог откинулся, впуская жаркий воздух, и в шатёр вошёл Дэнис, довольный, как именинник. Шёлковый домашний халат он уже сменил на простую, но хорошую дорожную одежду.

— Прекратите меня пугать, Ваше Высочество, — невольно вырвалось у Агаты, которая всё ещё привыкала к новому облику своего вчерашнего настырного гостя.

— Строжайше запрещаю вам называть меня так, — с широкой улыбкой оборвал её принц, задорно вскинув руки. — С этого самого момента пугать я вас буду до тех пор, пока вы окончательно не привыкнете к моему присутствию. Отныне и на все пять месяцев пути зовите меня просто Дэн.

Он обернулся к выходу, призывно махнул рукой и добавил:

— А это — мой слуга, Мирта. Он поедет с нами.

Агата подняла глаза от карты и встретилась взглядом со старым знакомым. Мирта переступил порог и постарался спрятать смущение под привычной сдержанностью.

— Я вижу, что это Мирта, — вздохнула она, качая головой. В её уме мгновенно сошлись все ниточки. — И чего не подошёл, когда был на нашем представлении? Постеснялся, что ли, или времени на старых друзей не нашлось? Мы ведь столько дорог вместе истоптали, мог бы и уважить старую знакомую, просто поговорить. Зато теперь мне до последнего медяка понятно,

кого именно стоит благодарить за весь этот внезапный королевский переполох. Признавайся, это ведь ты разболтал во дворце, что я хромаю?

— От вас ничего невозможно утаить, Агата, — мягко улыбнулся Мирта, почтительно склонив голову.

Агата вздохнула и убрала карту на край стола. Принц ушёл, оставив дела на помощника, и наконец можно было поговорить со старым другом наедине. Она шагнула ближе, и голос у неё стал тише:

— Спасибо тебе, старый друг. Удружил, как всегда. Ну ничего, теперь уже поздно отступать. Расскажи мне про принца. В двух словах. Слухи в нижнем городе я, конечно, разные слышала, но этого мало. А вот к чему нам всем готовиться на дорогах — хотелось бы знать наверняка. Что из себя представляет этот мальчишка на самом деле, когда за ним не присматривает корона?

Глава 6

Дэнис шёл пешком у переднего колеса фургона. Мирта держался позади. Отец отпустил Дэниса, но приставил к цирку Агаты двоих магов, а третьего, молодого барона Фейда, впихнули в обоз перед самым выездом. Также караван сопровождал отряд королевской стражи во главе с капитаном Артуром.

Первым магом в их отряде был Андрэ, Маг Жизни. Барон, невысокий, с округлым животиком и живыми прищуренными глазами. Он шутил, смеялся громче других, без спроса лез в любые разговоры и знал всё, что происходило вокруг. За это его и любили, а кто не любил, тот безропотно терпел.

В юности он отучился положенные по титулу два года в Академии магии, и на этом учёба для него кончилась. По закону бароны не могли продолжать обучение и переходить к высшим ступеням. Андрэ залечивал простые раны, вправлял перелом, останавливал кровь. В редких случаях вводил тяжелораненого в оцепенение, чтобы довезти его до более опытных мастеров. Своё место он знал и о несбывшихся амбициях не жалел. Зато не упускал случая вставить ехидное замечание или рассказать сомнительную историю у вечернего костра.

Ещё одним чародеем в обозе был Фейд. Молодой барон, худощавый, с юношескими прыщами и тревожным взглядом. Его баронство лежало далеко, почти у южной границы королевства, на землях, которые редко кого интересовали. По закону он имел право отучиться два года, но наставники закрыли на него глаза уже после первого курса. Дар магии воды и мороза был у парня слишком слабым. Возиться с безнадёжным новичком никому не хотелось, а закон требовал обязательной двухлетней подготовки. Так Фейд и болтался при Академии, мешая старшим и раздражая преподавателей, пока его не приставили к каравану за день до выезда, чтобы убрать с глаз. Ещё немного, и его сочли бы безнадёжным окончательно, отрезали бы от Источника, и осталась бы ему участь простого визуала.

Визуальная магия считалась среди благородных чародеев безвредной и почти пустяковой. Легально её преподавали только в актёрских школах, а те, кто прошёл обучение, в основном кормились при цирках и бродячих театрах. Обучение стоило дорого, профессия лицедея уважением не пользовалась, особенно у дворян. Магии в них было мало, зато зрелища хватало. В караване Агаты тоже были свои чародеи, но силой не отличались, потому что отучились всего год, как положено простолюдинам. А на их ремесло надзиратели закрывали глаза, пока те не доставляли хлопот властям.

Циркачей было много, и ремесло у каждого своё. Возглавляли шествие высокий жонглёр с ястребиным лицом, державший в воздухе до дюжины горящих факелов, и пара эквилибристов-близнецов, которые балансировали на качающихся канатах и без умолку тараторили на смеси трёх провинциальных диалектов. Чуть позади ехала грузная старуха в меховой накидке, пахнущей нафталином; она выдавала себя за гадалку на птичьих потрохах. За ней следовал крепкий жилистый парень с длинным кожаным бичом, укрощавший любую живность, от упрямых горных коз до диких кабанов. В глубине обоза прятались мастера иллюзий, выдуватели огня, шпагоглотатели, карлики-акробаты в шутовских колпаках и ходоки на высоких деревянных ходулях, распугивавшие деревенских собак. Повозки их были разрисованы яркими узорами, а по вечерам из окон доносилась живая музыка. При обозе держались и свои ремесленники. Швея латала костюмы, парусину и упряжь, без её иглы ни один наряд не дожил бы до конца сезона; ободья, скобы и топорища артисты правили сами, каждый умел взяться за инструмент. На кухне заправлял один повар с женой и двумя десятилетними дочками, но у котлов помогали все, кто был свободен, и похлёбка поспевала к сроку.

Физически труппа была сильна, её ловкости и балансу позавидовали бы даже лучшие гвардейцы дворца. С игрой было проще. Глубокая драма простолюдинам не нужна была ни

здесь, ни в остальной павшей Империи. Актёры Агаты разыгрывали исторические пьесы и комедии, но в основном были универсалами. Тот же жонглёр, который днём крутил ножи, вечером натягивал бархатный плащ и декламировал со сцены монолог герцога, а укротитель коз в следующей миниатюре изображал глуповатого трактирщика.

Королевская охрана не вызывала у Агаты тревоги. Отряд был всего из восьми человек, как и обещал король Франческо. Доспехи их были начищены так, что бронза отдавала блеском даже в дорожной пыли, и каждая царапина на них читалась как след настоящего боя. Поверх лат гвардейцы носили простые плащи, чтобы не привлекать внимания на трактах. Командовал солдатами капитан Артур. Высокая спина, подбородок чуть вскинут вперёд, жёсткий взгляд серых глаз. Пустых разговоров он не любил и осматривал лично каждый подозрительный поворот дороги.

Вторым из королевских магов был граф Вито Гарсия. Он был выше всех в караване, и в фургоне ему приходилось пригибать голову. Широкие плечи, крупные черты лица. Тяжёлая челюсть, чуть выдвинутая вперёд, нос с горбинкой, тёмные глаза под густыми бровями. В молчании лицо у него казалось угрюмым, как у человека, который привык за всё отвечать сам.

Три года, положенные графу по титулу, он отучился и вышел из стен Академии с крепким запасом боевых заклинаний. Огонь и воздух слушались его без рисованных жестов, довольно было поднятой ладони. С артистами он держался ровно. Здоровался, отвечал, если спрашивали, и уходил к себе. Лишнего шума и брани он не любил, так что в его присутствии прикусывали языки даже самые отпетые крикуны.

Его приставили к принцу «на случай непредвиденного», и случай этот всё не приходил. Граф скучал, редко выходил из фургона и от нечего делать возился с Фейдом. Стихии у них были разные, огонь и воздух против воды и мороза, так что своё искусство Вито передать парню не мог. Оставалось то, что от стихии не зависит. Как удержать поток, как не выжечь силы на пустяках, как читать чужое движение. Этому он Фейда и учил, а настоящими боевыми заклинаниями не делился, не имел права.

Дорога вилась среди полей и редких рощ. Песчаные, выбитые колёсами участки тракта сменялись травой, по обочинам щебетали майские птицы. Иногда караван проезжал деревни. Покосившиеся соломенные крыши, серые стены. За двадцать лет, прошедших с появления Туманной Стены, жизнь в провинциях стала тяжёлой. Торговые пути, кормившие целые области павшей Империи, разрушились, и купеческие караваны, что привозили в эти края новости, товары и деньги, больше не ходили. Деревни мельчали, люди бросали дома и перебирались к столице и крупным городам, где находилась работа. Крестьяне провожали нарядный отряд с интересом. Но чаще вокруг лежала пустая, залитая солнцем земля.

Тракт тянулся впереди, светлый от пыли, и от каждого поворота принц ждал чего-то нового. За рощей могла открыться деревня, за деревней чужой обоз, а там и город с базарной площадью, жареным мясом и свежими сплетнями. Дэнис ловил себя на этой нетерпеливости, и она ему нравилась. Дворцовая скука, мраморные переходы, придворные за колоннами остались позади. Ему хватало этого утра, скрипа колёс и пыли на сапогах. Что случится за следующим изгибом тракта, он не знал, и это незнание бодрило сильнее выдержанного вина из отцовских погребов. Он шёл пешком, держа спину ровно, с едва заметной улыбкой. Ему казалось, что мир за столицей только и ждёт случая показать ему первую из своих тайн, и она уже за ближайшим поворотом.

К обозу за месяц пути время от времени прибивались небогатые торговцы, крестьяне из угасающих деревень, одиночки с холщовыми котомками. Каждый, кто хотел идти с караваном ради безопасности, проходил проверку. Капитан Артур задавал прямые вопросы, граф Вито молча всматривался в лица, а барон Андрэ, как Маг Жизни, определял здоровье человека и его скрытое настроение.

Отказывать почти никому не приходилось: попадались обычные мирные бедолаги. Агата относилась ко всем прибившимся людям по-матерински. Попутчики, покидая караван, рассказывали в придорожных трактирах о цирке, и эта молва была труппе лучшим зазывалой на всех трактах Вероны.

Сами артисты тоже были не против компании: новые лица приносили дорожные истории, сплетни из дальних провинций и благодарных слушателей для вечерних костров.

Только графу Вито эта открытость казалась излишней. Человек, привыкший отвечать за других, он с трудом принимал такую беспечность на дорогах: каждый новый попутник оставался для него загадкой. «Как можно быть настолько недальновидными?» — думал он, глядя, как день за днём в караване появляются новые лица. Агате он не мешал и претензий вслух не высказывал, уважая порядки хозяйки, но во взгляде его временами проступала сосредоточенность. Изредка он подходил к очередному путнику, задавал пару коротких, странно точных вопросов, выслушивал ответ, вежливо кивал и возвращался к своему молчанию.

Так к каравану пристали три девушки-охотницы. Высокие, они двигались с одинаковой хищной грацией, а на деревенских парней смотрели так, что те замолкали на полуслове. Со стороны они выглядели родными сёстрами. Две, соломенно-светлые, были близняшками с одинаковыми холодными серыми глазами. Третья, брюнетка, казалась чуть старше, хотя по возрасту они были ровесницами; её тёмный взгляд был суровее и сосредоточеннее, будто она непрерывно выслеживала невидимую добычу на обочине. Все трое молчали, за спинами у них висели крепкие ухоженные луки. Родом они были из небольшой деревни в западных горах. Несколько недель назад, пока они находились на охоте, на поселение напали неизвестные. Вернувшись, девушки нашли дымящиеся руины и горы трупов. Погоня по горячим следам не удалась. Внезапная вьюга стёрла все следы с горной тропы, и надежды на правосудие у них не осталось.

При первой встрече они, как и все попутчики, прошли проверку у капитана гвардейской стражи Артура. Граф Вито не нашёл в их ответах лжи, а барон Андрэ не увидел в их душах скрытой злобы или коварства, только застывшую скорбь. Их молча приняли в караван. Долго девушки шли рядом с телегами и молчали, и лишь спустя время, когда самые острые раны затянулись, рассказали свою историю сухо, без слёз и жалоб, словно всё в них давно отболело. Общества они не искали. То и дело исчезали в лесной чащобе на день или два и возвращались с кабанами, зайцами, дикой птицей. Мясо шло в общий котёл, и даже самые недоверчивые циркачи привыкли к их молчаливому присутствию.

Они шли словно внутри собственной охоты. Взгляды метались по лесной опушке и придорожным зарослям, как у загонщиков, готовых к прыжку. Даже когда обоз не звенел упряжью и не гремел цирковым реквизитом, шаги девушек оставались бесшумными. Сухая листва и ветки под сапогами не шуршали. Капитан Артур и его гвардейцы быстро это заметили и зауважали охотниц. Они понимали, какая школа стоит за такой выучкой.

Циркачи были людьми весёлыми, громкими и неугомонными. По вечерам, когда караван становился на ночлег, труппа собиралась у костров, и в котелках бурлила похлёбка со свежим мясом от девушек-охотниц. Кто-то играл на деревянных ложках, кто-то показывал из рукава новые фокусы, кто-то с самым серьёзным видом вспоминал дорожную небылицу, и остальные принимали её за чистую монету. Дэнис сидел среди них и смотрел на этот весёлый хаос. После чопорного этикета столичного дворца такая свобода кружила ему голову. Смех не стихал до темноты.

Больше всех в лагере шумел барон Андрэ. Он прыгал от одного костра к другому, смеялся до слёз и беззлобно подшучивал над гвардейцами и циркачами. Обоз был большой, и детей в нём хватало всякого возраста, от младенцев на руках до подростков, которых уже учили цирковым номерам. Он возился с лагерными детьми, раздавал направо и налево житейские советы и пользовался всеобщей любовью. Чтобы развлечь ребятишек, он пускал в ход свои лекарственные чары. Заставлял мерцать кончики пальцев, согревал остывшее молоко в круж-

ках, затягивал царапины на детских ладошках и выдавал это за великое колдовство. Разгорячённый весельем и кружкой эля, он с кряхтением забирался на цирковую повозку и передразнивал кого-нибудь из артистов, вызывая хохот всей труппы.

Полной противоположностью этому веселью был граф Вито Гарсия. Чужим в пёстрой компании он себя не чувствовал, и артисты не видели в нём дворцового надзирателя. Между ними установилось дорожное доверие. Циркачи звали графа в свой круг, предлагали выпить вместе или поучаствовать в забаве. От таких предложений Вито уходил с вежливой улыбкой и лёгкой иронией, но общества комедиантов не избегал. Он сидел у костра, спокойный и внимательный, и, кажется, запоминал всё, каждый жест, каждое слово.

Стоило кому-нибудь в лагере испуганно или призывно крикнуть «Маг!» или «Охрана!», как расслабленность слетала со всех. Граф Вито поднимался первым, молча, и в ладонях у него уже рождался жар боевых стихий. Барон Андрэ отбрасывал шутки и становился строгим, собранным лекарем, который хладнокровно оценит и тяжесть ушиба, и глубину раны. Быстрее всех на ногах оказывалась личная гвардия принца. Капитан Артур и его ветераны, секунду назад мирно поглощавшие похлёбку, вставали с обнажёнными клинками и смыкались вокруг наследника. За этим стояла армейская выучка, не прощавшая секундных задержек.

За весь первый месяц пути в караване не случилось ни серьёзных травм, ни нападений. Графу Вито ни разу не пришлось применить боевые чары, и он просто наблюдал и подмечал детали. Зато у барона Андрэ работы хватало. С синяками от падений с ходулей, ожогами от неудачных огненных трюков, растянутыми мышцами артисты шли к нему. В труппе Агаты было двое своих Магов Жизни, но те отучились всего год, как положено простолюдинам, и залечивали разве что мелкие ссадины. Андрэ помогал каждому, кто просил, и денег за это не брал.

Граф Вито знал, что всё происходящее в походе придётся подробно изложить в рапорте. По возвращении в столицу он обязан сдать его герцогу Паоло де Витту, старшему брату короля Франческо. Паоло он недолюбливал, впрочем, при дворе того мало кто любил, но служба оставалась для Вито превыше всего. Шпионом граф при этом не был и записывать бытовые мелочи или чужие тайны не собирался. А вот появление трёх девушек-охотниц и их рассказ о сожжённой деревне в западных горах в рапорт попали. Слишком много таких набегов случилось в последнее время. Разбойников на окраинах Вероны становилось всё больше, и хотя появлялись они пока на далёких рубежах, опасность медленно сдвигалась к центру.

Внезапно караван остановился. Такие задержки случались и раньше. Старое колесо, отбившееся от стада животное, спор между возницами. Но сейчас всё было иначе. С деревьев у дозорных постов вспорхнули птицы, и по каравану прошёл окрик стражи. Впереди на дороге что-то обнаружили. Граф Вито вынырнул из фургона мгновенно, будто и не сидел там половину дня. На ходу он разжал кулаки, и в ладонях с сухим треском вспыхнули огненные шары, не слишком яркие, чтобы не ослепить идущих рядом, но готовые стать оружием. Он шагал быстро, артисты расступались, а принц Дэнис молча шёл следом с обнажённым клинком, не отставая от боевого мага. Гвардейцы Артура перестроились в оборонительный порядок. Двое выдвинулись вперёд, двое прикрыли тыл, а четвёрка с капитаном сомкнулась в кольцо на расстоянии десяти шагов вокруг принца. Мирта бросился было за господином, но Дэн остановил его коротким жестом, приказывая оставаться у повозки.

Дорога спускалась в лощину. Посреди выжженной земли, между глубокими следами копыт и бороздами от колёс, лежал разграбленный караван. Семь телег стояли вкривь, обугленные, с распоротой парусиной. Корзины вывернуты, пожитки беженцев разбросаны по траве. Лошадей не осталось, и пустые упряжи висели на дышлах. В бурьяне у обочины валялись заплесневелый хлеб, мешки с зерном, треснувшие кувшины и детские куклы с оторванными головами. Пахло горелой парусиной. Рядом лежали тела. Одиннадцать мужчин и девять женщин. Кто-то лежал ничком в пыли, кто-то запрокинул мёртвое лицо к небу. У одного из защит-

ников в сведённых пальцах остался окровавленный топор, у женщины на груди лежал пустой разорванный свёрток.

«Хорошо хоть детей не было», — подумал граф Вито, осматривая место резни. Простолюдины не были собственностью и могли переезжать, если за два месяца подавали прошение хозяину земель. Может, детей отправили на новое место заранее, с прошлым обозом. А может… Граф оборвал свою мысль.

— Один живой! — донёсся с обочины голос гвардейца. Вито повернул голову и пошёл туда из служебного интереса. Огненные шары в его ладонях угасли. Дэнис двинулся следом. За ними потянулись заинтригованные циркачи, а гвардейская стража капитана Артура осталась на местах, заняв круговой периметр и посматривая на склоны лощины.

На обочине в пыли лежал юноша, на вид лет восемнадцати. Тело его было изогнуто, из груди торчали две стрелы. Кровь стекала на сухую траву, лицо посерело, губы приоткрыты. Он ещё дышал. Слабо, рвано, из последних сил. Барон Андрэ уже стоял рядом на коленях, бормотал заклинания и делал быстрые пассы. Двое магов Агаты бросились помогать, выполняя команды столичного лекаря. Дэнис молча смотрел. Вскоре подошла Агата, уверенным ровным шагом, который давался ей теперь без труда; за ней начали стягиваться остальные циркачи, поначалу не решавшиеся покидать фургоны. Капитан Артур, убедившись, что раненому помогают, пошёл проверять расставленных по периметру воинов.

Но внимание привлекло не только спасение раненого. Возле юноши крутились три маленьких щенка. Чёрные, с густой лоснящейся шерстью и жёлтыми глазами. Малыши не давались в руки и не издавали лишнего звука, но держались вместе и вставали на лапы, стоило кому-то подойти близко. Когда один из циркачей попытался взять щенка, остальные зарычали, готовые защищать своего человека. И при этом они не мешали барону Андрэ и его помощникам, словно понимали, что изумрудное свечение несёт хозяину спасение, и ждали окончания лечения, не отходя от парня.

Пока Маги Жизни боролись за юношу, караванщики Агаты собрали всё, что уцелело. Два целых фургона, мешки с зерном, бочки с припасами, инструменты, вещи погибших. Раненого перенесли в цирковой фургон, и три щенка тенью пошли за ним. Тела оставлять диким зверям не стали. Караван прошёл вперёд и встал на безопасном месте. Часть мужчин с гвардейцами вернулась в лощину и выкопала братскую могилу. Похоронив погибших, караван Агаты снова тронулся в путь под затихающим майским солнцем.

Глава 7

Больно. Как же больно…

Мысль была короткая, как выдох.

Я разлепил глаза не с первого раза. Ресницы склеила запёкшаяся кровь, и веки разошлись, только когда сухая корка на них треснула.

Мир расплывался, и сквозь полуопущенные веки сочилось багровое марево. Воздух был тяжёлый, липкий от жара, в котором висел запах гари, крови и растоптанной травы. Во рту, мешая дышать, скрипела въевшаяся в зубы пыль. В щёку впивались сухие травинки, а лопатки и поясницу неприятно холодила сырая земля. Над разлитой лужей крови вились мухи. Где-то совсем рядом гудело, как у растревоженного улья: чужие люди, тяжёлые шаги, хриплые крики, и надсадно скрипело несмазанное колесо. Весь этот хаос доносился будто из-за толстой ватной стены, глухо и далеко.

Я не мог пошевелиться: тело превратилось в чугунный монолит. Даже вдох давался с трудом, короткими, жадными глотками. В груди сидели две стрелы. Я ощущал их тупо, отстранённо, как огромные занозы в чужом, давно онемевшем теле, но каждая попытка глотнуть воздуха глубже отзывалась резкой вспышкой боли. По правому боку, пропитывая порванную ткань, текло тёплое и липкое.

Голова гудела на одной высокой, звенящей ноте, и в этом звоне тонули чужие голоса. Я попытался нащупать в себе магию, инстинктивно, вслепую, без связных мыслей.

Пусто. Абсолютная, звенящая тишина. Я позвал Источник ещё раз, злее, требуя ответа. Ничего. Как будто внутри меня кто-то разом выключил свет и заколотил тяжёлую дверь.

Ну, дед… неужели нельзя было придумать что-нибудь полегче? Это ведь так больно. Ответа не было, и ждать его в этой глуши было не от кого.

Солнце клонилось к закату, но от его тепла толку не было. По телу бежала дрожь. Больше всего на свете я боялся закрыть глаза: упадут сумерки, кто-нибудь случайный решит, что я уже отбегался и не дышу, и просто пройдёт мимо. А лежать вот так, беззащитным куском мяса до самой ночи, не хотелось совсем.

Где-то вдалеке я услышал топот и суматошные крики. Чужие голоса. Кто-то пронёсся совсем рядом, обдав лицо сухой пылью, и земля вздрогнула под тяжестью бега.

А затем кто-то грузно склонился надо мной, заслоняя бьющее по глазам небо. Плотная тень легла на лицо, и воспалённым глазам стало легче. В нос ударил запах дорожного пота и пыли. Сквозь вату в ушах я различил обрывок крика:

— Один живой!

Мысли в расколотой голове появлялись короткими, рваными обрывками. Два тёмных силуэта на фоне гаснущего неба. Лиц было не разобрать. Чужие руки замелькали над моей израненной грудью: один из незнакомцев медленно, с изнуряющей точностью вытаскивал стрелы, миллиметр за миллиметром. Я чувствовал, как зазубренное железо скребло по сломанной кости. До хруста сжал зубы, чтобы не издать ни звука: стон никому не помогал, только тратил остатки сил. Боль была настоящая, и сознание воспринимало её отстранённо, как сквозь толщу ледяной воды.

Другой непрерывно шептал какую-то скороговорку, почти касаясь ладонями открытой раны. Воздух вокруг его пальцев мелко дрожал. Пальцы были удивительно тёплые, и от прикосновения над разорванной грудью разливалось густое, усыпляющее тепло. Ощущение было странное и пугающее, будто в меня силой вдували чужую жизнь вместе с горячим дыханием.

Потом чьи-то руки подхватили меня под плечи и колени и, стараясь не трясти, опустили на грубые одеяла в телеге. Колючая шерсть царапала шею, от одеял пахло пылью, конским потом и прелой соломой. Телега скрипнула и качнулась, доски подо мной пошли ходом, и в

груди вспыхнуло так, что небо над головой погасло и остались только багровые пятна перед глазами. К губам прижали что-то тёплое и невыносимо горькое, вяжущий лекарственный отвар с полынной горечью. Он обжёг язык и стянул горло. Темнота накрыла сразу, и всё затихло. Я отключился.

Проснулся я от тепла, которое волнами растекалось под кожей. Не сразу понял, где нахожусь и жив ли вообще. Надо мной уже антрацитом темнело ночное небо, в стороне трещал костёр, пахло дымом и варёным мясом. Я дёрнулся, попытался приподняться на локтях, но чья-то ладонь мягко и непреклонно легла мне на плечо и прижала обратно к попоне. Ладонь была огромная, тяжёлая и сухая.

— Куда собрался? Ещё рано. Пару дней полежишь, — раздался над ухом спокойный, убаюкивающий голос. Говорили неторопливо, с той ленивой интонацией, будто мы давно и мирно сидим здесь вдвоём у огня.

Передо мной, поджав ноги, сидел плотный мужчина с круглым добродушным лицом и весёлыми хитрыми глазами. Он устроился прямо на голой земле; рядом, на расстеленной тряпице, лежали связка сушёных стеблей и обструганные корешки.

— Меня зовут Андрэ. Я Маг Жизни. И теперь ты в моих заботливых руках, пока не окрепнешь. — Он выбрал из тряпицы корешок, повертел его в пальцах и откусил, не переставая разглядывать меня с добродушным любопытством.

Сзади, из колеблющейся тени от телеги, послышался женский голос, низкий, густой и абсолютно спокойный:

— Ну как он, очухался?

Из-за телеги неспешно вышла женщина, крупная, статная, с широкими седыми прядями в волосах. Она наклонилась низко, откинула с моего плеча попону, оглядела раны и коротко кивнула своим мыслям.

— Да можно не волноваться. Вон розовенький уже какой. Я — Агата. Хозяйка этого балагана. Ладно, отдохни, познакомимся позже, когда совсем очухаешься.

Розовенький. Что ж, отличные новости. Значит, я по крайней мере ещё не похож на остывающий труп, который забыли закопать у дороги.

Она развернулась и ушла в темноту, а Андрэ, воспользовавшись моментом, снова влил мне в рот тот же самый отвар. Невыносимо горькая полынная настойка мгновенно стянула горло. Мерные шаги Агаты постепенно удалялись, затихая во тьме лагеря. На этот раз лекарь предупредил уже строже:

— Не вставать. Даже если очень захочется.

Спорить с ним, поддаваясь согревающему действию магии и отвара, почему-то расхотелось окончательно.

— Не переживайте, господин Андрэ. Я прослежу, — подал голос кто-то прямо за моей спиной. Голос был совсем юношеский, ломкий, некстати сорвавшийся на середине короткого слова.

Я неподвижно лежал на спине и физически не мог повернуть затёкшую шею, чтобы разглядеть говорящего. Пришлось задавать вопрос прямо в глухую черноту неба:

— А ты кто?

В поле зрения надо мной тут же протиснулось молодое лицо: бледное, слегка прыщавое, с тонкими, почти девичьими чертами и какой-то виноватой, напряжённой улыбкой. Короткие светлые волосы, упрямый взгляд исподлобья, будто парень заранее приготовился к тяжёлому спору или выговору.

— Фейд. Я буду присматривать за тобой.

Он выпалил это слишком быстро, словно заученную наизусть фразу, и тут же отвёл глаза в сторону костра.

— А тебе, вижу, заняться нечем? — глухо буркнул я пересохшими губами.

Над головой тем временем застыла бездонная, холодная глубина неба. Высоко-высоко плыли подсвеченные луной облака, и безмолвно тянулись вверх тонкие, острые верхушки вековых деревьев. Всё было на своих местах. Мир не перевернулся. Будто ничего страшного с нами только что не случилось.

Фейд долго молчал, неловко переступая с ноги на ногу и шурша сухими листьями.

— Совсем нечем. Меня приставили к каравану третьим магом, но я очень слабый маг, толку от меня немного. Академия просто избавилась от меня. Так и еду вместе со всеми.

— Фейд не звучит. Я буду называть тебя Федя, — сказал я заплетающимся языком. — А остальные чем занимаются?

Он судорожно открыл рот, собираясь ответить, но в последний момент беспомощно закрыл его, поджав губы.

— Ну, они…

Дальше я не сумел услышать. Последняя фраза парня утонула в тяжёлом мареве. Отвар вновь мёртвой хваткой схватил за горло и безжалостно потянул сознание в темноту. Я безвольно провалился в глухую тишину, лишённую всяких сновидений.

Моё выздоровление в караване бродячих артистов Агаты не затянулось надолго. Несколько дней я провёл в полузабытьи на настиле открытой телеги, укутанный в поношенные шерстяные одеяла. Тело, израненное стрелами, отзывалось тупой болью при каждом толчке колеса на ухабах. Каждый день барон Андрэ, личный лекарь нашего отряда, поил меня густыми горькими отварами, и ноющая рана понемногу затихала. Повреждения такого уровня я мог бы вылечить кому угодно, небрежно махнув рукой на ходу. Но Источник предательски молчал.

На исходе третьего дня отвары отменили, и я впервые спустился на землю сам. Давняя привычка просыпаться на самом рассвете вернулась вместе со здоровьем, и я с интересом обживал этот новый, кочевой быт, стараясь оставаться незаметным.

Караван Агаты двигался на юг по каменистому тракту, держа путь по герцогствам, чтобы к августу вернуться в столицу на ярмарку. По строгому дорожному уставу днём нас охранял небольшой отряд королевских гвардейцев под началом капитана Артура. Двое ветеранов ехали впереди, двое прикрывали тыл, четверо держались середины обоза. Ночью дозорные менялись.

Дэн, ставший моим частым собеседником в эти долгие дорожные дни, весело и азартно обживал свою маску комедианта. Он много времени проводил среди артистов, заучивая площадные шутки и незамысловатые фарсы.

Я же, напротив, держался скромно. Простолюдин, выживший при разграблении обоза и потерявший память.

Моя троица, Мгла, Туман и Призрак, за эти дни заметно выросла. Из крошечных комочков они превратились в длинноногих волчат с тяжёлыми лапами, ростом почти до колена, и ни на шаг не отходили от моих ног. Все в лагере спорили, кем были эти три угольно-чёрных зверя, редкими породистыми собачками или настоящими волками. Они никогда не лаяли, только ворчали глубоко и утробно и смотрели на людей немигающими жёлтыми глазами с пугающей, почти человеческой осознанностью.

— Ну подари ты одного щенка. У тебя их трое, не обеднеешь, — тянул Дэн. Он сидел рядом на телеге и качал в воздухе ногой; пятка пыльного сапога мерно постукивала по облупившемуся борту, и с борта сыпалась серая сухая труха. За нашими спинами лагерь понемногу готовился к ночёвке, где-то перекликались возчики, у кухни стукали ложки о котелок. Циркачи собирались у большого костра.

Я лениво почесал затылок и посмотрел вниз. Три чёрных щенка лежали у самых моих ног на прогретых за день досках. Один шевельнулся, ткнулся мокрым носом мне в лодыжку и снова засопел. Второй зевнул, сморщив розовую пасть, и клацнул белыми молочными зубами. Третий положил морду на лапы и повёл ухом, будто прислушивался к разговору.

— Нет, — ответил я просто. Без улыбки.

— Серьёзно? — Дэн вскинул брови, и в прищуренных жёлтых глазах блеснули озорные искры. — Ты даже не представляешь, кому только что отказал.

Он засмеялся, качнул плечами и добавил:

— Но ты мне нравишься. Честно.

— А он тебе не представился, что ли? — бросила Агата, проходя с тюком тряпок на голове. Несмотря на груз, шагала она ровно и статно. Хозяйка каравана остановилась и глянула на нас из-под платка.

— А должен был? — удивился я, переводя взгляд с её хмурого, покрытого сеткой морщин лица на безмятежную физиономию соседа.

— Нет, не должен, — сказал Дэн, широко улыбаясь. Он лениво откинулся назад, опираясь на локти прямо поверх сложенных в телеге кулей и рогожи, и рогожа сухо зашуршала под ним, выпустив облачко пыли. Только сейчас я заметил, что запылённая рубаха парня была соткана из тончайшего дорогого льна, а из-за ворота тускло поблёскивал шнурок фамильного медальона. — Может, я сюрприз готовил.

— Это, между прочим, наследный принц Его Величества, — спокойно добавила Агата, словно сообщала о погоде, и поправила съезжающий тюк, даже не взглянув на произведённый эффект.

Я приподнял бровь. Теперь, вглядываясь в его осанку, я отчётливо видел хищную грацию породистого пса, которую не могла скрыть никакая бродяжья маскировка. Принц насмешливо вздохнул.

— Отомстила, значит?

— Ещё бы, — фыркнула она.

Они оба рассмеялись, будто вспомнили что-то своё. Смех был лёгкий и не притворный. На миг он перекрыл привычный лагерный шум: ржание коней, глухой стук топоров на лесной опушке, скрип несмазанного колеса где-то в хвосте обоза. А я всё ещё не знал, как к этому относиться.

— А все принцы вот так себя ведут с простыми людьми? — спросил я.

Дэн вдруг стал серьёзен. Повернулся ко мне, провёл ладонью по шее, как будто отгонял пыльную мысль, и его упрямый взгляд на секунду потерял прежнюю беззаботность.

— А тут у нас королева — Агата. Для неё авторитетов не существует. И никакой этикет не работает. К счастью.

— Вот опять ты за своё, — вздохнула Агата и уселась рядом с нами на ступеньку повозки. Ступенька была ещё тёплая от солнца, а под её весом дерево натужно скрипнуло. Женщина тяжело опустила натруженные ладони на колени.

Пару секунд она молчала, глядя куда-то сквозь верхушки сосен, позолоченные предзакатным солнцем, потом вдруг сказала почти вполголоса:

— Времени всё меньше, а я так и не придумала, чем удивим королевскую сцену? Лето пролетит быстро. А ты всё дурачишься.

Она толкнула принца локтем в бок. Тот сделал вид, что обиделся, но лишь пожал плечами.

— Ты ведь обещал помочь. Всё, что у нас есть, хорошо для ярмарки. Для тронного зала сойдёт разве что кукольный театр. Но кому он там интересен?

Я слушал и не вмешивался. Разговор был не для меня, но я запомнил главное. Три месяца, королевская сцена, и ничего, чем эту сцену можно удивить.

— Агата, прости… Ну не знал я, что так выйдет, — проговорил Дэн почти виновато. Он перестал качать ногой и как-то сразу сник, разглядывая мыски своих запылённых сапог.

— Думать надо. — Она встала, поправила платок на плече, окинув нас строгим, утомлённым взглядом. — Думать…

И ушла. Мимо телег, мимо растянутых на просушку попон. Мерный стук её шагов всё удалялся, пока совсем не потонул в вечернем лагерном гуле.

С того вечера я нет-нет да и ловил на её лице эту заботу. Агата руководила этими людьми всю жизнь, и королевский заказ, ради которого караван проделывал такой путь, требовал от бродячих артистов прыгнуть выше головы. Я понимал, что принц втянул её в какую-то авантюру, но с расспросами раньше времени не лез.

За неделю с труппой я успел увидеть два городских выступления и добрую дюжину репетиций. Артисты заучивали роли вслух, спорили, падали, смеялись, и всё это на ходу. В телегах, на привалах, у костров. Порой казалось, что они репетируют даже во сне.

Как и положено новенькому, меня проверяли все. Маги осмотрели, капитан Артур задал свои вопросы, ничего от меня не добился и ушёл. Андрэ ощупал раны, остался доволен и растворился в лагерной суете. Оставался граф, и я решил, что хоть от него узнаю, куда меня занесло.

— Граф, я ведь ничего не помню, — начал я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком жалостно. — Расскажите хоть коротко, где мы, как называется столица и как здесь живут. И про магию. О ней все говорят, а я даже не знаю, с чем её едят.

Вито Гарсия внимательно посмотрел на меня, и под его густыми бровями на мгновение мелькнул оценивающий, холодноватый взгляд опытного имперского чиновника. Он неторопливо подошёл к поваленному бревну у ручья, ленивым мысленным пассом руки заставил лёгкий поток воздуха сдуть налипший песок с древесины и жестом пригласил меня присесть рядом.

— Мы находимся в государстве Верона, — заговорил боевой маг, и его глубокий, размеренный голос странно гармонировал с мерным шумом бегущей речной воды. — Столица нашего королевства носит точно такое же имя. Это древний и сильный край, где вся власть безраздельно принадлежит сословию благородных, чья кровь способна откликаться на призыв Источника. Жизнь здесь проста для тех, кто рождён в дворянском гнезде, и сурова для простолюдинов, чья участь — лишь обрабатывать землю да кормить армию.

«Пафоса-то зачем столько нагнал?» — усмехнулся я про себя.

Граф замолчал, задумчиво провожая взглядом плывущую по течению ветку, а затем перевёл свой пронзительный взгляд прямо на меня, словно пытаясь заглянуть в самые потаённые уголки моей души:

— Магия, парень, не ярмарочный фокус. Это воля, и берут её из Источника, а Источник под замком у короны и у Академии. Простолюдину там дают год. Учат за этот год тому, что нужно в ремесле и в хозяйстве, чтобы огонь в горне держать, воду в канале поднять или скотину от хвори уберечь. Барону положено два года, графу три, и заклинаний у них куда больше. Боевым магом ниже графа не станешь, права такого нет. А без титула к настоящим знаниям тебя не подпустят.

Я молча кивнул, глядя, как вода под бревном несёт к берегу бурую пену и сломанную ветку. Правила этой игры сложились у меня в голове сами, без усилий, как когда-то складывались страницы чужих дипломов. Здесь всё решала кровь, и никакой талант её не перевешивал. В этот момент я нисколько не жалел, что попал в новый мир, не зная о нём ровно ничего. Сырость от ручья тянула сквозь рубаху, над водой висела мошкара, а на другом берегу кто-то из артистов гонял по траве обруч, и его тень мелькала между соснами. Я поблагодарил графа и поднялся с бревна. Один вывод был готов раньше всех остальных. Чтобы подобраться к Источнику, мне нужен баронский титул.

Благодаря лошади, которую мне выделил Дэн, я больше не плёлся в хвосте и мог наблюдать за труппой со стороны. Оценку я поставить мог, и оценка, увы, была невысока. Они брали не игрой, а куражом. Дикция смазанная, лица перекошены старанием, каждая реплика подана

так, чтобы её услышали в последнем ряду ярмарочной толпы. То, что здесь называли театром, походило на балаган.

— Про какое выступление перед королём говорила Агата? — спросил я, когда мы с Дэном проезжали мимо очередной репетиции с перекидыванием реплик на разных языках.

Принц кратко объяснил суть. Торжественное представление при дворе, ну и возможность для артистов прославиться на всё королевство… или провалиться в один миг.

— Да уж, — протянул я, — есть с чего приуныть.

Дэн усмехнулся:

— У тебя странная манера говорить. Необычная. Мне нравится.

Однажды предвечерним часом, когда обоз плавно катился по пустому участку тракта, я наконец решился нарушить затянувшееся молчание. Неделя то в седле, то на жёсткой телеге давала о себе знать, и приглашение принца пришлось как нельзя кстати. У Дэна было два экипажа, и распоряжался он ими так, будто за спиной остался не дворец, а целая походная усадьба. Впереди катилась огромная открытая карета с кожаными подушками, а следом тянулся дорожный фургон с королевскими гербами на дверцах, устроенный внутри не хуже гостиницы, с кроватями, столом и пологом, спасавшим от пыли. Дэн позвал меня к себе так радостно и попросту, словно приглашал в собственную комнату, и отказываться я не стал. Мгла развалилась рядом на подушках, я почёсывал её за ухом и поглядывал на принца, а он всё это время крутил в пальцах тренировочный клинок, уйдя в свои мысли.

— Послушай, Дэн, — негромко начал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и бесстрастно. — Я часто наблюдаю со стороны за репетициями наших комедиантов. Они очень стараются, спорят до хрипоты на каждом привале, но… их балаганные номера годятся разве что для провинциальных ярмарок. Если Агата действительно везёт этот фарс во дворец короля, их ждёт полный провал. Твой отец и столичные вельможи просто высмеют эту площадную потеху. Мы же не хотим этого?

Принц резко остановил движение руки, и деревянный клинок замер в полусантиметре от борта кареты. Он медленно повернул ко мне свою растрёпанную светлую голову, и в его жёлтых глазах на мгновение мелькнула не юношеская, а по-настоящему суровая, оценивающая серьёзность. Дэн молча вздохнул, убирая оружие, и устало откинулся на мягкую спинку сиденья, признавая мою очевидную правоту.

— Ты невероятно зоркий, Семён, хоть и притворяешься обычным дорожным увальнем, — глухо отозвался принц, переводя взгляд на медленно угасающий горизонт. — Агата и сама это прекрасно понимает, оттого и ходит чернее тучи последние дни. Дворцу Вероны нужно величие, а не рыночные кувырки. Но у неё просто нет ничего другого, а время неумолимо тает. Если у тебя есть идеи получше — говори, я готов слушать.

— У меня есть не просто идея, Дэн, а нечто воистину грандиозное, способное сокрушить всю вековую скуку твоего отца, — спокойно ответил я, встречаясь с ним уверенным взглядом. — В моей памяти всплыли обрывки одной великой драмы. Нам нужно полностью перестроить программу каравана и подготовить настоящую, высокую театральную трагедию. Поверь, перед этим шедевром не устоит ни один столичный вельможа.

— Трагедия? — принц удивлённо приподнял бровь. — В Тэн'Арине отродясь не писали ничего подобного. У нас сплошные комедианты только смешить умеют. И где же ты, дорожный увалень, возьмёшь такое диво?

— Из своей памяти, Дэн. И больше не называй меня так. Кое-что очень важное из моего прошлого наконец-то всплыло на поверхность. Нам понадобится пергамент, чернила и твоя рука в качестве писаря. Сам я пишу скверно и медленно, а упускать время нельзя.

Принц отметил мою резкость, но промолчал.

На следующий день мы уединились в его просторной королевской карете, с которой ещё утром сняли верхний тент. Пергамент и чернила у прижимистой, но зажиточной Агаты води-

лись в небольшом запасе для важных купеческих контрактов. Но, узнав, для каких целей они нам нужны, Агата выдала их без лишних слов. Дэн устроился прямо на ворохе одеял, скрестив под собой ноги, а мой земной мозг лингвиста тут же зафиксировал это движение. Интересно, а как у них в Тэн'Арине называется эта поза? В прежнем мире её именовали «сесть по-турецки», но здесь, где никакой Турции не существовало, явно было другое слово. Вслух я ничего спрашивать не стал, а просто начал неторопливо диктовать.

Ритм чужого, непривычного для этого мира слога плавно ложился на дорогой пергамент. Работа затянулась до глубокой ночи, продвигаясь далеко не так гладко и быстро, как нам обоим хотелось бы поначалу. Время от времени перо приходилось откладывать в сторону, чтобы Дэн мог как следует размять затёкшие, испачканные чернилами пальцы и дать отдых уставшей руке. В эти короткие минуты тишины я безмолвно сидел, напряжённо вглядываясь в россыпь незнакомых южных звёзд над каменистой лощиной.

Переносить великую земную классику в реалии Тэн'Арина оказалось сложной задачей. Слишком уж разными, порой полярными были эти два мира. Чтобы немного разрядить эту густую, почти осязаемую рабочую атмосферу, я пару раз пытался негромко отшучиваться в своей привычной манере, но Дэн на мой юмор вообще никак не реагировал. Он лишь отмахивался, судорожно встряхивая кисть. Принц был настолько глубоко заворожён и поглощён самим разворачивающимся действием, что ирония просто пролетала мимо его ушей.

Иногда, натыкаясь в памяти на слишком явные несостыковки с местными реалиями, я просил его остановиться, зачеркнуть целую строчку и переписать фразу заново. После очередного такого исправления Дэн не выдержал, отложил перо и пристально, с неприкрытым подозрением посмотрел на меня своими жёлтыми глазами:

— Послушай, Семён… Ты сейчас действительно по крупицам вспоминаешь своё прошлое, или ты прямо на ходу исправляешь и сочиняешь то, что якобы всплыло в твоей голове? Слишком уж ювелирно ложатся эти строчки.

Я лишь загадочно прищурился и промолчал, упрямо не выдавая своей главной тайны. Принц укоризненно вздохнул, но расспрашивать дальше не стал, его пальцы снова крепко сжали деревянное основание пера, готовые фиксировать продолжение.

На то, чтобы полностью собрать, выверить и перенести всю трагедию на пергамент, у нас с Дэном ушло ещё два долгих, изнурительных дня. И вот, когда последняя точка была наконец поставлена, Агата велела объявить всеобщий сбор. Ближе к полуночи вся бродячая труппа, заинтригованная внезапным переполохом, шумно расселась на брёвнах вокруг колоссального, ярко полыхающего лагерного костра. Сухие сосновые поленья с треском выстреливали в бездонное звёздное майское небо снопами золотистых, искристых стрел, а прохладный ночной ветер лениво гонял над поляной густой дым, смешанный с ароматами хвои и завариваемой на углях дикой мяты.

Лица артистов, привыкших к площадным ужимкам и рыночному балагану, в багровых отсветах пламени казались необычайно серьёзными. Наша личная гвардия, разумеется, не несла расслабленную вахту у огня. По строгому дорожному уставу двое ветеранов неподвижно караулили в темноте далеко впереди лагеря, двое прикрывали тыл у засыпающего тракта, а четвёрка дозорных вместе с капитаном Артуром бдительно обходила центральный периметр, не смыкая глаз, пока принц сидел у костра. Граф Вито Гарсия молча опёрся спиной о шершавый ствол векового дуба на самой границе света и тени, и его холодный, пронзительный взгляд был устремлён прямо на меня.

Я медленно поднялся со своего места, бережно держа в ладонях увесистую, пахнущую свежими чернилами стопку пергаментных листов, и шагнул к самому краю танцующего огня. Моё актёрское прошлое на Земле ограничивалось лишь скромным школьным драмкружком, но сейчас, глядя на эту замершую в ожидании толпу, я чувствовал, как внутри просыпается ледяная уверенность. Я умел читать с выражением, чётко держа ритм и заставляя звучать каж-

дую гласную. Раскрыв первый лист, я сделал глубокий вдох и заговорил. Мой чистый, сильный голос хлёсткой подачей разрезал ночную тишину лощины:

— Две многоуважаемых семьи

В Вероне, где встречают нас событья…

Я читал долго, лист за листом… Когда я перевернул последнюю страницу и умолк, над поляной повисла такая тишина, что стало слышно, как потрескивают догорающие угли. Артисты сидели неподвижно, и в багровых отсветах пламени влажно блестели их глаза. Лагерные силачи, здоровяки с бурыми от дёгтя руками, хмуро шмыгали носами и утирали кулаками слёзы, делая вид, будто им выело глаза костровым дымом. Даже на лицах трёх охотниц, не знавших слабости, застыли прозрачные дорожки.

Агата медленно поднялась со своего места и шагнула ближе к огню. Плечи у неё подрагивали, и сильный голос вожака на мгновение дрогнул, когда она заговорила, обращаясь к притихшим артистам:

— Ближайшие несколько дней мы полностью посвятим тому, чтобы разобраться с этой рукописью. Текст огромный, и Семён лично проверит каждого из вас, чтобы утвердить в той или иной роли. Роли должны достаться только тем, кто сможет вдохнуть в них настоящую жизнь, а потом нам придётся до единого знака расписать текст для каждого из вас. Наш караван продолжит двигаться по стране и давать все запланированные гастроли на намеченных постоялых дворах и площадях, ведь это наш единственный доход, а артисты обязаны зарабатывать деньги своим трудом. Все наши привычные цирковые номера давно известны каждому до малейшего жеста и отточены на дорогах до идеала, поэтому тренировки и повторение старых трюков останутся прежними, но мы станем отдавать им лишь самую малую необходимую часть времени. Оставшиеся часы и силы мы полностью посвятим этому новому сценическому искусству. Нам предстоит проделать огромную работу за эти три месяца пути. И когда наш караван вернётся в Верону, мы сотворим перед королевской четой то, чего эта страна ещё никогда не видела — мы доведём зал до такого оглушительного волнения, о котором вельможи будут помнить годами.

После слов Агаты лагерь расходился на удивление тихо. Не было ни привычного гама, ни шуток у костров. Артисты расходились по палаткам и повозкам молча, переговариваясь с соседями об услышанных строках. Мы с Дэном тоже вернулись к себе; тёплая майская ночь дышала согретым за день воздухом, и над нашими головами разворачивался купол ночного неба.

Три волчонка один за другим забрались ко мне на одеяла и устроили привычный круг у моих ног. Принц уселся напротив, убирая исписанные листы в латунный футляр, и его глаза в полумраке гаснущих углей всё ещё горели азартом.

— Знаешь, Семён, я до сих пор поверить не могу, какой эффект произвела твоя рукопись, — негромко произнёс Дэн, закрывая задвижку ларца. — Когда мы часами скрипели пером на ходу, я понимал, что текст хорош, но сейчас… видеть, как наши силачи и даже девчонки-охотницы замерли со слезами на глазах — это было невероятно.

— Теперь мне понятно, почему ты требовал собрать всю труппу, — продолжил Дэн. — Завтра, на первом же дневном привале, начнём твой отбор на роли. Я помогу тебе, но судить их игру ты будешь сам.

Я молча кивнул, устраиваясь поудобнее и глядя на россыпь незнакомых звёзд над Тэн’Арином. Впереди были долгие недели дорог, выступлений в провинциях и изнурительных репетиций, где балаганным артистам предстояло шаг за шагом ломать свои ярмарочные привычки.

Провожая взглядом тающие в небе искры костра, я почувствовал, как под дорожной собранностью просыпается тихая тоска. Я уже скучал по Деду: не хватало его ворчливых наставлений, хитрых прищуренных глаз и того тепла, которым дышал спроектированный мной берег океана.

Я знал, что когда-нибудь вернусь в покой Чертогов Самуэля, и мы со старым магом ещё не раз увидимся, чтобы обсудить все мои здешние дела.

* * *

Майское утро началось с птичьего щебета. Лагерь просыпался непривычно споро: циркачи запрягали тяжёлых мохнатых лошадей, капитан Артур негромко раздавал приказы у передних постов, из полевой кухни Агаты тянуло дымом и похлёбкой. Обоз тронулся, тракт зашумел под коваными ободами, уводя нас всё дальше от столицы, вглубь королевства. На первом же полуденном привале, когда лошадям дали отдых у прохладного горного ручья, мы с Дэном устроили рабочее место в тени раскидистого дикого каштана. Разложив на гладком валуне чистые свитки и приготовив перья, я объявил начало отбора.

Первым перед нами предстал Фейд. Молодой маг упрямо вскинул подбородок, поправив полы своего поношенного баронского кафтана; его лицо оставалось серьёзным и собранным. Я протянул ему пергамент с первыми репликами Меркуцио и жестом пригласил читать. Фейд набрал в грудь воздуха и заговорил, но его голос звучал на удивление ровно, взвешенно и сухо, а на лице застыла маска глубокой, почти монументальной сдержанности.

— Постой, Фейд, — мягко остановил я его, аккуратно забирая пергамент. Юноша послушно умолк, внимательно уставившись на меня жёлтыми глазами. — Текст ты держишь уверенно, но Меркуцио — ходячий взрыв, язвительный шутник и безумец, летящий прямо на клинки с весёлым смехом. Твоя врождённая собранность и это каменное лицо для такого персонажа не подходят. Но это вовсе не значит, что для тебя нет места. Напротив, в этой драме есть одна невероятно сильная, весомая роль, где твоя строгая сдержанность и умение держать маску Дома Тишины придутся как раз к месту. Давай мы пока оставим этот свиток, и чуть позже, когда дойдём до нужной сцены, я лично предложу тебе то, что станет твоим по праву.

Напряжение на лице молодого барона мгновенно спало, его упрямый взгляд потеплел, и он уважительно, с достоинством поклонился принцу и мне, после чего неторопливо отошёл к фургонам. Дэн, сидевший рядом со мной на траве, понимающе и тихонько хмыкнул, провожая юношу взглядом. Наследник крутанул в пальцах птичье перо, тепло усмехнулся и негромко произнёс:

— Ну да, Семён… держать маску Дома Тишины. Умеешь же ты отказать человеку, совершенно его не обижая. Из тебя выйдет отличный наставник для наших актёров.

— Раз уж я такой хороший наставник, Дэн, то давай проверим твой собственный пыл, — я с лёгкой улыбкой протянул принцу пергамент, на котором были жирно выведены реплики заносчивого, вспыльчивого и гордого бойца. — Держи. Твой персонаж — Тибальт. Он не знает страха, его благородная кровь закипает от малейшего косого взгляда, а фамильная честь для него превыше самой жизни. Попробуй прочувствовать эту ярость.

Дэн азартно хмыкнул, мигом отбросив в сторону своё птичье перо, и рывком поднялся на ноги. Он расправил широкие плечи под косыми лучами полуденного солнца, на мгновение прикрыл глаза, настраиваясь, а когда снова распахнул их, его жёлтый взгляд сделался хищным и пугающе холодным. Наследник сделал короткий выпад вперёд, словно сжимая в ладони рукоять великолепного невидимого меча, и заговорил. Его голос, обычно звонкий и дружелюбный, теперь зазвучал с такой яростной, породистой и надменной силой, что пробегавший мимо карлик-акробат невольно втянул голову в плечи и испуганно ускорил шаг:

— Как, обнажив клинок, ты говоришь о мире? Мне слово «мир» претит…

Принц не просто зачитывал строчки, он буквально проживал каждую из них, выплёскивая наружу всю спесь боевого сословия Вероны. Его способность к преображению в кратчайшие сроки, практически без единой репетиции, меня слегка удивила. Я ожидал увидеть скованность, но передо мной за долю секунды вырос настоящий, живой дворянин, ослеплённый гордостью и жаждой крови.

— Аристократично, невероятно и немного опасно, — удовлетворённо кивнул я, когда он закончил и тяжело, прерывисто выдохнул, возвращаясь в своё обычное состояние. — Поздравляю, Ваше Высочество. Роль Тибальта твоя по праву, и мне даже исправлять ничего не придётся. Ты попал в яблочко.

Дэн весело и гордо рассмеялся, явно довольный моей похвалой, и снова уселся на траву под каштаном, подтягивая к себе латунный футляр с чернилами.

Следом за принцем к нашему каштану неторопливым шагом подошла Агата и привела с собой четверых: двух юных гимнасток и дочек повара. Каждая читала реплики Джульетты по-своему, и каждая сбивалась в знакомую площадную подачу. Гимнастки выпевали строки, поднимая подбородок к ветвям, будто снова выходили на ярмарочную площадь. Я останавливал их, просил сбавить голос и играть не на площадь, а на одного человека. Девушки кивали, начинали заново и снова сбивались на ярмарочный распев. Роль Джульетты оставалась пустой. Той хрупкой искренности, без которой трагедия теряла смысл, в труппе не нашлось.

Пока я перебирал пергаментные листы, Агата и Дэн переглянулись с понимающими улыбками, и хозяйка каравана весомо положила руку мне на плечо:

— С Джульеттой мы ещё подумаем и обязательно кого-нибудь отыщем среди наших на дорогах, парень. А вот с её возлюбленным, Ромео, вопрос закрыт раз и навсегда. Тебе, Семён, придётся быть не только наставником для этой банды и оберегать своё произведение, но и самому выйти на королевскую сцену. Никто во всём Тэн'Арине не сможет прочувствовать и сыграть этого юношу лучше, чем ты сам.

— Вы с ума сошли? — я хмуро покачал головой, выказывая слабое сопротивление этой безумной авантюре. — Одно дело диктовать и подсказывать со стороны, но сцена… Вы ведь даже близко не представляете, на что я на самом деле способен, а на что нет. Из меня актёр как из Фейда Меркуцио.

— Нам вполне хватило того, как ты это прочёл у ночного костра, — резко и безапелляционно отрезала Агата, и её твёрдый взгляд не оставил мне ни единого шанса на дальнейшие споры.

— Согласен, — коротко и весело подвёл черту Дэн, ставя жирную галочку на полях своего пергамента.

Остаток дня прошёл в дорожном отборе. Я поговорил почти со всей труппой, и костяк постановки начал обретать очертания: благородного Бенволио отдали смышлёному жонглёру, а Меркуцио нашёлся среди молодых акробатов. Парень так фонтанировал уличным юмором, что Дэн только успевал одобрительно кивать.

Репетиции закипели на каждом привале. Дорожный быт каравана изменился. Пока лошади пили воду у ручьёв, артисты, разбившись на пары, до хрипоты вбивали в память поэтические ритмы. Я ходил между повозками, поправлял дикцию и заставлял циркачей убирать лишние балаганные ужимки. Дэн тренировался со всем азартом, оттачивая ярость Тибальта прямо во время остановок на тракте.

Волчата не отходили от репетиций: стоило кому-то начать монолог, они усаживались рядом и преданно заглядывали чтецу в рот, а то и хватали зубами полу кафтана, будто подсказывали интонацию. Смех артистов то и дело сбивал работу. Граф Вито Гарсия от роли отказался, не помогли никакие уговоры.

* * *

Шёл уже второй десяток дней моего пребывания в караване Агаты. Силы вернулись, и я снова просыпался первым в лагере. Именно в это тихое утро, когда низкий тяжёлый туман ещё стелился над землёй, я и услышал этот странный протяжный звук.

Я осторожно открыл глаза. Блёклый сон уходил, оставляя в голове зыбкие видения и далёкий призрачный свист. Для меня это было странно. Память держала всё, что попадало в неё хоть раз, но сны в Тэн'Арине уходили раньше, чем я успевал за них ухватиться.

Резко сев на ворохе одеял, я окончательно стряхнул остатки сна. Это был не мираж. Прямо из тумана доносился тонкий и протяжный свист боевого клинка с лёгким шипением на изломе траектории.

Обладателя этого оружия я никогда в Чертогах не видел. Дед стёр его лицо и имя, оставив в моей памяти безупречный, смертоносный силуэт мастера, которого я за тысячи часов тренировок так и не смог победить. И этот невидимый эталон фехтования стоял теперь на этой самой поляне. Сменив растерянность на настороженность, я бесшумно выбрался из повозки, стараясь не тревожить просыпающийся лагерь.

Мгла уже сидела на влажной траве у колеса, в чутком ожидании хозяина; её огромные жёлтые глаза были устремлены в сторону редкого леска, а уши ловили каждый звенящий всплеск стали. Раздвинув мокрые от росы ветви, я скользнул на поляну и замер. В самом центре туманного пятачка, по пояс обнажённый, плавно и чисто двигался принц Дэн. Светлые кудри растрёпаны, у ног оседал горячий пар, а в крепкой ладони легко взлетала сталь.

Каждый взмах, каждый короткий выпад был безукоризненно точен. Клинок рассекал рассветный воздух, как хлыст, рождая тот самый пугающий свист. Мой внутренний чертёж движений не оставил сомнений. Принц Дэнис и был моим невидимым, непобедимым учителем из Чертогов Самуэля. Двое королевских гвардейцев Артура молча стояли поодаль у стволов деревьев, контролируя периметр и не мешая тренировке молодого господина.

— Проснулся всё-таки? — спросил Дэн, резко остановив лезвие в миллиметре от земли и даже не оборачиваясь ко мне.

— Ага, — ответил я, стараясь удержать спокойное равновесие в голосе и не выдать своего шока. — Тренируешься с самого рассвета?

— Надо всегда быть в безупречной форме, Семён, — коротко бросил он, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба. Он сделал короткий пасс, и меч с мягким щелчком скользнул в ножны. — Бери меч. Тренироваться будем на дереве, калечить тебя раньше времени в мои дорожные планы не входит.

Он требовательно указал подбородком в сторону гвардейцев, и один из латников тут же шагнул ко мне, протягивая лёгкое тренировочное оружие. Я сделал вид, что удивился, покрепче перехватывая пальцами рукоять:

— Ты с ума сошёл? Я только-только на ноги встал после стрел, да и видел, как ты управляешься с этим железом. Я против тебя и десяти секунд на этой поляне не продержусь.

— Секунды не продержишься, если будешь так много болтать, — спокойно и с едва заметной усмешкой согласился принц. — Бери, говорю.

Тон был такой, что спорить не имело смысла.

— Да ты не бойся напрасно, парень, — негромко подбодрил меня гвардеец, выпуская деревянную крестовину из рук. — Он тебя не убьёт. Барон Андрэ, если что, быстро подлатает. Зато не каждому простолюдину выпадает честь с первым клинком королевства Вероны на рассвете сразиться.

Я взял деревянный меч. Он оказался на удивление лёгким и упругим, но скользил в ладони от утреннего тумана. В ту же секунду тело, намертво запомнившее тысячи часов тренировок в Чертогах, попыталось перестроиться: мышцы напружинились, центр тяжести сместился для идеального баланса, а правая рука сама потянулась выставить защитный полукруг. Но разум среагировал быстрее и жёстко заблокировал эти рефлексы.

«Стоп, — скомандовал я себе, силой заставляя плечи обмякнуть. — Никаких идеальных выпадов. Никакой академической выучки. Если я покажу хотя бы сотую долю того, что умею, Вито Гарсия и капитан Артур мигом учуют подвох, а тем более сам принц. Я — обычный восемнадцатилетний парень, ослабший после ранения стрелами.» Первые шаги по мокрой траве я делал нарочито неуверенно, волоча ногу и высоко задирая локти, как неопытный юнец. Рукоять сжал чересчур крепко, разыгрывая скованность и страх.

Дэн взял у гвардейца деревянный клинок, лёгкий и почти игрушечный на вид. Потом молча взмахнул, и я пошёл в атаку, разыгрывая этот балаган. Изображал растерянность и вялость, громко и сбито дышал, а иногда специально ошибался в дистанции, будто теряя равновесие на скользкой траве. Но внутри я читал принца, как открытую книгу. Узнавал каждое его мимолётное движение, знал наперёд излюбленную стойку, слышал, как меняется дыхание перед встречным выпадом, и подмечал, как он едва заметно морщит лоб, переходя с глухой защиты на атаку. Я видел этого мастера сотни раз в Чертогах, но только здесь, под блёклым майским солнцем Вероны, узнал его настоящее лицо. Главное было не выдать этот секрет ни единым взглядом.

— А ведь весьма неплохо для калеки, которого мы едва отыскали в пепле каравана, — со сдержанным одобрением сказал Дэн, легко отступив на два шага и опершись остриём деревянного меча в землю. Грудь его мерно поднималась, а на губах играла привычная дерзкая улыбка. — Признаться, я думал, ты будешь двигаться гораздо хуже. Силы в руках маловато, да и баланс ты держишь как портовый грузчик, но потенциал и хватка у тебя есть. Если будешь дисциплинированно тренироваться со мной каждое утро, со временем станешь вполне сносным, крепким мечником.

Я тяжело, со свистом выдохнул, разыгрывая усталость, хотя тело почти не заметило этой разминки.

— А если я вообще не хочу махать деревом и становиться мечником? — хмуро спросил я, вытирая рукавом капли росы с лица.

— Не хочешь стали в будущем? — Дэн удивлённо приподнял бровь, но в его жёлтых глазах не было насмешки. — Магом, что ли, втихаря мечтаешь стать, как наш прыщавый Фейд?

— Да, хочу. А что, в вашей Вероне простым людям это строго запрещено законом?

Принц негромко усмехнулся, но в этой усмешке проскользнула застарелая горечь. Он аккуратно вернул тренировочный меч гвардейцу и повернулся ко мне спиной.

— Вот в этом-то и вся загвоздка, Семён: просто так нельзя. Твоё происхождение и сословие решают всё. На досуге поговори об этом подробнее с Андрэ или с графом Вито. Ну, на худой конец, у Фейда спроси: они про эти суровые законы Академии магии знают куда больше моего.

Он решительно зашагал вглубь леска, на ходу подхватывая свой дорожный кафтан и всем своим видом давая понять, что утренняя тренировка окончена. Обсуждать это дальше он не стал.

Позавтракав, я пошёл искать Фейда. Тот обнаружился у кухни, при деле и с куском пирога в руке.

— Федя, скажи мне, что нужно, чтобы стать бароном?

Молодой барон чуть не подавился пирогом.

— Родиться надо бароном, — с набитым ртом пробубнил он.

— И всё? — не унимался я.

— Наверное, за какие-нибудь заслуги перед короной. Ещё можно выиграть королевские игры, и его величество пожалует тебе титул. Но это лучше у Дэна спроси, я на играх никогда не был.

Я отправился искать Дэна между телегами, мимо пыльных попон и дымящих костров.

— Дэн, что за королевские игры? Федя сказал, что за них можно получить титул.

— Я смотрю, ты время даром не теряешь. Королевские игры проводятся каждый год, в конце ярмарки. Выиграешь, получишь титул. Вижу, ты поговорил с магами? — уточнил он, беря бурдюк с водой.

— Ага, — усмехнулся я.

Принц засмеялся, откинувшись назад и вытянув ноги.

— После твоей пьесы я вообще ничему не удивлюсь. Хочешь, подумаем вместе над идеей? Помогу чем смогу.

— А почему ты мне вообще помогаешь? Мы знакомы-то всего ничего.

Он на мгновение замолчал, уставился в закат, а потом, не глядя на меня, заговорил тихо, но твёрдо:

— Отец, король, всегда говорил мне, что дружбу нельзя купить. А ты… Ты со мной с самого начала был искренним, даже когда узнал, кто я. Ни капли подобострастия. Ты даже поддаваться не стал, когда узнал, что я первый мечник королевства: наоборот, напрягся. А пьесу Агате отдал, мог бы на ней разбогатеть. Ты помогаешь всем, но не как Агата, без напора: сначала спрашиваешь, нужна ли помощь, а потом не бросаешь, даже если трудно. С тобой интересно. Я бы хотел, чтобы ты был моим другом.

Я молчал, не находя слов, потому что такого от наследного принца никак не ждал.

— А я, значит, напролом лезу, да? — раздался весёлый голос Агаты где-то за спиной.

Мы обернулись. Из тени деревьев появилась Агата, прихлопывая тряпкой по фартуку и неся в одной руке поварёшку. На лице у неё играла знакомая озорная улыбка. Она остановилась перед нами, вскинула бровь и театрально взмахнула тряпкой:

— Вот я тебе сейчас как дам — и будет тебе королевский ужин всухомятку!

Она взмахнула тряпкой ещё раз, для пущей убедительности, но, конечно, даже не думала ударить. Вместо этого уселась рядом, шумно вздохнула и облокотилась на край повозки, оттирая уголком фартука капельку пота со лба.

На секунду замолчала, будто что-то обдумывала, а потом почти шёпотом добавила:

— Держитесь друг друга. Вы оба стоите многого. Не потеряйте это.

Она поднялась не сразу. Ещё сидела, обводя взглядом поляну, где собирались актёры и циркачи, прислушалась к фальшивым нотам флейты у соседнего костра и только потом устало встала и пошла к кухне. От котла тянуло горячим паром, варёным мясом и луком.

Я встал и протянул Дэну руку:

— Спасибо. Я не забуду твоих слов.

Мы крепко пожали друг другу руки. Солнце тем временем почти исчезло за горизонтом, и на поляну легла синева сумерек. Кто-то раскладывал посуду, кто-то негромко пел возле костра. Начинались приготовления к ужину.

— Так ты придумал что-то для игр? — спросил Дэн, потягиваясь и вставая.

— А что было на предыдущих? — спросил я. — Не хотелось бы повторяться.

Принц принялся перечислять, и в его рассказе пошли танцы, фанты и какие-то старомодные розыгрыши, от которых за версту тянуло скукой. Пахло дымом и разогретой смолой, за телегами тихо переговаривались артисты. Я щурился, глядя, как дым от костра поднимается в темнеющее небо и тает между ранними звёздами, и кивал, но мыслями был уже далеко.

— Ладно, — сказал я наконец. — Завтра покажу. После ужина спать, а с утра сыграем. Так честнее.

— С тобой всегда так, — вздохнул он. — Как в самом интересном месте обрываешь, и потом всю ночь с мыслями мучаешься.

Глава 8

Каждое утро в караване начиналось одинаково. Дэнис выходил на утреннюю разминку, когда ещё все спали, и первое, что я слышал, прежде чем открывал глаза, был ни с чем не сравнимый свист легендарного клинка. В лагере к этому давно привыкли, и только лошади у коновязи каждый раз переступали с ноги на ногу. Но сегодня я проснулся в тишине.

Я отвёл полог и спустился на деревянный настил. Доски были мокрые и глухо отзывались под сапогами. Ночью прошёл дождь, и туман стоял в низине, так что дальние фургоны тонули в нём до навесов, а первые лучи гасли, не дотягиваясь до земли. Где-то за повозками стукнуло ведро, и звук пропал в тумане сразу, будто его и не было. Тянуло мокрой пенькой и лошадьми.

Моя троица ждала внизу. Туман с Призраком затеяли утреннюю возню в росистой траве, а Мгла сидела ровно и неподвижно, ожидая, куда я собираюсь идти.

Я потрепал её за ухом и пошёл вдоль фургонов, прислушиваясь к лагерю. Сонные артисты в помятых кафтанах выбирались из палаток, повара стучали у полевых кухонь, караванщики проверяли упряжь мохнатых лошадей. Всё шло своим чередом. Только у шатра барона Андрэ не горел фонарь, двое из ночного дозора так и не вернулись к костру, а место принца у дальней коновязи пустовало. Я нахмурился, пригнул плечи и пошёл искать капитана королевской стражи.

Для наследника сначала собирались выделить целую роту охраны, а вышло восемь гвардейцев почётной стражи. Они шли с нами от самой столицы, и каждый держался так, будто от его выправки зависела честь короны. За время, проведённое в пути, я наблюдал за ними с интересом.

Они походили друг на друга, как сосны в одном лесу. Высокие, широкоплечие, в мундирах стального цвета, с длинными мечами на поясе и заряженными арбалетами за спиной, они ухитрялись выглядеть так, словно только что вышли из караулки. Даже в походной грязи их сапоги сияли, а бляхи на поясах были начищены до блеска. В лагере они не держались особняком. Ели вместе со всеми, шутили, смеялись, но четверо из них всегда оставались на дежурстве, а остальные садились к общему котлу. Кони у каждого были свои, и за ними гвардейцы следили сами, без конюхов, чистили скребницей и перед каждым переходом проверяли подковы.

Артур отбирал их для похода сам и знал, кто на что годится. Ни стойки смирно, ни показной строгости он от них не требовал, и они отвечали ему тем, что выходили на смену без напоминаний. В любую непогоду караул сменялся вовремя.

Стоило колонне тронуться, по тракту расходился ровный лязг стали, пыль садилась на металл, а возчики встречных обозов сдёргивали лошадей к обочине.

Только мои волчата не замечали их порядка. Мгла, Призрак и Туман сновали между затянутыми в сапоги ногами гвардейцев, и ни один из восьмерых не сбивался с шага и не оступался на мокрой траве. Мелкая изморось оседала на мундирах, стальное сукно темнело на плечах, а бляхи всё равно горели так, будто их начищали перед дворцовым смотром.

Впереди шёл капитан Артур. В обозе про него знали, что родом он из Катаны, за западными рубежами Вероны, что приехал сюда в свите короля Сатоши Мамору и с тех пор не уезжал никуда. На этом слухи заканчивались, а дальше каждый рассказывал по-своему.

Капитана в шатре не оказалось. Караульные у входа сказали, что он вернулся ещё ночью, один, и ушёл в сторону ольшаника.

В тот день он рассказывал сам, на поваленном бревне у ручья, в тени ольшаника. Деревенские мальчишки прибежали к нашим фургонам ещё утром, сперва их было двое, к полудню вокруг бревна сидело шестеро. Рядом пристроились двое цирковых ребят, а Федя присел поодаль на корточки и делал вид, что оказался здесь случайно. Все глядели на капитана так, словно он вытряхивал из рукава живых голубей.

Они толкались локтями, перешёптывались и ловили каждое слово о поединках с открытым ртом. Один не усидел, вскочил и принялся показывать удар с разворота, за что тут же схлопотал по затылку от старшего брата. Капитан говорил без прикрас и без бахвальства, ровно и по делу, а мальчишки боялись вздохнуть, чтобы не пропустить ни одного слова. Я сидел рядом и слушал, а Мгла лениво развалилась у моих ног.

Первым не выдержал мальчишка лет двенадцати, веснушчатый, в отцовской рубахе до колен. Он выпалил, правда ли, что капитан родом из Катаны, и Артур кивнул, не отрывая глаз от воды.

— Тогда почему вы у нас остались? — спросил второй, тот, что постарше.

Артур сказал, что попросил службы у Франческо Виладжи при всём дворе, без чинов и наград, рядовым защитником короны. Дальше он называл имена и места, а зал достраивался у меня в голове сам. От каменных плит тянуло холодом, воздух был пропитан воском свечей и духами придворных, парча шелестела, шпоры позвякивали, и над гулом висело выжидательное молчание. Король Сатоши долго вглядывался в непроницаемое лицо своего лучшего воина.

— Артур, — голос короля пошёл под своды глухо, и гул за его спиной стих, — вы всегда подавали надежды в стратегии и владении мечом. Я был уверен, что под моим началом вы дослужитесь до самого высокого звания в Катане. — Сатоши подался вперёд, под его руками зашуршал бархат. — Может, всё же нарушите безмолвие… и скажете, что толкнуло вас остаться здесь, вдали от родной песчаной земли?

Молодой воин стоял прямо и смотрел вдаль, за спины правителей. Сатоши усмехнулся и повернулся к венценосному другу.

— Франческо, признавайся, что ты ему пообещал? Этот упрямец и под пытками ничего не скажет.

Франческо Виладжи рассмеялся по-доброму, и в его глазах промелькнули тёплые искорки.

— Друг мой, — Франческо прижал ладонь к груди, и по рядам придворных пробежал шепоток, — ручаюсь, между нами нет ни тайных договоров, ни золотых гор, ни земельных бумаг. Наш молчаливый катанец не просил для себя никаких привилегий. Он потребовал только права служить короне Вероны рядовым защитником, без чинов и наград, готовым отдать жизнь за королевскую семью.

Король Вероны шагнул к молодому воину, под сапогами глухо отозвались плиты. Он задрал голову, вглядываясь в лицо; Артур не отвёл взгляда, только желваки прошли по скулам. И Франческо продолжил.

— Но я маг Жизни и чувствую людей иначе. — Франческо помолчал, повёл рукой. — Здесь замешана женщина. Если бы у любви были крылья, они бы не поместились в этом зале.

Катана и Верона веками держали военный союз, поэтому правители быстро уладили формальности. Они сошлись посреди зала и обменялись рукопожатием. Так Артур стал гвардейцем, сменив каменистые пустоши родины на сады Вероны, а имя его вошло в летописи дворцовой стражи. Мальчишка дёрнул его за рукав, и ручей вернулся вместе с комарами и шёпотом за спиной.

— А правда, что короли жали друг другу руки при тебе?

— Правда, — сказал Артур.

Я слушал и прикидывал, чего стоит такая просьба.

Слухи при дворе, разумеется, вовсю трубили о том, что истинной причиной столь внезапного и кардинального решения Артура была вовсе не скороспелая преданность чужому королю, а глубокая, трагическая любовь к Мойре — прекрасной и весёлой камеристке королевы. Артур полюбил её с того самого первого взгляда, когда их глаза мимолётно встретились на парадном приёме в честь приезда катано-веронского посольства. Бедная девушка, начисто лишённая дворянской спеси и высоких покровителей, ответила суровому воину взаимностью, и этот

их тайный, нежный роман развивался в тени дворцовых колонн с какой-то особенной, обречённой трепетностью.

Артур был человеком безупречной, граничащей с фанатизмом чести, дисциплинированным до крайности, сдержанным в проявлении любых эмоций, пугающе справедливым в суждениях и поступках. Его искренне уважали во дворце не только за невероятную физическую силу и мастерство в бою, но и за острый, проницательный ум, редкую интуицию и способность принимать взвешенные, ледяные решения в самых хаотичных ситуациях. Капитан намеренно и жёстко держался в стороне от любых дворцовых интриг, заговоров или политических махинаций знати, но благодаря своей природной наблюдательности всегда оставался в курсе всех скрытых событий королевства. Его верность данному слову была абсолютной. В воинском искусстве этот суровый катанец был для правителя непререкаемым авторитетом, чьё мнение ценилось превыше всех законов и сословных патентов.

Когда у короля родился долгожданный наследник, принц Дэнис, вскоре выяснилось, что у мальчика полностью отсутствует магический дар. Король Франческо принял твёрдое решение. Если его первенцу не дано повелевать стихиями из Источника, он обязан стать лучшим мастером меча на всём континенте. И доверить это важнейшее государственное дело король мог только одному человеку — капитану своей гвардии. «Настоящий мужчина обязан уметь защищать себя, свой трон и тех, кто ему дорог, без всяких фокусов», — произнёс тогда Франческо, бережно вручая Артуру заботу о новорождённом младенце. Капитан, верный своим привычкам, не стал возражать. Он вообще никогда не спорил, когда речь заходила о долге и чести короны. Приказы короля были для него превыше всего, и воспитание наследника Вероны стало его главным долгом.

Первый тренировочный меч наследник получил в три года. Деревянный, тяжёлый не по росту, с занозливой рукоятью. Королева, у которой сжималось сердце при виде этой игрушки в руках младенца, поначалу протестовала, считая это слишком ранним и опасным. Но в спорах с Франческо она всегда проигрывала. Король был непреклонен во всём, что касалось закалки характера преемника. Лучшие умы государства учили Дэниса арифметике, стратегии, дипломатии, мёртвым языкам и истории континентальных королевств, всему, что полагалось знать венценосцу. Пыльные свитки, от которых щипало в носу, восторга у принца не вызывали. Восторг вызывали простые тренировочные мечи, с которых Артур начинал каждую их утреннюю встречу.

Обучение шло поэтапно. Сперва заучивание стоек и шагов под нудный счёт, потом изнурительные серии выпадов, потом бой на ристалище, где воздух густел от серой пыли. Лени мальчик не терпел и себя не щадил. Если Дэнис брался за меч, он шёл до конца. В семь лет он безошибочно определял, когда гвардейцы нарочно отдают ему победу, и приходил в ярость. В девять составлял план занятий для младших, к одиннадцати требовал от наставников настоящего боя, без поблажек. Его упорство выматывало всех вокруг, и даже каменные стены зала, холодные и в летний зной, казалось, уставали от него.

Из-за столь стремительного взлёта молодого наследника Артуру приходилось постоянно искать для своего ученика новых и новых противников, которых в столице катастрофически не хватало. Вскоре стало очевидно, что никто из сверстников не способен продержаться против юного принца на ристалище даже пару минут. Тогда при дворе было принято решение открыть специальную гвардейскую школу, и вовсе не для поиска талантов, а для того, чтобы отобрать из сотен лучших воинов королевства хотя бы небольшую группу бойцов, способных продержаться против Дэниса несколько минут. Но даже суровая селекция ветеранов не спасала положение — принц не знал усталости, а интенсивность его занятий была столь велика, что во время тренировок у края поля неотлучно дежурили сразу двое приглашённых Магов Жизни. Чародеи были необходимы как лекари, чтобы мгновенно затягивать глубокие раны и ушибы у всех измотанных участников боя… кроме самого принца, который принципиально отказы-

вался от брони, считая защиту слабостью, и никогда не допускал промахов. Дэнис с лёгкостью оттачивал сложнейшие удары с разворота и в прыжке, а его излюбленным испытанием было застывшее на нити кольцо, перед которым он должен был пятьдесят раз подряд остановить молниеносное лезвие в считанных миллиметрах, не задев металла. К шестнадцати годам принц превзошёл всех мастеров Вероны, и единственным, кто всё ещё мог сдерживать его яростный натиск, оставался сам капитан Артур. Но этот учительский триумф длился недолго — уже через год упорных поединков на глазах у короля был побеждён и он.

На шестнадцатилетие принца король Франческо преподнёс ему поистине бесценный подарок, один из парных клинков Дам'аска. Это древнее, грозное оружие, выкованное величайшим кузнецом прошлого из тёмной стали, хранило на своей поверхности причудливые волнистые узоры, напоминающие рябь на воде во время бури. Я внимательно слушал этот рассказ капитана, пока мы сидели на поваленном бревне у ручья.

— А где сейчас находится второй клинок Дам'аска? — негромко поинтересовался я.

— У короля Катаны, за неприступной стеной, — коротко ответил Артур. Обычно скрытный и неразговорчивый катанец сегодня явно поддался мягкому дорожному настроению и рассказывал о прошлом чуть охотнее. Один из деревенских мальчишек не выдержал и восторженно воскликнул, обхватив колени руками.

— Ой, а где же сейчас сам принц? Так хочется на него посмотреть!

Капитан тепло улыбнулся, поднимаясь с бревна и бережно поправляя свой дорожный плащ.

— Он уехал по важным государственным делам, малыш. Но мы останемся в этой лощине, и принц вернётся к тренировкам с первыми лучами солнца. Так что, если не проспите, приходите к опушке, увидите всё своими глазами.

Мимо прошла Агата. Появлялась она без единого звука, и я почуял её раньше, чем увидел. Хозяйка остановилась в двух шагах и осталась стоять. Не села, не перебила, только переводила взгляд с капитана на мальчишек и обратно. Агата едва заметно кивнула мне, будто давно записанное сошлось, и пошла своей дорогой. Шаги её по утоптанной земле были легки, как у девочки, а от полевых котлов за фургонами уже тянуло дымком и сорока тремя дорожными специями.

* * *

Принц Дэнис вернулся под вечер, когда июньское солнце опускалось за горизонт и заливало лагерь тёплым светом. От прогретой за день земли поднималось марево, смешиваясь с запахом похлёбки и дымом костров. Ветерок колыхал брезентовые навесы и яркие лоскуты на повозках комедиантов. Циркачи Агаты собирались у центрального костра. Кто-то перебрасывался шутками, другие чинили сбрую, носили воду, точили реквизит. Шла обычная вечерняя суета, но над фургонами висело затишье — томительное ожидание, какое бывает перед чем-то важным.

Вечернюю тишину разорвал стук копыт. На середину лагеря влетели тёмный жеребец и стройная кобыла, шедшая с ним шаг в шаг.

— А вот и я! — голос Дэна перекрыл стрекот кузнечиков и звяканье котелков. Он на ходу спрыгнул с разгорячённого жеребца и, не давая артистам опомниться, указал на спутницу.

— Я вам Джульетту привёз! Прошу любить и жаловать. Моя двоюродная сестра, герцогиня Шарлотта де Витт. Ну же, Шарлотта, являй себя миру, мы добрались!

Я сидел на отшибе, у дальних фургонов, где костёр казался только пятном света, и потому не сразу понял, что творится у тракта. Лиц приехавших оттуда было не разглядеть. Только две лошади в медовом свету заката да чья-то спина рядом с ними. Я поднялся и пошёл посмотреть.

Шаги я услышал раньше, чем увидел её. Лёгкие, почти невесомые, они отдавались у меня в груди тяжёлым ударом. Шарлотта вышла из-за лошадей в медовый свет заката, и свет лёг ей на плечи, потянулся по траве длинной косой тенью. Стрекот кузнечиков оборвался на полуслове.

Она пошла к нам, не глядя по сторонам и никого не искав взглядом, и лагерь притих следом за ней. Стало слышно, как потрескивают угли под котлами, как переступают у коновязи кони, как где-то за фургоном ложка стукнула о край котла и осталась в нём. Плащ на ней был лёгкий и белый, как облако в безветренный полдень, и в лучах заходящего солнца отливал то фиалковым, то едва уловимым алым. Весь день он тащился в дорожной пыли и остался чистым, ни одна складка не замялась, будто плащ несли на руках. Такие вещи шьют в столице, где всякое платье знати пропитано чарами. Пыль под её сапогами ложилась ровно и не поднималась в воздух, а кобыла отступила в сторону, уступая хозяйке дорогу. От фургонов тянуло дымом, лошадьми и разогретой за день землёй, а от Шарлотты пахло тонким, цветочным, дорогим, и запах этот не имел ничего общего с лагерем.

Волчата, обычно непоседливые, замерли при её появлении. Мгла напряглась всем телом, потом медленно, с достоинством подняла голову и застыла. В её жёлтых глазах не было ни страха, ни настороженности, только тихое узнавание. Так смотрят на того, кого ждали долго. Призрак и Туман, секунду назад возившиеся в пыли, разом притихли. Я стоял, не в силах пошевелиться. Слегка вздёрнутый подбородок, серебристо-серые глаза с ленивой, почти хищной внимательностью, линия губ, едва сдерживающая улыбку. И где-то на краю сознания мелькнула мысль, что я уже видел её. Не здесь. Но видел.

— А кто это тут к нам пожаловал? — раздался спокойный голос Агаты. Она вышла из центрального шатра, вытирая руки о фартук. Шарлотта окинула взглядом циркачей с лёгким удивлением, словно впервые оказалась в такой пёстрой толпе. В её серебристом взгляде было живое любопытство и ни капли высокомерия.

— Позвольте представить Агату, королеву цирка, — Дэн обвёл рукой притихших артистов, чьи лица краснели в отсветах костра, и добавил: — А это её прекрасная труппа, со всеми познакомишься позже.

— Сейчас получишь тряпкой, нашёл королеву цирка, — без злобы проворчала Агата, перекинув тряпку из руки в руку и разглядывая гостью.

К костру тем временем неторопливо подъехали барон Андрэ со стражниками. Артур возник рядом, бесшумно соскользнув с седла, и даже он склонил голову перед Шарлоттой, с едва заметной теплотой в глазах. Дэн подмигнул кузине и шагнул в мою сторону.

— Ну а это, Шарлотта, знакомься, Семён Родионов. Твой будущий Ромео.

Я сглотнул ком, подступивший к горлу. За два месяца в этом мире я так и не узнал местного придворного этикета, да и негде было. Кочевым циркачам Агаты дворянские церемонии ни к чему. Я открыл рот, чтобы сказать что-то достойное, что-то, что она запомнит. И вместо этого неуклюже приподнял руку, невпопад пошевелил в воздухе пальцами и вымолвил одно слово.

— Привет. — Дэн замер на секунду, а потом разразился таким хохотом, что кони у коновязей переступили копытами. Я стоял и чувствовал, как горят щёки. Не от стыда, а от того, что где-то в глубине, за иронией, что-то дрогнуло и потянулось к ней. Граф Вито Гарсия у ствола дуба коротко фыркнул, и на его холодном лице проступила усмешка. Он увидел не крестьянскую дерзость, а странность — у этого парня не было врождённого страха перед высшей знатью. Капитан Артур безмолвно наблюдал за нами со стороны.

Шарлотта на миг растерянно захлопала ресницами, но уже в следующую секунду звонко рассмеялась и покачала головой.

— А-а-а… Ну и тебе привет, Ромео!

Весь напускной герцогский лоск испарился, уступая место живой и тёплой натуре. Шарлотта отмахнулась от хохочущего кузена и мимоходом помахала рукой командиру стражи.

— Привет, Артурчик! — и тут же переключила внимание на притихшую у моих ног троицу. Глаза у неё загорелись. — Ой, а вот они какие… Это правда твои волчата? Они тебя слушаются? Можно их погладить? А взять на руки?

Лавина её вопросов не помогла мне прийти в себя, и я продолжал стоять перед ней с пустой головой. Кое-как справившись с дыханием, я пробормотал:

— Да… это они. Мои, в общем… Не кусаются, ага. — Мгла сидела ровно и неподвижно, застыв у моего бедра и внимательно разглядывая гостью огромными жёлтыми глазами. А Туман с Призраком уселись на задницы и принялись нетерпеливо переминаться, перекидывая передние лапы с места на место. Они ждали не приказа, а обычного человеческого приглашения, поиграть с новым человеком.

Шарлотта охнула и, не заботясь о чистоте дорогой одежды, присела на корточки перед Мглой, запуская пальцы в её мех.

— Ух ты, какая мягкая! — протянула она, и лицо у неё озарилось такой простой, почти детской улыбкой, что у меня снова перехватило дыхание. Герцогской спеси в ней не было. Она потрепала чёрную волчицу за ухом и перевела взгляд на нетерпеливо переминающихся Призрака и Тумана, подмигнув обоим.

— Ну что, лохматые, покажете мне, как у вас здесь всё устроено? — Волчата запыхтели и потрусили вглубь лагеря, увлекая Шарлотту за собой. Люди у костров стали расходиться по своим делам. Я смотрел ей вслед и понимал, что пропал окончательно и безнадёжно. И мне это нравилось. Дэн, проходя мимо, толкнул меня плечом и бросил на ходу:

— Да приди ты уже в себя, Ромео!

В тот же вечер для Шарлотты устроили полное чтение пьесы. Полумрак окутал лощину, циркачи зажгли дорожные факелы, и по фургонам поползли длинные тени. У костра собралась вся труппа. Четверо охранников из гвардии Дэниса, которые по службе до сих пор не попадали на наши чтения, ждали начала на краю поляны. Я вышел к огню, сжимая исписанную принцем стопку пергамента, пахнущего чернилами и дымом. «Ромео и Джульетта» произвела на Шарлотту тот же эффект, что когда-то на артистов. Над лагерем повисла тишина, и её серебристо-серые глаза блестели в отсветах огня.

Когда последние строки затихли, над поляной ещё держалась тишина, только трещали прогорающие угли. Шарлотта резко поднялась. Плечи у неё вздрагивали, а глаза с возмущением уставились на меня.

— Убийца! — её голос дрогнул, и гвардейцы на краю лагеря обернулись. — Что это за финал такой?! Конец обязан быть счастливым, а ты что устроил? Это кошмар!

Я переступил с ноги на ногу, ещё не остыв после чтения, и пролепетал в ответ:

— Так это же трагедия, герцогиня…

— Трагедия — это когда мать теряет своё дитя, а твоя рукопись — чистое безумие! Но… — Шарлотта вдруг остановилась, смешно вытерла ладонями слёзы со щёк и улыбнулась мне. — Но, признаюсь, я в полном восторге.

Она шагнула ближе к угасающему костру и посмотрела мне в глаза, словно пытаясь сорвать с меня маску.

— И всё же ответь, Семён… Это ты сам всё придумал, от первого слова до последнего, или откуда взял такое диво? В Тэн'Арине отродясь никто не писал ничего подобного.

В лагере снова стало тихо. Граф Вито Гарсия в тени дуба перестал дышать и ловил каждое моё слово. Он и сам был поражён услышанным и ждал ответа с подозрением, понимая, что такое невозможно просто выдумать бродячему парню.

Я сделал голос мягким и растерянным, пряча собранность под замешательство человека, запутавшегося в собственном прошлом.

— Герцогиня, после того удара по голове у меня в памяти до сих пор всё перепутано… Месяц назад этот сюжет начал сниться мне по ночам. Яркими вспышками, лицами влюблённых, чужими красивыми фразами. Когда мы сели с Дэном в карете за пергамент, обрывки сами стали складываться в строчки, словно я когда-то это уже слышал. Я и сам не понимаю, как всё это удержалось у меня в голове.

— Ну-ну… Звучит, конечно, не совсем правдоподобно, Семён, но давай пока оставим всё как есть.

Дэн подошёл и отдал Шарлотте листы с её текстом. Бумага, ещё хранившая запах чернил, зашуршала у неё в руках.

— Держи, изучай. — Дэн подмигнул мне и двинулся к костру.

Она взяла листы, прижала их к груди и, резко развернувшись, ушла к своему фургону.

На следующий день караван догнала карета. Мы как раз тянулись в гору между двумя рощами, когда позади, из-за поворота, глухо ударили рога и по колее покатился тяжёлый, раскатистый гул копыт. Обоз шарахнулся к обочине. Мимо фургонов, обдавая всех запахом разгорячённых коней и дорожной пыли, прошли четверо верховых в цветах дома де Витт, за ними шестёрка гнедых, а следом плыла высокая и медленная карета, слишком нарядная для пыльного тракта. Тёмное дерево, оплетённое серебряными нитями, лебеди на бортах, держащие крыльями герб, и крошечные огоньки в стеклянных фонарях, горевшие без дыма и без ветра. Возница на козлах сидел прямой и важный, в бархате и перчатках, с таким видом, будто подъехал к собственному дому, а не к каравану комедиантов. Гвардейцы Артура только переглянулись и взяли арбалеты на плечо. Всё, что приходило к нам в цветах дома де Витт, охраняло себя само.

Шарлотта целых два дня после того вечера не разговаривала со мной и не выходила из кареты, которую предоставил ей принц, пока нас не догнал её личный экипаж. Внутри карета оказалась не из тех, что рисуют в сказках про принцесс. Подушки, откидной столик для пергаментов, кувшин с водой в плетёном гнезде, обшитые сукном стенки, тёплый фонарь под потолком и шторы такой плотной работы, что сквозь них не пробивался ни солнечный луч. Шла карета так мягко, будто колёса ступали не по камню, а по войлоку. За столиком, на котором лежала пьеса, можно было читать в дороге, не расплескав ни капли.

Обида обидой, но она с головой ушла в заучивание роли. Сидела в полумраке на подушках и часами бормотала строки. Во время дневных переездов я придерживал кобылу рядом с каретой и сквозь плотные шторы слышал её голос, повторяющий стихи под скрип колёс. То, что она учит текст, меня радовало, но я не знал её актёрских способностей. Вызубрить строки — одно, мне же надо было увидеть, сумеет ли она играть и вложить в Джульетту живую душу.

Опасения мои развеялись на исходе третьего дня, когда мы начали репетировать вместе. Шарлотта вышла из кареты, не глядя под ноги, шагнула на наш пятачок под каштаном и с первых секунд выдала такую хрупкую и пронзительную искренность, что у меня перехватило дыхание. Я стоял с листами в руках и боялся пропустить слово. Она не декламировала, она, как и принц, жила каждой строчкой. Голос дрожал, пальцы сжимались на невидимой ткани, на середине монолога она умолкла, перевела дыхание и продолжила тише. С того дня репетиции наполнили дорогу особой атмосферой. Мы смеялись, подшучивали друг над другом на привалах, но к работе относились серьёзно, разбирали каждую паузу, каждый неверный выдох. С каждым днём между нами росла негласная близость, и весь лагерь её замечал. Я перестал цепенеть от каждого её жеста, а Шарлотта делала свои ироничные замечания без прежней дворянской колючести, и её смех то и дело оживлял место у нашей кареты.

Однажды после репетиции у открытой кареты нас остановили дети из труппы, взъерошенные, с пылающими от бега щеками. Один мальчишка, шумно дыша, шагнул вперёд и протянул нам свёрток, перевязанный холщовой ленточкой. Внутри оказались две тряпичные куклы. Одна была в аляповатом красном наряде и с крошечной короной из фольги, другая — в чёрном платьице, а глаза ей нарисовали углём так, что казалось, будто они следят за каждым моим движением.

— Это мы? — тихо спросила Шарлотта. Голос у неё дрогнул, а пальцы прижали к груди простую игрушку.

— Жених и невеста! — гордо объявил мальчишка на всю поляну, и щёки у него вспыхнули. Шарлотта смутилась по-настоящему. Румянец выдал её с головой. Я и сам замер, не зная, как отвечать на такую простую искренность.

— Спасибо, малыши… — прошептала Шарлотта, пряча кукол под плащ. — Только, пожалуйста, никому их не показывайте. Дети с визгом умчались к фургонам и оставили нас вдвоём.

Наши отношения с Шарлоттой становились всё очевиднее для лагеря. Мы репетировали, ужинали у одного костра, спорили из-за одной строки и мирились через минуту, и на нас смотрели с добрым пониманием. В караване Агаты этикета не водилось, и герцогиня здесь была просто Шарлоттой.

А перемены в лагере начались не с наших вечеров и не от нас.

Первым это заметил Андрэ, который за годы при дворце привык читать людей по цвету щёк. Синяки у акробатов сходили к утру, не дожидаясь лекаря, а о похмелье после вечернего эля в обозе забыли. Рядом с нами ехала Шарлотта, Маг Жизни, чья сила в королевстве уступала лишь королю Франческо. Сила эта разливалась по лощине раньше, чем её хозяйка успевала сказать слово. У самых усталых на лицах проступала ничем не заслуженная улыбка, а ссоры кончались на второй фразе.

И всё же у костров шептались не об этом. Как-то тёплым вечером мы с Дэном и Шарлоттой сидели втроём на бревне у догорающего костра и обсуждали дорожные мелочи. К нашему кругу бесшумно подошла Агата. Она долго смотрела на нас, а потом сказала медленно и веско:

— Вам троим очень скоро придётся выбирать. — Её голос прозвучал в ночной тишине ровно. — Любовь, дружба или долг перед короной. Выбор неизбежен для каждого.

Слова повисли над поляной. Я хотел возразить, но хозяйка каравана уже отвернулась и ушла в темноту.

Вскоре наш обоз наконец-то остановился на длительную днёвку у величественных каменных стен столицы герцогства. Шарлотта пропадала в лагере с утра до ночи. Утром её видели у полевых котлов, где она пробовала похлёбку и болтала с поварами, днём она сидела с артистами, а дети из труппы ходили за ней стайкой, как за матерью. Каждый её уход, даже на полчаса, оставлял в моей душе гнетущую, осязаемую пустоту, которая с каждым разом становилась всё более невыносимой. Я скучал по ней так отчаянно и сильно, что это новое чувство стало моим постоянным, мучительным дорожным спутником, словно верная тень, упрямо следующая за солнцем. Принц Дэн, разумеется, мгновенно заметил эти разительные перемены в моём поведении. Он подолгу и молча наблюдал за мной у костра, и в его жёлтых глазах воина отчётливо читалось глубокое понимание ситуации, смешанное с лёгкой, затаённой грустью.

— Нам нужно серьёзно поговорить, Семён, — сказал Дэн однажды вечером, когда шпили города вдалеке уже окрасились багрянцем. Голос у него был непривычно тихий. Он отложил деревянный тренировочный клинок, который обычно крутил в пальцах на привалах, и сел напротив, на борт открытой кареты. Несколько мгновений он молча смотрел на горизонт, потом посмотрел мне в глаза.

— Шарлотта моя двоюродная сестра, и ты сам видишь, как она изменилась рядом с тобой. Но есть вещи выше наших желаний. Чтобы сохранить Верону и удержать трон, мы с ней обязаны пожениться по закону короны. Так предрешено не нами, и этот брак — наш долг.

Я молчал. Я не хотел терять Шарлотту, но и предать друга, ставшего мне братом на этих дорогах, не мог. Дэн следил за моим лицом, и на губах у него появилась грустная усмешка. Он хлопнул меня по плечу и тряхнул светлыми кудрями.

— Хотя знаешь что, парень… Не время ещё для дворцовых драм. Пусть всё остаётся как есть. Мы в пути почти два месяца, впереди ещё много времени, успеем насидеться с хмурыми минами перед самой столицей. — Он спрыгнул на землю и зашагал к кострам, оставив тяжёлый выбор отложенным.

Иногда по вечерам я выгуливал волчат, хотя особой нужды в этом давно не было. Звери освоились на дорогах Тэн'Арина, знали каждый уголок лагеря и сами находили себе пропитание. Но стоило мне пойти вдоль опушки, как они шли за мной, Мгла на полшага впереди, Призрак слева, Туман справа. Порядка этого они не нарушали никогда. Для артистов и гвардейцев они оставались просто тремя одинаковыми чёрными подросшими щенками, бредущими по траве вслед за своим человеком.

Проходя мимо площадки акробатов, я замедлил шаг и замер у куста дикой малины. Тим и Трея учили свою трёхлетнюю дочку стоять на огромном цирковом шаре. Девочка в розовой кофточке с вышивкой и растрёпанной светлой косичкой покачивалась на скользкой поверхности и звонко хихикала — от восторга и от страха свалиться на траву. Шар был не меньше метра в диаметре, гладкий, без единого шва, словно выточенный из цельного куска перламутра, тускло отражавшего багровые лучи заходящего солнца.

— Интересно, как он сделан? — раздался голос Агаты так неожиданно, что я вздрогнул. Хозяйка каравана подошла бесшумно, как всегда. Я пробормотал что-то невнятное, а она прищурилась, посмотрела на девочку и тихо добавила: — Тим и Трея и сами толком не знают. Шар достался им от старого мастера. Если хочешь понять, как он сделан, спроси наших магов. Реквизит редкий и дорогой, чары воздуха и огня.

Я удивлённо повернулся к ней.

— А как ты поняла, что я смотрю на геометрию шара, а не на акробатов?

Агата загадочно улыбнулась.

— Хе… Геометрия…

И растворилась в лагерной суете, не сказав больше ни слова.

И тут в голове у меня вспыхнула идея. Если граф Гарсия умеет управлять воздухом и запечатывать материю, почему бы не сделать надувной мяч для настоящей командной игры? Волки разом остановились и уставились на меня. Мгла подняла голову, Призрак предвкушающе заскулил, а Туман прижался к моей ноге.

Я нашёл графа Вито Гарсию и спросил, сможет ли он надуть кожаную сферу и запечатать края с помощью магии огня. Боевой маг ответил, что сможет, и я отправился искать материал. Агата перехватила меня у костра сама, будто заранее всё просчитала, и протянула кусок плотной мягкой кожи, от которой пахло дублением.

— Если задумал сшить, иди к Люсии. Фургон с пёстрыми лентами на обочине, не перепутаешь.

— Спасибо! — крикнул я уже на ходу.

В фургоне Люсии пахло воском, красками и перегаром. Я разложил кожу на широком деревянном ларе и принялся чертить выкройку. Земное образование и память сослужили службу. Я вычертил восемнадцать продолговатых полос, которые должны были соединяться по три, образуя шесть секций вокруг сферы. Мяч складывался у меня в голове сам собой. Люсия отложила цветные ленты и с удивлением следила за моими движениями, а потом усмехнулась, поправляя выбившуюся прядь.

— А ты, оказывается, хитрый парень, Семён. Ну ладно, будет тебе твой… как ты его назвал? Мяч. — Её пальцы, привыкшие к шитью, быстро взялись за дело под скрип иглы.

Через пару часов Люсия вернулась и протянула мне плотно сшитый кожаный каркас, ещё тёплый от её рук. Я поблагодарил её и направился к фургону графа Гарсии. Боевой маг осмотрел сферу с интересом, поднёс к ней раскрытую ладонь, и послушный ему поток воздуха заполнил каркас, натянув панели. Мяч тихонько зашипел. Воздух выходил сквозь швейные проколы. Тогда граф провёл над швами указательным пальцем, крошечная струйка багрового пламени пробежалась по стыкам, запечатывая кожу. Шипение прекратилось, оставив лёгкий запах жжёного чепрака.

— Шар готов.

— Это называется мяч, граф, — поправил я его, забирая упругий кожаный снаряд. Я поблагодарил мага, но уходить не спешил. Помедлив, я посмотрел на дворянина и предложил:

— Знаете, граф… Пойдёмте со мной на поляну, попробуем сыграть. Вы второй месяц едете в обозе и почти всё время сидите один у себя в карете. Игра простая и весёлая, поверьте, отличный способ размять кости после дороги.

Граф удивлённо приподнял густые брови, явно не ожидая такой заботы от простого парня, и сухо отрезал:

— Я, вообще-то, на королевской службе, Семён.

Я усмехнулся.

— А часто вам на этих мирных дорогах приходится заниматься прямым делом? Присоединяйтесь, граф, обещаю, вам понравится.

Дворянин на мгновение задумался и молча кивнул.

Мы направились к центру лагеря и нашли Дэна, который уныло сидел на облучке королевской кареты. Стоило мне объяснить правила и бросить ему сферу, принц сразу согласился. В памяти всплыла старая земная поговорка. «Я за любой кипеш, кроме голодовки». Дэн с его характером под неё подходил. Мы втроём вышли на придорожную поляну и стали перекидывать мяч по кругу, без сеток и столбов. Я показывал Дэну и графу азы, как складывать ладони и мягко отбивать снаряд вверх подушечками пальцев, не зажимая кисти.

Игра на закатной опушке быстро собрала зрителей. Круг расширялся. Первым, кряхтя, прибился Андрэ, за ним двое гвардейцев, отдыхавших после караульной смены, и двое цирковых акробатов. Восемь человек гонялись по траве, удерживая мяч в воздухе, пока вечерние тени ложились на повозки. Я поймал мяч обеими ладонями и объявил запыхавшимся игрокам, что основы они поняли и пора разделиться на команды.

Идея играть команда на команду была встречена одобрительным гулом, хотя никто толком не понимал, что это значит. Командных игр в этом мире ещё не было. Я попросил акробатов принести старую страховочную сетку, и мы натянули её между двумя вкопанными столбами. Вито, увлёкшись и забыв про службу, вышел вперёд и выжег на траве ровные линии площадки, светящийся в июньских сумерках прямоугольник. Делить людей долго не пришлось. К Дэнису примкнули Андрэ и двое гвардейцев, на мою сторону встали двое акробатов и Вито. Первая партия четыре на четыре началась с моей подачи.

Правила для всех оказались простыми, и игра затянула нас с головой. Я видел, насколько нелепой и хаотичной выходила наша первая партия, но в ней было столько искренности, что смотреть без улыбки было нельзя. Прыжки за уходящим мячом, неловкие блоки, падения на траву — всё было по-настоящему. Гвардейцы забыли про воинскую строгость и подставляли под снаряд огромные ладони, Андрэ уморительно падал, Дэн и Вито носились по полю так, что барьеры между нами растворились. Тогда же я ввёл счёт, и азарт вспыхнул с новой силой.

Вокруг площадки собралась толпа. Жонглёры, близнецы-эквилибристы, акробаты и хмурые повара, отложившие вечерние дела. Даже капитан Артур, стоявший на краю поляны с неизменной прямой спиной, смотрел мягче. Когда появился счёт, зрители начали болеть кто за команду принца, кто за нашу четвёрку. При каждом спасении мяча над лощиной разносились вздохи, возгласы и хлопки. Через час мы играли как одержимые, а через два каждый знал, кто силён в защите, а кто в нападении.

Но через три часа, когда на поляну опустилась ночь и мяч различали только по отсветам факелов, которые кто-то из артистов воткнул по краям, на площадку решительным шагом вышла Агата. Появление её в лагере всегда чувствовалось за секунды до того, как она оказывалась рядом, а в голосе сейчас звучала лёгкая гроза, утихомиривавшая самых неугомонных.

— Всё, хватит, — твёрдо сказала она, и игроки замерли. — Развеселились, да? Как дети малые, честное слово. А работать на дорогах завтра кто за вас будет? Расходиться по местам,

выезжаем на рассвете. Поиграете потом, если на стоянках будет время. А не будет — мяч заберу и Люсии на лоскуты отдам.

Голос был непреклонный, и спорить с вожаком никому не пришло в голову. Игроки нехотя разошлись по фургонам, оставив площадку упрямым ребятишкам, которые тихонько катали сферу в своём темпе.

Агата дождалась, пока толпа рассеется в темноте, и неторопливо подошла ко мне.

— Слушай, Семён… — негромко заговорила она. — А ведь здорово ты это придумал. Эта игра для них как глоток свежего воздуха между репетициями трагедии и выступлениями на площадях. Я не против такой забавы, правда. Но в следующий раз предупреждай меня загодя. Хочу знать обо всём заранее, чтобы наш поход шёл по плану.

Я кивнул, а Мгла, Туман и Призрак запыхтели у моих ног.

Во время рассветных тренировок с Дэнисом я иногда втайне останавливал время. Застывшие в воздухе клинки, узор, который они прочертили, капли пота, повисшие на полпути к земле. Смотреть на это было завораживающе. Но у остановки времени был жёсткий предел. Ровно три минуты, ни секундой больше, потом застывший мир срывался с места и возвращался в привычное русло. Поделиться этим чудом мне было не с кем. Никто вокруг не понял бы, что за зрелище — рождение боя в остановленном мгновении.

К своему стыду, однажды тёплым июньским вечером я остановил время ради трёх минут, которые отдал одной Шарлотте.

Она стояла у своей кареты, держа пергамент на отлёте, и повторяла монолог одними губами. Хмурилась, разбирая строку, будто считала шаги. Откинула со лба выбившуюся прядь, прочла первую фразу вслух — тихо, для себя, — и на середине голос у неё сел, и она поморщилась, как школьница над трудным примером. Порыв ветра застыл в складках её белого плаща, подол так и висел в воздухе изогнутой тканью. У коновязи, в свете фонаря, стояла капля, слетевшая с кобыльей губы, и в ней держался розовый отсвет заката.

Смотреть на это было невыносимо именно потому, что она никому себя не показывала. Она не играла ни герцогини, ни Джульетты, а просто училась держать в руках чужие слова и пальцами смахивала с пергамента пушинку, не глядя, привычно, как смахивают крошки со стола. Хронометр в голове отсчитывал мои три минуты, и с каждой минутой я становился голоднее и виноватее. Затылком я понимал, что ворую чужое, и время, и её лицо, а глаза не отводил. Когда стрелка доползла до последней секунды, я запустил ход минут обратно и отвернулся раньше, чем мир успел дрогнуть.

Тогда же я и дал себе слово. Больше никогда. Никогда.

На другой день, на долгом полуденном привале у дубовой рощи, я сидел под старым деревом, прислонившись спиной к коре. Ветер шевелил листву над головой, сквозь крону пробивались лучи и ложились на примятую траву. Тишину разорвал топот маленьких ног. Ко мне подбежал один из цирковых мальчишек, взъерошенный, в пыли, с оторванной шнуровкой на сапоге. Он уставился на мяч, который я держал в руках, и выпалил на одном дыхании:

— А можно… А им можно ногами играть?

Его тонкий голосок дрожал от волнения, а маленькие ручки нетерпеливо сжимались в кулачки. Мальчик смотрел на меня снизу вверх с такой огромной надеждой, словно от моего короткого ответа прямо сейчас зависело что-то по-настоящему великое — не просто минутная дворовая забава, а само будущее. Я на секунду замер, глядя на сияющего мальчишку, и в моей голове яркой, ошеломляющей вспышкой пронеслось видение из прежнего земного мира. Колоссальные стадионы, заполненные до отказа ревущими трибунами, миллионы замерших у экранов глаз, сумасшедшее волнение перед решающим ударом, слёзы от горьких поражений и чистый триумф великих побед… Весь этот завораживающий, интригующий мир футбола, которого в Тэн'Арине пока не существовало даже в виде красивой сказки.

— Думаю, можно, — медленно, с лёгкой усмешкой ответил я, протягивая ему кожаную сферу. — Только аккуратнее там. Смотрите, ноги друг другу не переломайте.

Мальчишка с победным, оглушительным криком: «МОЖНО НОГАМИ!» — со всех ног помчался обратно к опушке, бережно и гордо прижимая к груди упругую кожаную сферу. И уже через минуту на залитой жарким солнцем поляне воцарился счастливый, невообразимый детский хаос. Мяч весело покатился по сочной траве, оставляя за собой неровные примятые следы, а детишки из труппы с визгом и безудержным хохотом бросились гурьбой за ним вслед, кувыркаясь, сталкиваясь и кубарем влетая в мягкие придорожные кусты. От этой простой, весёлой суеты по лагерю мгновенно распространилась удивительная волна беззаботности и тепла. Отдыхающие у своих повозок артисты и расслабленные гвардейцы с добрыми улыбками наблюдали за этой картиной, начисто забыв о дорожной усталости, а барон Андрэ, пристроившись на тенистом облучке, лишь благодушно качал головой, любуясь чистой детской радостью.

Позади послышались шаги. Агата подошла почти неслышно, как всегда.

— Ты понимаешь, что только что запустил новый культ? — тихо сказала она, глядя, как мяч летит в кусты, а за ним несутся три орущих малыша.

— Не преувеличивай. Через неделю забудут, — ответил я, не отрывая взгляда от детей.

— Сомневаюсь, — улыбнулась Агата. — У тебя талант, Семён.

— Какой ещё талант? — спросил я, повернувшись к ней.

— Дар видеть, что будет. Ты не просто показываешь, ты оставляешь что-то внутри. И это тянется за тобой, ложится следом. Не у всех такое есть, — голос её был мягким, но похвала звучала искренняя.

Я промолчал. Мгла подошла и улеглась у ног, прикрыв глаза, а рядом возились Туман и Призрак.

— Шарлотте понравилось, — сказала Агата, глядя, как дети пытаются достать мяч из кустов. — Хоть и сказала, что игра — ерунда. «У знати времени нет, а простолюдины всё равно слишком устают».

— Конечно, — усмехнулся я. — Знать никогда не будет играть в волейбол. Это несерьёзно. Какие у них развлечения? Балы да охота…

— Волей… что? — переспросила Агата, приподняв бровь.

—Волейбол, — пояснил я.

— Сам придумал? Хотя нет, дай угадаю… вспомнил.

Мы оба рассмеялись, и наш смех слился с детскими криками.

Мимо пронёсся мальчишка, запнулся о кочку, но устоял. Поднял мяч, вытер его о рубаху и снова побежал в игру, не оглядываясь.

Глава 9

На улице тем временем лениво разгулялась серая непогода, и вовсю моросил мелкий, затяжной дождь. Прохладные капли мерно и настойчиво стучали по деревянной крыше королевской кареты, создавая монотонный, убаюкивающий ритм, который приятно заполнял всё пространство вокруг. Внутри пахло сухой травой от матраса и старым деревом. Внезапно в деревянную дверь фургона коротко и громко постучали, нарушив мою тишину.

— Не спишь? — в повозку, пахнув сыростью, буквально влетел Федя. Он был весь запыхавшийся, грудь его тяжело вздымалась, а бледные щёки ярко пылали от быстрого бега по лужам.

— Сплю, — негромко буркнул я в ответ, даже не думая отрывать пристального взгляда от капель на мутном стекле окна.

— Смотри! — возбуждённо выдохнул он и с триумфом разжал свои испачканные ладони. Прямо на его бледной коже лежал аккуратный, пушистый комок настоящего снега, маняще искрящийся в тусклом, колеблющемся свете походного фонаря.

— Ух ты… Снег? Ты что, в горы бегал? — Моё удивление в этот миг было по-настоящему искренним. «Фейд» для моего земного слуха звучало чересчур грубо и резко, и я сам незадолго до этого предложил звать его просто по-нашему — Федей, на что молодой маг ничуть не возражал. Остальным артистам в лагере до его персоны было абсолютно всё равно — они продолжали жить своей размеренной жизнью, упрямо не замечая никаких чудес вокруг себя.

— Да ты не понял, — взволнованно покачал он головой, и его жёлтые глаза в полумраке фургона вдруг светились таинственным, лихорадочным огнём. Он торопливо взял стоявшую на лавке пустую глиняную миску, аккуратно зажал в руках тающий комок и что-то негромко, бережно пробормотал себе под нос. Снег, словно по какому-то волшебству, тут же начал стремительно оседать, превращаясь в кристально чистую, прозрачную воду, которая медленно и с тихим плеском стекала на дно миски. Его тонкие пальцы слегка дрожали от колоссального внутреннего напряжения, а по лбу скатилась крупная капля пота. Потом он осторожно накрыл миску своими ладонями и вновь что-то сосредоточенно прошептал. Его шёпот был едва слышен. Спустя мгновение он отнял руки. Внутри миски снова лежал первозданный снег, ярко искрящийся в свете фонаря.

— У меня получилось! И всё благодаря тебе. Только ты в меня в этом лагере и верил, — его прыщавое лицо озарилось счастливой улыбкой, а глаза буквально светились от детской радости.

— Видишь, — я тепло улыбнулся, чувствуя невольную гордость за своего упрямого ученика, — а ты переживал. Наставники в Академии ведь почему на тебе крест поставили? Потому что ты сам в себя ни капли не верил, ходил там тенью, вот они и решили, что заниматься тобой — это пустая трата времени, раз у тебя и связь, и потенциал крошечные. А дело-то вовсе не во мне и не в их дурацких патентах. Ты просто сам наконец-то начал верить в свои силы, парень. Всё зависит только от тебя самого, от твоего упрямства, уловил? Продолжай дисциплинированно тренироваться — и со временем сам увидишь, сколько ещё всего удивительного сможешь сотворить своей волей. Только пока, Федя, никому из караванщиков об этих наших опытах не рассказывай, ладно?

— Попробую дождь в снежинки превратить, — мечтательно сказал он, и его голос в полумраке фургона прозвучал тихо, словно плавная, завораживающая музыка. Он повернулся к залитому каплями окну, устремив взгляд в серую сырость лощины, и на его лице впервые за вечер растаяла баронская скованность.

— Вот, отличная идея! — искренне поддержал я его, чувствуя, как внутри просыпается живой исследовательский азарт.

— Но я не знаю таких заклинаний, — вдруг с горькой обидой произнёс Федя, и его узкие плечи под поношенным кафтаном мгновенно поникли, возвращая его к привычной унылой реальности.

— А где вообще их брать? Эти заклинания? — я постарался изобразить на лице самую искреннюю, наивную заинтересованность, аккуратно прощупывая почву.

— В Академии, конечно. Ну, или в королевской библиотеке, где веками хранятся самые древние свитки и монументальные фолианты, полные истинных магических знаний, — вздохнул он.

Прежде чем ответить, я быстро подумал.

«Любят у них тут пафос».

— Значит, нужно во что бы то ни стало туда попасть, — я задумчиво побарабанил пальцами по колену. — И вообще, Федя, ты целый год учился в этой своей Академии. А вопросы мне сейчас задаёшь такие, как будто на её пороге ни разу в жизни не стоял. Чего ты там вообще делал-то весь этот год? — я не смог и не стал скрывать лёгкого, искреннего раздражения, упрямо глядя на парня.

Федя тут же испуганно потупил взгляд, его бледные щёки густо покраснели от стыда, а пальцы судорожно вцепились в полы кафтана.

— Не надо так резко со мной разговаривать, Семён, я ведь всё-таки благородный барон, — в его голосе явственно прозвучали нотки сословной обиды и уязвлённой дворянской гордости, которую в нём годами вбивали наставники.

— Ой, да брось ты, барон он, — я иронично усмехнулся и небрежно махнул рукой, окончательно сбивая с него эту напускную дворянскую спесь. — Почему тогда я, обычный простолюдин, совершенно ничего не понимающий в местной магии, сижу здесь и на пальцах объясняю тебе, как и что у тебя должно работать? Я-то, в отличие от тебя, ни в каких высоких академиях не учился и патентов от короны не имею. — Я отчётливо понимал, что откровенно перегибаю палку и бью по самому больному, но остановить лавину своего ворчания уже просто не мог.

В полумраке фургона повисла тяжёлая, неловкая тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком капель дождя по крыше. Посмотрев на притихшего, окончательно сдавшегося Федю, я вовремя осознал, что пора заканчивать этот жёсткий разговор, так как слегка увлёкся и ушёл далеко в сторону от нашей главной цели.

— Ладно, Федя, извини, погорячился, — я примирительно улыбнулся и похлопал его по плечу. — Давай продолжим без обид. На чём мы там остановились? Нам во что бы то ни стало нужно попасть в эту королевскую библиотеку.

— Ну и как это сделать? — Федя растерянно захлопал ресницами, и в его голосе снова прорезались прежние сомнения. — Ты ведь даже не маг… Да ты и не барон.

— Приедем в столицу — там на месте и подумаем, — я постарался придать своему голосу как можно больше твёрдости и непоколебимой уверенности, чтобы окончательно развеять его страхи. — Всё у нас получится, верь мне.

После сегодняшнего маленького успеха в глиняной миске Федя действительно начал верить — и в свои собственные скрытые силы, и, может быть, совсем немного в меня. Вскоре он ушёл, тихо прикрыв за собой дверь фургона, а я остался сидеть в полумраке, наедине со своими мыслями и мерным стуком капель по стеклу. С моей точки зрения, Федя был форменным, законченным раздолбаем. Учиться он не хотел, ленился, и истинную причину его наплевательского отношения к магии в данный момент я разгадать не мог.

* * *

Спустя несколько дней наш обоз наконец остановился на затяжную стоянку на унылой, каменистой окраине небольшого провинциального городка. Едва пёстрые фургоны выстроились в защитное полукольцо, Агата подошла к моей повозке и с тёплой, завлекающей улыб-

кой предложила прогуляться до местного рынка — купить к ужину свежих деликатесов, спелых южных фруктов и заодно осмотреть здешние окрестности. Её глаза в лучах полуденного солнца светились искренним предвкушением, а в сильном голосе хозяйки каравана слышалась непривычная, мягкая дорожная теплота.

— Прогуляешься со мной на базар? — Она легонько коснулась моего локтя, и её пальцы сквозь грубую ткань кафтана были удивительно тёплыми и мягкими. — И городок заодно посмотрим. Когда-то, в мою далёкую молодость, здесь было по-настоящему красиво… цветуще, — добавила Агата с лёгкой, щемящей грустью, устремив свой пронзительный взгляд куда-то в синеющую даль. — Ты ведь всё равно сейчас ничем не занят на привале. Может, растрясёшь кости, пройдёшься по улицам — глядишь, и вспомнишь что-нибудь из своего потерянного прошлого.

Я действительно был абсолютно свободен, а потому без особых колебаний согласился на эту прогулку, втайне надеясь хоть немного отвлечься от тяжёлых, гнетущих мыслей. Накануне принц Дэн вместе с Шарлоттой спешно уехали обратно — в столицу герцогства, которую наш караван миновал пару дней назад. Дорога до неё от нашей нынешней стоянки была сравнительно небольшой, и они отправились туда, чтобы навестить дядю герцогини — могущественного Паоло де Витта. С ними поехал и капитан Артур, а остальные гвардейцы остались при обозе. На время их отсутствия главным оставили графа Вито. Меня с собой они, разумеется, не взяли. У меня не было ни знатной крови, ни дворянского патента, и эта сословная пропасть между нами сейчас ощущалась особенно остро и очевидно, став главной причиной того, что меня не взяли с собой.

Как ни хотелось мне в этот раз оставить волков в лагере под присмотром артистов, Мгла категорически отказывалась оставаться у повозки. Она упрямо настаивала. Чёрная волчица глухо ворчала, преграждала мне путь своим мощным телом, и ни уговоры, ни окрик не могли заставить её остаться позади. Тем временем Призрак с Туманом вели себя совершенно иначе — они по-прежнему прятались в глубокой тени под телегой, лениво положив морды на лапы, и даже не пытались выглянуть наружу, полностью игнорируя наши сборы.

Перед самым выходом из лагеря старший из гвардейцев, оставшихся при обозе, коротко объявил, что нас будут сопровождать двое его людей. Он пояснил, что здешние приграничные места в последнее время стали крайне неспокойными, и профессиональная вооружённая охрана на людных улицах нам точно не помешает. Так с нами в путь и отправились двое стражников — широкоплечие, рослые молчуны в тяжёлых синих плащах с искусной серебряной вышивкой по краям. Они дисциплинированно шли на расстоянии пяти шагов немного позади, принципиально не вмешиваясь в наш разговор, но само их молчаливое присутствие всё равно ощущалось весьма тяжёлым, давящим грузом. Их кованые сапоги глухо и размеренно стучали по разбитой мостовой, а длинные боевые мечи тихо, в такт шагам, позвякивали в ножнах под складками сукна, напоминая о суровой реальности этого мира.

Агата всю дорогу упрямо пыталась разговорить меня, надеясь выведать хоть какие-то новые крупицы или подробности из моего загадочного прошлого. Вопрос за вопросом — добрые, искренне заботливые, а местами чересчур настойчивые, сыпались из её уст на протяжении всей ходьбы. Её сильный голос вожака сейчас звучал на удивление мягко, словно она пыталась аккуратно проникнуть в самые потаённые, заблокированные уголки моей памяти и помочь мне нащупать нить прежней жизни.

Сам городок встретил нас тишиной, сквозь которую изредка прорывался приглушённый гул голосов. Узкие, кривые улочки были по колено засыпаны гниющим мусором, в лужах стояла серая вода, а над мостовой держался стойкий запах сырости и плесени. Здесь никто не смеялся. Люди шли быстро, глядя себе под ноги, расходились при встрече и обрывали разговор, стоило нам приблизиться на шаг. Когда впереди шагнули гвардейцы, толпа раздвинулась сама собой, на начищенную сталь здесь смотрели так, как смотрят на огонь.

— Во что же он превратился, этот когда-то милый, уютный городок… — едва слышно прошептала Агата и остановилась посреди грязной площади. — Всего-то лет десять прошло с момента моего последнего визита, а кажется, будто с тех пор миновала целая вечность.

На городском базаре, куда мы наконец добрались, было значительно шумнее, но даже этот суматошный рыночный гул казался каким-то натянутым, искусственным и фальшивым. Торговцы отчаянно, срывая глотки, перекрикивали друг друга, завлекая редких прохожих к своим скудным прилавкам. Наперебой предлагали привозные острые приправы, сушёные фрукты, странные копчёности неизвестного происхождения и серые, кислые лепёшки, щедро посыпанные яркими специями. Их хриплые голоса звучали почти безумно, словно они всеми силами пытались доказать самим себе, что прежняя жизнь всё ещё продолжается. Кто-то ел прямо на ходу, торопливо и жадно запихивая куски еды в рот, кто-то яростно спорил о цене, срываясь на визг, а кто-то просто застыл с пустым, омертвевшим взглядом — ничего не покупая и ни на что не надеясь, будто покорно ожидая скорого прихода чего-то ещё хуже.

Над рядами висел едкий запах табака и сивушного спирта, который пили прямо у телег.

Мы неторопливо шли вдоль массивной каменной стены, у подножия которой прямо в дорожной пыли несколько человек были намертво скованы между собой ржавыми, тяжёлыми цепями. Их тусклые глаза, полные беспросветной безысходности и тупой покорности судьбе, безмолвно следили за каждым нашим шагом, словно отчаянно искали призрачного спасения в глазах чужаков. Несчастные стояли на коленях, закованные в грубые кандалы, с низко опущенными головами; их исхудавшие, покрытые грязными синяками плечи заметно дрожали от пронизывающего зябкого холода, пробивавшегося сквозь дырявое тряпьё. Местный стражник лениво прислонился к покосившемуся деревянному копью рядом с ними, шумно и безразлично жуя кусок вяленого мяса. Его поношенная куртка с полуоторванным, выцветшим гербом была покрыта сальными пятнами, а сам взгляд оставался абсолютно пустым, сытым и равнодушным, словно он видел подобные сцены человеческого унижения сотни раз за свою скучную службу. Вокруг пленников то и дело собиралась небольшая толпа любопытных зевак, но никто из горожан не осмеливался подойти ближе или заговорить, будто панически боясь случайно заразиться чужим страшным несчастьем. Мгла, чутко уловив моё внутреннее напряжение, резко остановилась рядом, её чёрная шерсть на загривке едва заметно приподнялась, а жёлтые глаза хищно зафиксировали фигуру торговца.

— Какое мерзкое, отвратительное место. Здесь даже сам воздух насквозь пропитан чужой жадностью, — сквозь зубы процедил я, чувствуя, как в горле мёртвым комом застревает горький привкус дорожной пыли, гнева и отчаяния. Для моего разума, выросшего в цивилизованном обществе, подобная дикость была непонятной. — Всё как и везде, всеми делами правят исключительно грязные деньги.

Агата, чутко заметив мой тяжёлый взгляд, устремлённый на кандалы, понимающе вздохнула и тихо ответила, наклонившись к моему уху.

— Скорее всего, это рабы, Семён. В Вероне за такое полагается штраф, но до границы отсюда полдня, и на окраинах давно живут по своим правилам. Последний Верховный маг был ярым, непримиримым противником рабства и беспощадно боролся с этой заразой, карая работорговцев. Но ровно двадцать лет назад он внезапно и загадочно исчез, следом за его исчезновением за одну ночь поднялась призрачная Туманная Стена… и на долгие десятилетия этот промысел ушёл из наших земель. Теперь же преграда тает, старые тропы открываются, и вся эта гниль стремительно возвращается обратно. Только вот защитить этих бедолаг и по-настоящему бороться с человеческой алчностью на Тэн’Арине больше некому.

Эту печальную историческую хронику на континенте знал абсолютно каждый. Её с искренним, глухим сожалением пересказывали в трактирах и у походных костров при любой удобной возможности — как старую, красивую легенду о навсегда утерянной и несбывшейся надежде. За два месяца дороги я слышал эту историю от погонщиков, от трактирных служек

и от мальчишек на заставах, и всегда одними и теми же словами, будто её заучили наизусть. Тогда я ещё слушал с интересом.

— А давай ты со временем сам станешь новым Верховным магом и раз и навсегда искоренишь эту заразу со всей земли? — вдруг с мягкой усмешкой сказала Агата, дружески толкнув меня локтем в бок.

— Да отстань ты от меня, — хмуро буркнул я в ответ, упрямо качнув головой. — Что вы все, простолюдины и знатные, вечно надеетесь на какое-то чудо? Ждёте, что однажды придёт кто-то великий и за вас решит все ваши проблемы, спасёт от невзгод. Я бы на его месте никого спасать не стал. Тем людям, которым помощь на самом деле не нужна, ты всё равно никогда не поможешь, — мой голос прозвучал на удивление твёрдо и холодно, несмотря на стоявший вокруг рыночный гам.

Агата лишь молча пожала плечами, и на её строгом, высеченном из камня лице на миг отразилось лёгкое разочарование от моих прагматичных слов. Тем временем толпа вокруг начала испуганно шушукаться, заметив приближение наших гвардейцев. Торговец рабами, лохматый и грязный мужчина, чья одежда воняла застарелым потом, чесноком и тухлой рыбой, заприметил нас издалека. Он инстинктивно подтянулся, оценив фигуру Агаты и чёрного зверя у моих ног. Мгла сделала шаг вперёд и издала самый тихий, грудной рык, от которого у работорговца сразу пропало всякое желание панибратски улыбаться.

— Подождите пока здесь, — негромко обратилась Агата к гвардейцам принца Дэниса, стараясь перекричать нарастающий рыночный гам и звяканье посуды. — Я сама подам вам знак рукой, когда нужно будет подойти ближе!

Оставив настороженную охрану позади, мы решительно двинулись к массивной каменной стене, аккуратно проталкиваясь сквозь плотную, пахнущую дёгтем и прелой рыбой толпу зевак. Я вплотную подошёл к торговцу, испуганно озиравшемуся по сторонам, и сухо спросил:

— Сколько ты просишь за этих людей?

— Один золотой за каждого! — нетерпеливо прокричал он в ответ, брызгая слюной и перекрывая весь этот бурный рыночный шум. — Заберёшь сразу всех шестерых — так и быть, отдам за четыре золотые монеты! Всё равно они только жрут мои скудные припасы, никто в этом проклятом городе брать их не хочет, одни убытки!

— Кто они такие и откуда взялись? — я нахмурился.

— Мне их отдали в счёт старого долга, — торговец нервно вытер усы грязным рукавом. — Вроде как на их караван в горах напали, эти вот чудом выжили, а мне теперь возиться. Вот и достались мне на мою голову.

— То есть перед законом они не преступники и каторжные клейма на них нет?

— Не думаю, парень. Но кто их сейчас разберёт в этой неразберихе на границах. Я просто свои кровные долги забираю, и больше меня ничего не интересует!

— И часто ты вот так живыми людьми на рынках торгуешь? — мой голос стал заметно холоднее.

— Ты что, парень, просто поболтать со мной сюда пришёл или зубы мне заговорить?! — его голос сорвался на визгливый крик, а в глазах мелькнула алчная злоба.

Я решительно обернулся к пленникам, чувствуя, как глубоко внутри против воли закипает глухой, праведный гнев. Я присел перед ними на корточки, заглядывая в осунувшиеся лица.

— Кто вы такие на самом деле и почему оказались в этих кандалах?

— В двух словах всю нашу беду не объяснить, добрый человек, — глухо отозвался один из мужчин, и его слова едва пробивались сквозь рыночный гвалт. — Мы ехали с богатым торговым караваном далеко на север, в Сиднею. Но на одном из каменистых плато на нас внезапно напали какие-то сильные маги, а следом за ними — безжалостные разбойники. Караван сожгли, людей перебили, а мы вот так и оказались в этих цепях на позорной площади.

Я удивлённо повернулся к стоявшей рядом Агате, и мой слух мгновенно уловил тончайшие нюансы их речи.

— Они говорят не как мы, — сказал я Агате. — Слова я понимаю, а выговор чужой. Твёрже, короче, будто каждый слог откусывают.

— Они родом из Катаны, — пояснила хозяйка каравана, разглаживая полы своего платья. — Там, за Снежным хребтом, свой выговор, испокон веков. Понимать друг друга нам помогает Источник, а вот читать их древние свитки или писать катанские буквы без долгого обучения у тебя не получится. А, ну да… я и позабыла совсем, ты ведь после того удара по голове ничегошеньки не помнишь про устройство наших земель.

— Покупать будете?! — нетерпеливо проорал торговец рабами, брызгая слюной и нервно оглядываясь, словно боялся, что товар отнимут силой.

Я взглянул на Агату, ища её поддержки, и коротко бросил:

— Давай им поможем.

Она всё поняла без лишних слов, лишь по моему решительному взгляду.

— Ты не сможешь в одиночку выкупить всех, Семён, — тихо сказала она, наклонившись к моему плечу, пока вокруг шумел базар. — На твои скромные припасы простолюдина далеко не уедешь.

— И не надо всех. Только этих шестерых, — твёрдо ответил я.

— Если берёте — гоните четыре золотых и проваливайте живее! — торговец нервно переступил с ноги на ногу, его голос сорвался на хрип. — У меня и без вас в этот базарный день дел по горло!

Когда именно Агата подала условный знак рукой гвардейцам, я даже не заметил, настолько был поглощён пленниками. Но двое широкоплечих ветеранов из личной стражи принца подошли в самый нужный момент. Их грозный, суровый вид, начищенная до зеркального блеска имперская сталь и тяжёлые синие плащи с серебряной вышивкой мгновенно сбили всю спесь и наглость с самозваного работорговца.

— Мы можем прямо сейчас забрать их в столичные казематы как опасных государственных преступников. Совершенно бесплатно! — громом прогремел голос одного из гвардейцев, с лёгкостью перекрывая весь рыночный шум площади.

— Что они преступники — это вам в магистрате ещё доказать надо! — испуганно заверещал торговец, пятясь назад и утыкаясь спиной в каменную стену.

— Тогда мы прямо сейчас заберём тебя самого, — жёстко отрезал второй стражник, многозначительно положив ладонь на тяжёлую крестовину меча. — За незаконную и тайную торговлю свободными людьми на веронской земле!

Тон торговца рабами резко сменился, стал угодливым и заискивающим.

— Ну что вы, господа воины, зачем же сразу так сурово… Один золотой! Один-единственный золотой за всех — и забирайте этих доходяг к своим фургонам!

Агата открыла свой кожаный кошель на поясе и стала что-то там неторопливо искать среди звенящей мелочи. Заметив её заминку, я сам решительно залез пальцами прямо в её раскрытый кошелёк, наощупь вытащил оттуда две монеты, истинного достоинства которых в тот момент даже не представлял, но по блёклому цвету металла понимал, что это точно не золото, и уверенным движением отдал их торговцу. Торговец вопросительно, с явным недоумением уставился на меня, переводя взгляд с тусклых кругляшей на ладони на мою дорожную куртку. Я в ответ лишь также сделал самое невинное, искренне удивлённое лицо и спокойно спросил:

— Какие-то проблемы?

Торговец испуганно сглотнул, покосился на замерших позади меня гвардейцев, спорить не решился и спешно спрятал монеты за пазуху.

Тот самый стражник, что жевал мясо у стены, поднялся, вытер руки о куртку и неторопливо подошёл к нам.

— Торговля на земле барона — пошлина барону, — сказал он и протянул ладонь. — С шестерых голов — шесть медяков.

Торговец за его спиной задохнулся от возмущения, но промолчал. Два королевских гвардейца стояли ближе, чем ему хотелось бы.

— Пошлину платит тот, кто торгует, — ответил я. — Он и заплатит. А если барону интересно, кого здесь продают, пусть спросит у капитана королевской гвардии Артура.

Стражник посмотрел на синие плащи, потом на меня, не сказал больше ничего и вернулся к своему копью.

На этом короткий разговор закончился. Мы забрали несчастных пленных. Тяжёлые кандалы и железные цепи снимать прямо на рынке мы умышленно не стали — чтобы по пути через людные городские переулки бедолаги в панике не сбежали и снова случайно не угодили в чьи-то цепкие, алчные руки. Вся наша компания дружно двинулась сквозь рыночные ряды обратно по направлению к выходу из города.

У самого выхода с базара Агата поравнялась со мной и пошла рядом, глядя прямо перед собой.

— Ты хоть видел, что взял у меня из кошелька?

— Нет, — честно ответил я.

— И узнать не хочешь?

— Не хочу. Мне всё равно, сколько там было.

Она прошла несколько шагов, прежде чем вздохнуть.

— Шестеро живых людей за две монеты.

— За две монеты, — согласился я. — По-моему, он ещё дёшево отделался.

Агата покосилась на гвардейцев, шагавших в пяти шагах позади, и спорить не стала.

По пути Агата, вовсю торгуясь и пробуя товар, всё-таки накупила себе целую гору разнообразных местных приправ, ароматных масел, сушёных трав и всяких экзотических специй — в общем, абсолютно всё то, зачем изначально и пришла этим утром на городской базар.

Вернувшись обратно к нашему каравану, пленных осторожно усадили на брёвна прямо у моего фургона. Воздух был намного чище и свежее, чем на душном рынке, приятно пахло свежей сосновой древесиной, костровым дымом и мохнатыми лошадьми. Один из гвардейцев, прежде чем уйти на свой дозорный пост, наклонился ко мне, и его синий плащ слегка зашелестел по траве.

— Охрану возле них оставить, парень?

Я спокойно покачал головой, уже полностью чувствуя всю огромную тяжесть принятого мной решения.

— Не надо. Спасибо вам за помощь.

— Артуру скажу, как вернётся, что люди куплены, — гвардеец выпрямился. — Он не любит узнавать о таком последним.

— Скажи. Мне скрывать нечего.

Я медленно подошёл к людям в порванной одежде и грязных, сохнущих повязках. Их тела источали тяжёлый запах, а глаза смотрели исподлобья, напряжённо ожидая от новой реальности чего угодно — удара, крика или резкого приказа. Я присел перед ними на корточки, чтобы быть на одном уровне с ними, и сказал мягко, без какого-либо командного тона, стараясь, чтобы каждый из шестерых услышал мои слова.

— Слушайте меня внимательно. Сейчас наши люди снимут с вас эти кандалы. Вас сразу же накормят горячей едой. Потом сможете спокойно помыться в реке и получите чистую одежду. Никто в этом караване вас больше не обидит. Как вы понимаете, бежать бессмысленно, потому что здесь к вам относятся намного лучше. Кто из вас старший?

Один из мужчин медленно поднял руку. Он был сухощав, с острыми скулами и небольшой бородкой, но в его позе сквозило скрытое достоинство человека, привыкшего вести за собой людей, а взгляд оставался прямым и твёрдым, словно закалённый стальной клинок.

— Вы не попытаетесь сбежать? — спросил я, пристально глядя ему прямо в глаза и проверяя его на честность.

— А куда бежать-то? — он едва заметно усмехнулся, и в его сильном голосе прозвучала горькая ирония. — Здесь нам всяко будет лучше. Переоденут, покормят горячим… Для нас это сейчас почти как несбыточный, прекрасный сон.

В этот самый момент к моему фургону как раз неторопливо подошла Агата. Её платье мягко шелестело при каждом шаге по траве, а на застывшем строгом лице выражалась волевая решительность. За ней послушно следовали двое лагерных помощников, бережно неся в руках тяжёлые свёртки с чистым сукном и большие плетёные корзины с едой, от которых по всей поляне тут же поплыл густой, аппетитный аромат жирного мясного бульона, лаврового листа и свежевыпеченного хлеба.

— Расходимся, ну-ка расходимся! — зычно повысила свой сильный голос Агата, решительно обращаясь к любопытным зевакам из числа артистов, которые уже вовсю начали сбегаться и толпиться вокруг, чтобы поглазеть на происходящее. — Не мешаем Семёну заниматься благотворительностью. Он у нас в караване теперь, оказывается, ещё и благородный покровитель всех угнетённых.

В её словах, как обычно, прозвучала лёгкая, добродушная насмешка, но внимательные глаза оставались абсолютно серьёзными. Под её строгим и пронзительным взглядом вожака праздная толпа циркачей нехотя рассеялась, оживлённо перешёптываясь между собой и бросая на бедолаг косые взгляды. Гвардейцы принца подошли ближе и точными, выверенными ударами инструментов ловко помогли сбить омерзительные, въевшиеся в кожу ржавые оковы, а Мгла, Туман и Призрак молча сидели неподалёку, внимательно и дисциплинированно наблюдая за каждым движением солдат своими немигающими жёлтыми глазами. Сразу после этого новых гостей лагеря бережно отвели к прохладной реке, где они наконец-то смогли смыть с тел дорожную грязь, спёкшуюся кровь и все видимые следы былого рыночного унижения.

Вернулись они обратно к моему фургону уже совершенно другими людьми, умытыми, опрятными, переодетыми в простые, но добротные шерстяные дорожные кафтаны, а в их измученных глазах теперь читалась осторожная, робкая благодарность. Я развёл жаркий, весело потрескивающий костёр. Мы все уселись на брёвна вокруг огня. За моей спиной, у самого края света, стоял граф Вито Гарсия и молча слушал. Я негромко начал, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче и спокойнее.

— Я хотел бы узнать, кто вы такие на самом деле и откуда держите свой путь. Теперь вы полностью свободны и, если пожелаете, можете встать и уйти отсюда прямо сейчас, никто вас силой удерживать не станет. Но, может быть, вы сначала расскажете нам свою историю?

Агата, скрестив руки на груди у самого края фургона и слегка нахмурив свои густые брови, весомо добавила:

— Мы сейчас движемся строго в сторону столицы королевства. Отдохнёте у нас пару дней, окрепнете, наберётесь сил — а дальше можете спокойно идти куда хотите, никто вас насильно держать не будет. Главное, чтобы вы по глупости не попались в лапы кому-нибудь ещё на этих приграничных дорогах.

— Он старший. Его и спрашивай, — сказал один из пятерых, кивнув на человека с бородкой, и снова уставился в огонь. — Мы ему верили не первый год, верим и сейчас. Что он скажет, то и будет.

Мужчина, которого я сразу приметил на площади, неторопливо поднялся с бревна и придвинулся ближе к костру. Его движения были размеренными, выверенными, словно каждый жест после всего пережитого давался ему с огромным трудом, но какая-то врождённая, глубо-

кая стать всё равно отчётливо выделяла его среди остальных спутников; внимательный взгляд на миг скользнул по товарищам — те лишь безмолвно смотрели в огонь, и в глубине их расширенных зрачков отражались танцующие языки багрового пламени.

— Нас бы ни за что не захватили на тракте, если бы не эти маги, — его голос в вечерней тишине лощины прозвучал глухо. — Мы умеем драться. Вот только до боя дело не дошло.

Он резко запнулся на полуслове, тяжело, со свистом выдохнул, и его широкая грудь судорожно вздымалась от страшного внутреннего напряжения, а исхудавшие руки против воли сжались в плотные кулаки. После долгой, гнетущей паузы, во время которой обычный треск сосновых поленьев в костре казался нам обоим по-настоящему оглушительным, мужчина упрямо поднял подбородок и продолжил.

— Мы были не кучкой беженцев. Я Михо Мамору, и этот караван вёл я. Больше четырёхсот человек, вереницы навьюченных верблюдов, шёлковые знамёна, тяжёлая охрана. Мы шли в Сиднею — возобновлять торговлю и переписывать старые договоры. Всё шло хорошо. До одного поворота дороги.

Я слушал его рассказ, затаив дыхание и совершенно не перебивая, а моя феноменальная память тем временем чётко и безжалостно фиксировала каждое его слово. Мой разум, запертый в теле выжившего простолюдина, лихорадочно сопоставлял эти новые факты с тем, что я успел узнать на дорогах Вероны. Если элитную боевую гвардию Катаны, славящуюся своей невероятной выучкой по всему Тэн'Арину, раскатали за считанные мгновения, значит, враг обладал поистине колоссальной, пугающей мощью.

— Они появились ниоткуда, — Михо сурово сжал зубы, уставившись в колеблющееся пламя. — Это была не наша магия. Сначала с неба пошёл огонь и сжёг знамёна. Потом в землю ударили молнии так, что каменистая твердь дрожала под нашими ногами, словно живая. Вода срывалась с утёсов и на лету превращалась в ледяные копья, пронзая людей, лошадей и верблюдов прямо сквозь тяжёлые доспехи. Мы не успели построиться. — Он замолчал, глядя в огонь. — Потом стало тихо. А после тишины пришла боль, от которой тело перестало меня слушаться.

— И всё же вы выжили, — тихо и глухо сказал я.

— Лишь несколько человек из четырёхсот, — его глубокий голос заметно дрогнул, и в нём с новой силой прорезалась застарелая боль выжженных воспоминаний. — В самый пик этого безумия огромный кусок скалы отвалился от утёса и чудом частично укрыл нас от летящих ледяных пик. Мы пролежали под этим каменным завалом два долгих дня, затаив дыхание и боясь пошевелиться, точно мертвецы среди сотен мертвецов, и беспомощно слушали, как в лощине медленно затихают хриплые стоны и отчаянные крики умирающих товарищей. А потом пришли безжалостные приграничные мародёры. Они лениво обшаривали пепелище, бесстыдно забирали уцелевших, а тех из раненых, кто просто не мог самостоятельно подняться и идти, без малейшей жалости добивали на месте. Нас наспех связали грубыми верёвками и спешно погнали прочь, а потом просто продали за бесценок или отдали в счёт старых долгов тому лохматому торговцу рыбой. Я не знаю, что происходило во внешнем мире дальше. Твёрдо знаю лишь то, что это было самое страшное, жуткое зрелище, которое мне довелось повидать за всю мою жизнь.

Он окончательно замолчал, его взгляд был намертво прикован к огню, словно в этих танцующих языках пламени он всё ещё отчётливо видел кровавое отражение пережитого им кошмара. Багровые отсветы костра трепетали в его глазах, озаряя их алыми искрами, а в самой глубине зрачков по-прежнему читалась невысказанная, глубокая боль.

— Мамору, — тихо повторил я. Так звали короля Катаны, и эту фамилию я слышал на дорогах не раз. — Значит, ты… самый настоящий принц?

— Да, — он упрямо вскинул голову. — Я наследный принц Катаны. И клянусь тебе всем, что у меня осталось — я исполню абсолютно любую просьбу человека, который сегодня спас мне жизнь и вытащил из этих позорных кандалов меня и моих людей.

— Я ничего не слышала, — сказала Агата, проходя мимо с пустой чашкой в руке, и даже не приостановилась. — Это не моя тайна. Про наследного принца, конечно, рассказать надо, только лишние вопросы нам ни к чему. Дел с Катаной у нас сейчас никаких, а что будет, если привезти его в столицу, неизвестно. Пока об этом никто не знает, отвезём его до границы как простого человека из Катаны, и всё.

Вито подошёл и сел на бревно недалеко от меня. Он не проронил ни слова, только смотрел в огонь, и по его лицу было видно, что он что-то решает про себя.

— Любую? — я позволил себе лёгкую, лукавую усмешку, прагматично пытаясь хоть немного разрядить эту удушливую, излишне напряжённую лагерную атмосферу. — Даже если эта просьба окажется… весьма непристойной?

Он впервые за весь этот долгий, тяжёлый вечер искренне улыбнулся — сдержанно, почти по-детски, и в этой мимолётной улыбке было столько подлинной человеческой искренности и глубокой благодарности, что вся дворянская спесь слетела с него в один миг.

— Я уверен, Семён, что ты совсем не такой человек. Ты ведь даже понятия не имел, кто мы такие на самом деле, когда выкупал у той стены. Но всё равно спас. И за этот благородный поступок я буду искренне благодарен тебе до самых последних дней своей жизни.

— Ну ладно. Тогда просто накрепко зафиксируй в своей памяти, что ты передо мной в долгу. Когда-нибудь в будущем — может быть, это знание мне и пригодится, — я задумчиво потёр подбородок, пристально глядя на яркое пламя костра, которое продолжало отбрасывать длинные, причудливые тени на лица собравшихся вокруг людей.

Мы молча переглянулись. Впервые за всё время — не как испуганный спасённый и его спаситель, а как абсолютно равные люди, внезапно объединённые одной большой общей тайной и суровым дорожным испытанием. В этом коротком, прямом взгляде между нами отчётливо читалось нечто гораздо большее, чем просто обычная человеческая благодарность.

— Есть хоть какие-то предположения, кто именно на вас напал? — спросил я, чувствуя, как внутри против воли нарастает глухое напряжение.

— Нет, — Михо Мамору медленно покачал головой, и его голос в ночной тишине лощины прозвучал глухо, словно доносясь из глубины высохшего колодца. — Но это были невероятно сильные, безжалостные маги. С такой сокрушительной мощью в одиночку смог бы справиться разве что сам легендарный Верховный маг. Да и то, пожалуй, не один.

— А что ты вообще знаешь о нём? — я пристально прищурился, пытаясь ухватиться за новые крупицы знаний об этом мире.

— Только по старым рассказам и дворцовым хроникам, — Михо тяжело вздохнул, и его уставший взгляд устремился в бездонную ночную темноту над хребтом. — Он бесследно исчез ровно двадцать лет назад. При его негласном правлении на всём континенте Тэн'Арин не было ни позорного рабства, ни этой проклятой Туманной Стены на рубежах. Он лично и жёстко следил за нерушимым равновесием между всеми королевствами. Его внезапное исчезновение кардинально изменило весь наш мир. И теперь на Тэн'Арине очень многие втайне надеются на его скорое возвращение.

Я молчал, задумчиво глядя на догорающий огонь. Сколько раз за последние недели пути я слышал от совершенно разных людей одну и ту же историю? Двадцать лет. Туманная Стена. Таинственное исчезновение Верховного мага. И каждый местный житель говорил об этом с такой искренней, глубокой тоской, словно вспоминал родного человека, будто эта давняя потеря оставалась личной, незаживающей трагедией для каждого из них.

— Семён? — тихо окликнул меня катанский принц, и его голос мгновенно вывел меня из затянувшейся задумчивости. — Вы ещё со мной?

— Да, — я коротко встряхнул головой, решительно возвращая свой разум к осязаемой реальности. — Всё нормально, я просто задумался. Далеко тебе вообще добираться до дома?

— Нет, — Михо уверенно указал рукой в сторону чернеющих на горизонте величественных горных хребтов. — Там, у самого подножия горной дороги, раскинулся пограничный город Плинта. Как раз в том самом месте, где туманная преграда недавно исчезла полностью. Всего день хорошего пути — и мы окажемся прямо у нашей законной границы. Я уверен, что с той стороны уже давно стоит наш передовой отряд и вовсю ищет пропавшую экспедицию.

— Довезём, — коротко сказал я.

— И всё? — он перевёл взгляд на меня, и в его голосе прозвучало лёгкое, искреннее разочарование, словно он ожидал от своего спасителя чего-то более масштабного.

— Пока — да, — я равнодушно пожал плечами. — Ты ведь сам обещал безропотно исполнить мою просьбу. Но я её, видишь ли, ещё просто не придумал.

— Тогда обязательно приезжай в Катану, — его жёлтые глаза в отсветах углей внезапно загорелись ярким азартным огнём. — Клянусь, в нашей цитадели ты будешь самым почётным и желанным гостем.

Мы обменялись с ним крепким, по-настоящему мужским рукопожатием, и я отчётливо почувствовал, как в этом простом жесте была заключена не только сухая купеческая благодарность.

* * *

Два дня наш караван тянулся вдоль хребта, и эти два дня Михо ехал рядом с моим фургоном. Он был старше меня всего на несколько лет, но в дороге об этом забывалось. Он держался так, будто всю жизнь ходил с обозом. Мы говорили о том, что теперь открывается за тающей Стеной, о пошлинах и караванных тропах, о том, кого в Катане можно купить, а кого не купить ни за какие деньги. О себе я молчал. Вечерами он подолгу смотрел на моих волчат.

Пограничная застава Вероны стояла у подножия горной дороги, на голом каменистом плато, где из-за ветра не росло ни одного дерева. Пограничники без документов не пропустили бы и наших волов, поэтому старший из гвардейцев поехал с нами и сам разговаривал с начальником заставы. Дважды доставал из-за пазухи грамоту с гербом принца Дэниса, о чём-то спорил вполголоса, и всё-таки пятеро выкупленных пленников и Михо получили право шагнуть за невидимую черту.

Прощались мы коротко. Михо стоял передо мной в дорожном кафтане из наших запасов, с заметной штопкой на плече, и в этом кафтане выглядел куда больше принцем, чем в своём расшитом камзоле.

— Я хочу услышать твою просьбу сейчас, — сказал он. — Пока я не перешёл эту черту, я просто человек, которого ты выкупил на базаре. Дальше я буду должен тебе как принц, и это уже совсем другое дело.

— Значит, пусть будет как принц, — ответил я. — Просьбы у меня пока нет. Но уговор я помню, и ты его не забывай.

Он впервые за эти дни рассмеялся — коротко, по-мальчишески, и один из гвардейцев у телеги обернулся на этот смех посреди голого плато.

— Подожди, — Михо поднял руку. — Я не могу дать тебе ничего. На плато с меня сняли перстни, цепь, даже пряжки с кафтана. Слово — это всё, что у меня осталось.

Мы отошли втроём, и принц сказал негромко, так, чтобы слышали только я и граф Вито:

— Я, Михо Мамору, наследный принц Катаны, в долгу у Семёна из обоза Агаты — за свою жизнь и за жизнь своих людей. Приходи ко мне, Семён. Не за подарками — за делом.

Мы молча стиснули друг другу предплечья, и он пошёл через плато, не оборачиваясь.

Следом за ним двинулись остальные. У самого рубежа я разглядел за утёсом всадников и знамя. Михо не ошибся. Его искали и ждали.

Я смотрел ему вслед. Долг наследного принца был единственной монетой, которую я успел заработать в этом мире.

— Так лучше, — сказал Вито. — В столицу его везти было нельзя, неизвестно, чем бы это кончилось для двух государств. О том, кто он, знают только Агата, вы и я. Пусть так и останется.

Я кивнул не сразу. Всё время, пока мы ехали до границы, граф Вито, как всегда, больше молчал, чем говорил, а теперь сам решил не распространяться об услышанном перед герцогом Паоло, которому обязан подать рапорт, хотя никто из нас об этом его не просил. На кону у него было всё, чем он держался при дворе, и он знал это лучше меня. В моём коротком списке тех, кому здесь можно верить, стало на одно имя больше.

* * *

Принц, Шарлотта и капитан Артур вернулись в караван на следующий день после того, как мы проводили Михо. Теперь, когда все заботы остались позади, мы с ней часто коротали вечернее время за неспешными, уютными разговорами у фургонов, пока на поляне шумно шли репетиции нашей трагедии. Герцогиня, как и всегда, была полна своих фирменных остроумных замечаний.

— У них в лагере кто-то в бочке с питьевой водой мёд растворил, что ли? — спросила Шарлотта, чутко принюхиваясь к прохладному воздуху и лениво щурясь на ласковые лучи июньского солнца. — Или это я сама уже окончательно отвыкла от нормальной, простой еды за пределами дворца?

Я не смог сдержать мягкой усмешки, поворачиваясь к ней.

— Это всего лишь пихта, Шарлотта. Видимо, кто-то из возниц случайно задел телегой старое дерево на опушке, и теперь из коры густо течёт свежая живица. Запах от неё, конечно, на редкость стойкий. Но в одном ты безоговорочно права — полевая кухня Агаты действительно творит самые настоящие чудеса.

— О да… — мечтательно протянула Шарлотта, прислонившись спиной к борту повозки. — Сорок три редкие дорожные специи, и каждая из них находится строго на своём месте. Хотя… признаться честно, этот ваш постоянный лагерный шум начинает меня понемногу утомлять. Чувствую себя сейчас точь-в-точь как после пышного придворного бала — снаружи на лице дежурит вежливая улыбка, а внутри — дикая головная боль.

От этих пустых, но таких приятных и убаюкивающих разговоров нас, как обычно, спасла внезапно подошедшая Агата.

— Скучаете тут сидите, голубки? А ну-ка, быстро берите ноги в руки и прогуляйтесь! Тут неподалёку в чащобе есть одно чудесное, уединённое озеро. Погода на улице стоит просто отличная, как раз спокойно искупаетесь и отдохнёте от этого балагана.

Мы с радостью согласились на её предложение и сразу же отправились в путь. Шумный лагерь, раскинувшийся у весело журчащего ручья, стремительно остался позади. Узкая, еле заметная тропинка, причудливо извиваясь между стройными вековыми соснами, уводила нас всё глубже в лесные дебри. Деревья здесь казались какими-то странными, недоросшими, словно капризная природа Тэн'Арина в спешке просто забыла их до конца вырастить. Прямо под нашими ногами мягко пружинил зелёный мох, источающий густой аромат прелой хвои и влажной земли. Старый, засыпающий лес бережно окутывал нас своей таинственной атмосферой, медленно наполняя уставшую душу долгожданным спокойствием и умиротворением.

Вскоре мы окончательно свернули с протоптанной караванщиками тропы, пробираясь сквозь густые заросли кустарника. Мягкий, плотный ковёр из опавшей сухой хвои бережно приглушал каждый наш шаг. Лёгкий июньский ветерок, игривый и непостоянный, лениво колыхал пожухлые лесные листья с ржавыми, побуревшими краями — будто кто-то невидимый когда-то давно провёл по ним своей раскалённой огненной кистью. Мгла упрямо бежала чуть впереди нас, выполняя роль бдительного и верного стража. Туман и Призрак остались

в лагере. Когда мы преодолевали очередной поваленный ствол, я случайно коснулся своими пальцами тёплой руки Шарлотты; она мимолётно смутилась, но тут же открыто и очень нежно улыбнулась мне в ответ.

Поляна возникла перед нами совершенно неожиданно, словно вековой сосновый лес неохотно и медленно расступился в стороны, открывая чужакам своё самое сокровенное, тайное место. В самом центре этого туманного пятачка лежал древний исполин — сосна, вывороченная бурей много лет назад. Её массивный, побелевший от времени ствол почти горизонтально подпирал каменистый склон и издалека напоминал обломок гигантской кости, а кривые, голые ветви, торчавшие в стороны, застыли в вечном безмолвном крике. У самых корней исполина зияла глубокая тёмная трещина, доверху заполненная опавшей листвой, словно пустой рот, обветренный безжалостным временем.

Шарлотта с удовольствием опустилась на выступающие из земли корни древнего дерева, раскинула руки и потянулась, наслаждаясь моментом покоя. Мгла, моя верная спутница, устроившись у её ног, с интересом наблюдала за окружающим миром своими внимательными глазами. Лёгкий ветер играл с её густой чёрной шерстью, создавая причудливые вихри на её загривке. Солнечные лучи золотили кончики ушей волчицы, придавая ей почти волшебное, сказочное сияние.

— Пойдём к озеру или ещё посидим? — спросил я, наслаждаясь моментом покоя.

— Посидим, — протянула Шарлотта, откинув голову назад и прикрыв глаза. Её лицо казалось умиротворённым, словно она наконец-то нашла свой уголок тишины в этом шумном мире.

Я не мог отвести от неё глаз. Солнечные зайчики танцевали на её длинных ресницах, создавая причудливую игру света и тени. Внутри меня разливалось необычное чувство — не страсть и не желание, а что-то более глубокое, спокойное, как дыхание самого леса, как неизбежность смены времён года.

Внезапно Мгла вздрогнула всем телом. Её чуткие уши встали торчком, словно локаторы, улавливая малейшие звуки. Тело волчицы напряглось, словно тетива лука перед выстрелом. Она подняла голову и издала тихое, но угрожающее рычание. Её грудь тяжело вздымалась, а нос поднялся вверх, вынюхивая едва уловимый запах опасности.

— Что такое? — Шарлотта приоткрыла глаза, мгновенно почувствовав перемену в атмосфере. Её голос звучал настороженно, но спокойно.

— Тихо, — прошептал я, поднимая руку в предупреждающем жесте. — Не двигайся.

Мгла, словно чёрная стрела, стремительно взвилась вверх прямо по пологому наклону вывороченного ствола, цепляясь когтями за малейшие неровности сухой коры. Её движения были точны и расчётливы, будто она всю жизнь тренировалась бегать по таким наклонным поверхностям. Ближе к вершине поваленного гиганта она замерла, вытянув шею, её ноздри широко раздувались, ловя малейшие запахи. Лес, казалось, действительно замер, даже птицы перестали щебетать.

И тут появились тени. Сначала одна, тёмная и бесформенная. Затем вторая, третья. Они возникали будто из ниоткуда, словно сама природа порождала их. Ещё и ещё. Волки. Их глаза светились, а шерсть отливала серебром в лучах солнца. Стая окружила поляну полукругом, держась на почтительном расстоянии, но не приближаясь.

Шарлотта побледнела, её дыхание стало прерывистым, пальцы вцепились в подол платья.

— Я… я боюсь, — прошептала она, и в её голосе слышалась настоящая паника.

Я машинально потянулся к поясу — туда, где должен был висеть нож. Но его не было. Проклятая беспечность! Тяжёлая мысль пронзила сознание, что я не смогу её защитить.

И именно в этот миг запредельного отчаяния мы услышали её вой. Пронзительный, оглушительный, полный первозданной дикой силы и ярости, этот леденящий душу звук пронёсся над замершей поляной, ударяя нам в грудь, словно боевой клич древнего племени.

Вся серебристая стая замерла на месте, словно каменные статуи, в один-единственный миг. Воздух вокруг вывороченного ствола будто мгновенно стал гуще и тяжелее, мешая дышать. Мгла, не раздумывая ни секунды, мощным толчком прыгнула с наклонного дерева прямо вниз, навстречу опасности. Из-за юного возраста и слишком стремительного роста её лапы ещё не до конца обрели идеальный баланс. При затяжном приземлении в траву волчица слегка неловко покачнулась, завалившись на бок и забавно чихнув от поднявшейся сосновой пыли. Но уже в следующее мгновение она упрямо выпрямилась во весь свой рост, её чёрная шерсть встала дыбом, образуя вокруг тела плотный грозный ореол. Морда была жёстко напряжена, уши плотно прижаты к голове. Маленькая по меркам этих лесных монстров, но ни капли не испуганная, она была полностью готова принять свой самый первый, а возможно, и последний смертный бой.

В этот момент самый крупный серебристый волк медленно вышел на середину пятачка, и их жёлтые глаза встретились. Ни один из них не шевельнулся, и стало слышно, как у меня колотится сердце. А затем лесной зверь едва заметно повёл ушами, покорно опустил свою массивную голову к самой траве и согнул переднюю лапу в глубоком, почтительном жесте. Вожак поклонился подросшему щенку.

— Он… он что, поклонился? — едва слышно, испуганным шёпотом выдавила из себя Шарлотта, не веря собственным глазам и судорожно сжимая мою ладонь.

Я тихо ответил, чувствуя, как дикое мышечное напряжение наконец-то постепенно отпускает моё тело, уходя в каменистую землю, словно прохладная волна отлива.

— Похоже на то, герцогиня.

Вся огромная стая начала исчезать так же плавно, беззвучно и стремительно, как и появилась, призрачные серебристые тени просто растворялись в густом подлеске. Спустя минуту о них напоминал лишь резкий, мускусный запах дикого зверя да лёгкое, едва заметное дрожание воздуха там, где они только что неподвижно стояли. Мгла спокойно вернулась к нам, преданно ткнулась мокрой мордой в бедро Шарлотты и тихонько запыхтела, словно без слов говорила ей, что всё хорошо и бояться надо не нам. В этот самый момент на поляну, словно два маленьких лохматых урагана, с шумным пыхтением и задором выскочили Туман и Призрак. Они примчались из лагеря, почуяв опасность, а теперь, когда всё кончилось, с весёлым визгом с разбегу столкнулись друг с другом грудь в грудь, смешно перекувырнулись в воздухе, тут же вскочили на лапы и снова принялись как ни в чём не бывало играть, виляя хвостами от чистой радости. На самом краю поляны, там, где сосновый лес плотно смыкался с открытым пространством, вдруг на миг мелькнули три тёмные фигуры в глубоких охотничьих плащах с капюшонами. Они застыли живыми изваяниями, внимательно наблюдая за этой картиной. Охотницы исчезли так же бесшумно, будто их здесь никогда и не было.

— А этим-то что здесь от нас нужно было? — удивлённо фыркнула Шарлотта, небрежно поправляя растрёпанные ветром и недавним волнением золотистые волосы. Её голос всё ещё слегка дрожал, но в нём уже явственно проступали нотки аристократического раздражения. — Настоящие дикие волки — это понятно, лес всё-таки их территория. Но охотницы из нашего обоза? Что им-то здесь понадобилось?

— Лучше пока никому в лагере об этой встрече не рассказывать, Шарлотта, — тихо произнёс я, заглядывая ей в лицо. — Кажется, мы только что обрели в этих краях очень сильных союзников. Только кланялись они не нам.

— Согласна, — порывисто кивнула она, а затем, к моему величайшему изумлению, резко подалась вперёд и импульсивно обняла меня руками за шею. Её прикосновение было лёгким, почти невесомым, но в этом быстром жесте скрывался весь тот испуг, от которого её сердце до сих пор бешено колотилось в груди. Шарлотта горячо чмокнула меня в щёку и тут же испуганно отстранилась назад, густо покраснев от собственной внезапной смелости. Она лукаво

прищурилась, её губы тронула нежная, озорная усмешка, и она тихо добавила: — Но каков мой рыцарь… сразу потянулся за ножом, так отчаянно хотел защитить свою принцессу.

Она тепло улыбнулась, и мы дружно двинулись обратно к лагерю.

По дороге обратно в лагерь нас сопровождала эта необычная, контрастная и на редкость весёлая процессия. Впереди, словно важный почётный страж, степенно шествовала Мгла; её чёрная шерсть всё ещё местами стояла дыбом, но в жёлтых глазах уже не было прежней боевой тревоги. По бокам от тропинки шумно кружили Туман и Призрак. Они то и дело с азартом врывались в придорожные кусты, кувыркались в густой пыли, гонялись друг за другом и были бесконечно счастливы и беззаботны. Я шёл молча, бережно придерживая Шарлотту под локоть на скользких участках мха, а моё лицо в этот момент глупо горело от тепла её внезапного поцелуя. Мой разум тщетно пытался разложить это странное чувство по полочкам, но все мерки впервые в жизни пасовали перед глухой лавиной человеческих эмоций. Обоз тем временем жил своей обычной, сонной жизнью, словно вообще ничего не произошло. Где-то на окраине привычно гремели тяжёлые медные котелки, кто-то лениво спорил у повозок о сущих пустяках, а кто-то напевал незатейливую дорожную мелодию. Никто из артистов или расслабленных гвардейцев стражи даже не заметил нашего возвращения с лесного озера. Я обернулся к Шарлотте у самой коновязи и тихо повторил, чувствуя необходимость ещё раз подчеркнуть важность молчания.

— Шарлотта, только… помни, никому ни единого слова о том, что было на поляне.

— Угу, — коротко ответила она, забавно копируя мою обычную ледяную манеру речи, и, больше не оборачиваясь, уверенно направилась к своему фургону, грациозно покачивая бёдрами.

Я пошёл к себе — медленно, глубоко погружённый в свои непростые мысли.

— Агата, ты просто не представляешь, что с нами только что произошло! — вдруг звонко донёсся до меня её восторженный голос со стороны центральной повозки, полный девичьего энтузиазма.

Я от этих слов даже не стал оборачиваться назад. Только замер на одно мимолётное мгновение у колеса, тепло улыбнулся и понимающе покачал головой. «Женщины, — подумал я с лёгкой, доброй усмешкой. — Они всегда и везде одинаковые».

Часть 4. Де Сильва, битва гарнизонов

До столицы оставалось совсем немного, и наш караван не торопился. Мы успевали к ярмарке с хорошим запасом по времени, а потому лениво тащились по бескрайним королевским землям. Впереди простирались залитые солнцем земли герцогства Орнели… или, как некоторые говорили в лагере, Орнетти; я так и не смог окончательно разобраться, какое из двух названий верное. Из-за этого в караване то и дело разгорался шутливый спор. Прыщавый Федя с пеной у рта доказывал, что правильно говорить «Орнели», ссылаясь на свои академические свитки, а наши лагерные повара у костра отмахивались от него поварёшками, упрямо называя земли «Орнетти».

Наш маршрут пролегал не через столицу герцогства, а через соседнее графство де Сильва, чьи владения граничили с ней вплотную. К усадьбе графа мы поехали втроём: Дэн, Шарлотта и я. Хотя я был уверен, что в приглашении, судя по всему, значились только первые двое.

Ещё с поворота тракта я увидел у ворот двух огромных чёрных буйволов и до самой ограды был уверен, что они живые.

Изваяния были выше створов ворот, а в длину с нашу повозку с конём. Обветренный камень потемнел до черноты, в швах пророс мох, а широкие, как крышка стола, лбы отполированы до блеска. В этом месте к ним прикасались сотни рук. Оба зверя стояли, опустив головы к самой земле, будто принюхиваясь к дороге, и у обоих была приподнята передняя нога. Морды их почти сходились над дорогой, рога на миг перекрещивались, и с того места, где мы остано-

вились, они читались как один знак, а не как два зверя. Изваяния стояли наискось к тракту, так, чтобы каждый въезжающий проходил между их мордами.

— Это не украшение, — сказал Дэн, осаживая своего вороного. — Буйвол — их знак. Он у де Сильва на щите, на печатях и на воротах.

— Самый старый род в королевстве, — добавила Шарлотта и поехала первой, ровно между мордами. — Соседи по три раза переписывали гербы, подбирали себе орлов, волков и лилии, которых отродясь не видали живьём. А де Сильва свой знак не меняли никогда.

Мы проехали между ними молча. У входа нас не встречали ни парадный караул, ни чиновники. Хозяин вышел навстречу в простом кафтане и сам придержал стремя герцогине. За столом он накладывал гостям сам, расспрашивал меня про дорогу и про трагедию, которую мы играем, и ни разу не спросил, чей я сын и откуда я родом.

Дэн в шутку предложил прямо на ходу выдумать для меня какой-нибудь звучный благородный титул и красивое имперское имя, но Шарлотта тогда лишь лукаво усмехнулась, и я не стал развивать эту тему. Впрочем, думаю, дело было вовсе не во мне и не в моей скромной персоне — граф де Сильва с огромным удовольствием принял бы за свой богатый стол даже самого обычного бродячего артиста, лишь бы рядом с ним на хозяйских стульях сидели наследный принц и герцогиня крупнейшего герцогства королевства. Дэн весь вечер развлекал разговорами молодую графиню Марию де Сильва — девушку с тихим голосом и лёгкой, чуть насмешливой улыбкой. Она двигалась так, будто её учили этому с четырёх лет, без жеманства, но и без простоты, и я поймал себя на мысли, что видел когда-то похожее лицо, кажется, у актрисы из моего прежнего мира. В каждом её мимолётном жесте безошибочно чувствовалось благородное происхождение и утончённое воспитание знати.

На заманчивое предложение гостеприимного графа остаться на ночлег в его поместье мы вежливо отказались, хотя, признаться честно, в глубине души я отчаянно и сильно мечтал о мягкой постели, белоснежных чистых простынях и благословенной тишине, не нарушаемой изнуряющим скрипом деревянных колёс наших походных повозок. Но Дэн в этот вечер был абсолютно непреклонен — по его твёрдому мнению, нам пора было немедленно двигаться дальше. Уже в пути, когда мы оставили далеко позади уютно освещённые окна усадьбы и въехали в прохладную, густую тьму векового леса, принц резко осадил своего коня прямо посреди тракта и требовательно развернулся ко мне в седле.

— Ты же мне так и не показал свою обещанную новую игру. Для Королевских игр, Семён.

— Что ещё за игра? — Шарлотта мгновенно обернулась на его слова, ловко подтянув кожаные поводья своей кобылы.

— То есть это я, по-твоему, виноват, что тебе её до сих пор не показал? — я лукаво усмехнулся, чувствуя, как внутри разливается приятное, осязаемое тепло от её внезапного внимания.

— Конечно, ты. Это ведь твоя личная игра, — упрямо настаивал Дэн, и его жёлтые глаза воина задорно блестели в серебристых отсветах взошедшей луны.

— Ага, это я, значит, таинственно исчезаю из лагеря на несколько дней, потом внезапно возвращаюсь, немного репетирую трагедию и снова куда-то исчезаю, безжалостно бросая своих друзей на дорогах… Отвечайте честно, благородный принц Дэнис, или вы всё-таки коварный и заносчивый Тибальт? — я просто не мог сдержать лёгкой, дружеской насмешки.

Шарлотта весело и звонко рассмеялась от этой нашей пикировки, едва не выпустив поводья из рук. Изысканное вино в графстве де Сильва оказалось на редкость ароматным, лёгким и хмельным, и теперь его тёплое послевкусие приятно кружило нам головы под лесной кроной, делая всех нас в этот полуночный час более разговорчивыми, открытыми и весёлыми.

— Поехали уже спать, — шутливо проворчал Дэн, но в его звонком голосе не было и капли настоящей злости. — Завтра с утра пораньше всё мне и покажешь. Только давай дого-

воримся, не перед самым завтраком. Я должен быть полностью бодр, свеж и отдохнувшим, чтобы по достоинству оценить эту твою хвалёную гениальность.

Мы лишь молча и согласно кивнули, полностью разделяя его практичное дорожное решение. Глубокая ночь окончательно укутала каменистый тракт своим плотным тёмным плащом, и наш маленький отряд словно без следа растворился в её первозданной тишине. Лишь изредка в прохладном воздухе слышался приглушённый топот копыт да тихое, мерное поскрипывание деревянных колёс повозки, нарушающее безмолвие спящего леса. Яркие звёзды щедро рассыпались по бескрайнему небу, словно кто-то невидимый с высоты пролил целую горсть драгоценных камней, а полная луна освещала путь призрачным, серебристым светом, превращая обычную чащу в волшебное царство движущихся теней и мягких бликов. В такой удивительный момент казалось, что впереди нас ждёт только хорошее, а все былые тревоги и страхи навсегда остаются где-то позади, в уютно освещённых окнах оставленного нами поместья.

Утро после де Сильва выдалось на удивление тихим. Повар не срывался на помощников из-за пересоленной каши, лошади у коновязи не били копытами и не тянулись с привязи, хотя обычно чуяли сборы за версту, а двое мальчишек, вчера дравшихся из-за мяча, гоняли его вдвоём и хохотали так, что их слышала вся поляна.

Агата понимала, отчего лагерь дышит ровнее. Про дар герцогини ей рассказал Дэн ещё на второй день пути, вскользь, как рассказывают про редкую породу лошадей. С тех пор она стала садиться у костра рядом с Шарлоттой, хотя привыкла сидеть поодаль, и говорила с ней без той осторожности, с какой говорят с высокородными гостями. А на исходе второй недели Агата поймала себя на том, что считает не дни до следующей стоянки, как обычно, а дни до ярмарки, тот день, когда Шарлотта покинет караван.

Прохладный утренний воздух лощины был до отказа наполнен звенящим ритмом тренировочных клинков — неугомонный Дэн уже вовсю разминался на песчаном пятачке. Я неторопливо вышел на поляну. Принц, мгновенно заметив мою фигуру, весело помахал мне свободной рукой.

«Опаздываешь, Ромео!»

Вступать в пустую болтовню на рассвете не хотелось, и я просто молча начал свою стандартную спортивную разминку, глубоко погрузившись в геометрию движений. Ровно через час нас громко позвали на завтрак. Общий сбор труппы нас в это утро вообще не касался — все основные репетиции трагедии были строго запланированы на вторую половину дня. За обеденным столом я мимоходом заметил бледного Федю — молодой маг сидел глубоко в стороне от остальных, полностью погружённый в свои невесёлые мысли, и почти не обращал никакого внимания на окружающую его суету. После сытного завтрака мы направились к моему фургону. У нас оставалось ещё несколько чистых листов пергамента, которые уцелели после того, как Дэн старательно записывал за мной всю трагедию. Но чтобы попусту не тратить и не портить эту чистую бумагу, я решил проще: сначала объяснить правила новой игры прямо на земле, аккуратно начертив сетку обычной сухой палочкой в дорожной пыли.

Шарлотта и Дэн поначалу смотрели на меня с полным недоумением, пока я подробно объяснял им саму суть этой странной и незнакомой забавы. Их глаза округлились от искреннего изумления, когда до их разума наконец начала доходить вся логика и скрытая тактика правил. Мы быстро провели несколько коротких пробных партий на уменьшенных полях размером шесть на шесть и семь на семь клеток, заменяя фишки мелкими каменистыми осколками. Их ответная реакция превзошла все мои самые смелые ожидания — они были по-настоящему поражены до глубины души.

— Это… просто невероятно! — поражённо выдохнула Шарлотта, и её нежный голос заметно дрожал от искреннего удивления. — Как подобное вообще можно было придумать?

В этот самый момент возле нашего фургона, как всегда совершенно неожиданно, появился вездесущий барон Андрэ. Принц Дэн среагировал мгновенно. Одним точным движе-

нием он накрыл наши рисунки в дорожной пыли полой своего широкого плаща, сурово отрезав:

— Это знание пока строго не для всех, барон.

Лекарь, к его чести, лишь понимающе улыбнулся и ушёл в сторону постов без малейших обид, но в его хитром взгляде всё равно отчётливо читалось искреннее, жгучее любопытство.

— А меня в свою компанию возьмёте? — вдруг раздался тихий, спокойный голос Агаты, которая подошла к нашей карете абсолютно бесшумно, словно настоящий лесной призрак.

Мы с Дэном коротко обменялись понимающими взглядами и чисто по-дружески, без лишних церемоний и уговоров, раскрыли перед хозяйкой каравана все секреты и правила игры, показав их прямо в дорожной пыли. Агата, совершенно не скрывая своего искреннего восхищения моей придумкой, удивлённо покачала головой, её глаза засияли, и она восторженно произнесла:

— Сёма, ты словно принёс нам в караван чистую частичку совершенно другого, неведомого мира. Это просто невероятно!

Разделившись на две команды, мы решили определить очерёдность первого хода с помощью простого дорожного жребия. Агата без всяких колебаний согласилась играть на одной стороне с принцем, а я был только рад, что в моей тактической команде окажется Шарлотта. И вот первый законный ход по жребию достался команде Агаты и Дэна. Принц азартно прищурился, вглядываясь в пыльную сетку, и его уверенный голос громко объявил координату.

— А один!

— Мимо, — с лёгкой улыбкой ответил я, с интересом наблюдая за тем, как лица наших соперников в секунду выражают целую гамму самых ярких, забавных и неподдельных эмоций.

Внезапно вспыхнувшая игра мгновенно захватила нас всех с головой. Истинный дорожный азарт и бурные эмоции буквально били через край, словно мы участвовали не в простой ярмарочной забаве, а в самом настоящем, жестоком сражении на каменистом плато. Шарлотта, затаив дыхание, с лихорадочным блеском в серебристых глазах следила за каждым моим ходом, прекрасно понимая, что эта игра может стать настоящим феноменом при дворе — одинаково доступной и увлекательной как для высшей знати, так и для простых людей. Назвать эту настольную битву привычным земным именем «Морской бой» у меня, конечно же, никак не получилось. В королевстве Верона попросту не существовало грозного военного флота — лишь редкие рыбацкие лодки да небольшие купеческие шхуны лениво бороздили прибрежные воды, а потому морская тематика местным жителям была совершенно чужда. Зато в веронской армии абсолютно всё испокон веков строилось на строгой системе десятков, сотен, гарнизонов и крупных военных соединений. Именно поэтому, после недолгих тактических раздумий, я уверенно предложил новое название «Битва гарнизонов». Оно словно само собой идеально легло на суровую суть игры, и все собравшиеся с бурным восторгом согласились. В наступившей после нашей победы короткой тишине принц Дэн вдруг резко хлопнул меня по плечу, его жёлтые глаза воина горели неудержимым огнём, а в голосе звенела непоколебимая гордость.

— Не пройдёт и месяца, Сёма, как ты станешь бароном!

Представление игры королю на простом листе бумаги или в дорожной пыли казалось чем-то совершенно несолидным и неуместным для празднеств такого уровня. Но проницательная Шарлотта, словно прочитав мои тайные мысли, мгновенно предложила выход. За изготовление игры взялась сама герцогиня. Напряжённо поспрашивав о некоторых важных деталях у меня и уточнив особенности механики, она решила, что сама лично поедет обратно к себе в герцогство де Витт, где располагались прославленные мебельные мастерские, создававшие изысканные вещи для самого королевского дворца. В воздухе вокруг нашей кареты сразу повисла особая атмосфера предвкушения. Шарлотта твёрдо вознамерилась объяснить мастерам на месте, как и что нужно будет делать, чтобы игра получилась воистину королевским подарком, способным поразить воображение самого монарха.

Я без лишних сомнений доверился безупречному чутью Шарлотты и полностью отдал в её изящные руки все бразды правления над созданием этой игры. Родовое гнездо герцогини славилось своими искусными мастерами, и её врождённое понимание роскоши было лучшим залогом успеха. Заметив мою секундную заминку перед ворохом пергаментов, Дэн дружески подмигнул мне и с уверенной улыбкой произнёс:

— Не переживай, Семён, она точно знает, что делает. Под её чутким управлением никаких неточностей или ошибок не будет, так что ты можешь просто слепо ей доверять.

Шарлотта в ответ лишь гордо вскинула подбородок, её серебристо-серые глаза при этом азартно блеснули.

Не теряя драгоценного времени, она сразу же начала собираться в дорогу. Дэн, со всей присущей ему монаршей категоричностью, наотрез отказался отпускать её одну и сразу же вызвался сопровождать кузину, уверенно заявив:

— Такое сокровище заслуживает только личного сопровождения, и я не выпущу его из рук!

Герцогиня, сохраняя своё аристократическое хладнокровие, лишь понимающе улыбнулась — ей как раз необходимо было лично заехать в родовой замок, чтобы забрать подобающие парадные платья для участия в Королевских играх. Наш короткий разговор у повозки прервал Дэн, который весело тряхнул светлыми кудрями, хлопнул меня по плечу и добавил, что они обернутся максимально быстро. Шарлотта в ответ лишь озорно прищурилась, довольная тем, как лихо завертелось наше общее тайное дело.

Для видимости безопасности к уезжающим принцу и герцогине добавили двоих гвардейцев. Всадники выстроились у опушки, и начищенная сталь доспехов гвардейцев тускло поблёскивала в свете зажигаемых в лагере факелов, отбрасывая длинные, танцующие тени на пёстрые повозки циркачей. При постоянном быстром галопе и скрытой, мощной поддержке Магии Жизни самой Шарлотты, которая тонкими, полноводными нитями энергии щедро подпитывала выносливость животных, вся эта бешеная скачка занимала всего несколько часов. Обладая силой, превосходящей любого живущего чародея в королевстве, кроме самого короля Франческо, герцогиня без труда давала коням такую фору, что под воздействием её исцеляющих чар Источника они могли нестись без устали до шестнадцати часов подряд. Их копыта уверенно и монотонно стучали по мощёной дороге, а дыхание оставалось поразительно ровным и спокойным. Маленький отряд стремительно растворился в ночной прохладе леса, и успех их путешествия казался неизбежным, оставляя меня в опустевшем лагере наедине с грядущими заботами.

Герцогиня вместе с Дэном вернулись следующим вечером, когда уже окончательно стемнело. Принц и Шарлотта влетели в лагерь на разгорячённых конях, уставшие, но с горящими глазами, и с ходу объявили, что с мастерами в замке де Витт обо всём полностью договорились и эскизы новой игры уже запущены в работу, а потому они решили начинать уже генеральные репетиции нашей трагедии с самого утра. С этого момента вся наша подготовка превратилась в самый настоящий изнурительный марафон. Мы часами до хрипоты проговаривали каждую сцену на привалах, кропотливо и ювелирно оттачивая абсолютно каждое движение артистов. Я, вынужденно выступая в роли строгого и бескомпромиссного режиссёра этого необычного спектакля, то и дело находил досадные недочёты в их исполнении. С классической земной системой Станиславского я, по правде говоря, был знаком весьма поверхностно, но даже этих моих базовых академических знаний с лихвой хватало, чтобы чётко понять, что местные актёры в своём развитии изначально находились на довольно примитивном уровне. В этом мире всё актёрское мастерство на площадях всегда ограничивалось простейшими, автоматическими действиями. Вовремя принеси реквизит, уложись в отведённое время, уйди со сцены и громко произнеси заученный текст. Никаких глубоких человеческих эмоций, никакой душевной драмы или психологической глубины в их уличных номерах отродясь не водилось,

только голые механические движения и пустые фразы. Но за те три месяца, что мы неустанно трудились над трагедией, уровень артистов вырос просто колоссально. Они совершили невероятный шаг вперёд, и теперь я страстно жаждал от труппы ещё большего, упрямо стремительно двигаясь к цели и поднимая наше представление на совершенно новый, недосягаемый уровень.

Прежний Голливуд когда-то научил меня видеть истинную силу актёрской игры, когда актёр на сцене не просто плоско изображает чувства, а по-настоящему глубоко проживает их. Когда весёлый смех становится абсолютно искренним, горькие слёзы — настоящими, а любовь и лютая ненависть — физически осязаемыми для любого зрителя. Здесь же, в самом начале моей режиссёрской карьеры, царило полное непонимание такого сложного психологического подхода, но я был буквально одержим идеей поразить всех столичных вельмож нашей громкой премьерой. Мне отчаянно хотелось отдать должное великому земному автору, показать местной знати истинное лицо театрального искусства. Агата, внимательно наблюдая со стороны за всеми происходящими переменами, видела, как кардинально и бесповоротно меняется весь привычный уклад её обоза. Согласно её строгому дорожному приказу, репетиции драмы теперь уверенно вытесняли физические тренировки, забирая себе почти все часы и силы артистов, а мой режиссёрский энтузиазм был настолько заразителен, что даже умудрённая опытом хозяйка не могла остаться равнодушной. Мы все вместе, шаг за шагом, упрямо готовились к главному выступлению перед самим королём Франческо.

Поздний летний вечер медленно опускался на притихшую лощину, и шумные костры каравана постепенно затихали, наводя сонный порядок перед грядущей рассветной работой. Агата тихо сидела на деревянной ступеньке своего резного фургона с дымящейся чашкой горячего травяного чая в руках, от которой в прохладный воздух лениво поднимался сизый пар. Её мудрый, проницательный взгляд вожака был устремлён в сторону нашей открытой кареты, где при колеблющемся свете зажжённых факелов мы с Шарлоттой и Дэном увлечённо переговаривались перед сном, делясь планами на завтрашний день. Яркие багровые отсветы пламени красиво золотили наши молодые фигуры, создавая в ночной темноте ореол чего-то по-настоящему особенного, сильного и великого.

Агата бережно поглаживала улёгшуюся у её ног Мглу.

— Непростой у тебя хозяин, да?

Мгла недовольно зарычала.

— Не нравится слово «хозяин»? И правильно, — сказала Агата. — Он тебе и не хозяин. Хозяин у тебя другой.

Мгла положила морду на лапы и закрыла глаза. Агата отставила недопитую чашку и ещё долго сидела на ступеньке, глядя, как при свете факелов смеются в карете трое её гостей.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.